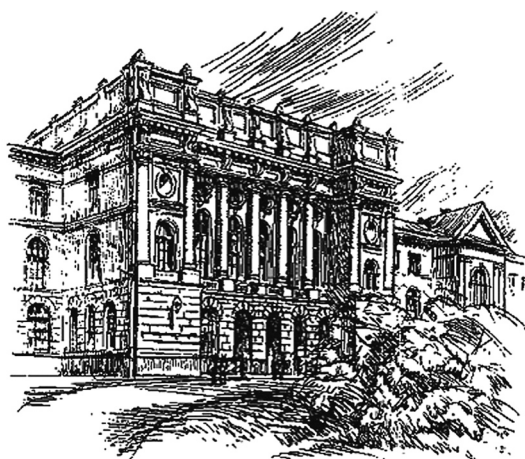

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

3 (227) 2015

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2015

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

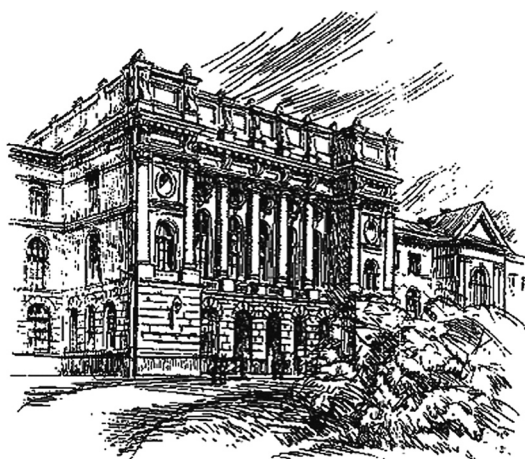
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

3 (227) 2015

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2015

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., D.Ed., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2015

Содержание

Политические науки и регионоведение

Лагутина М.Л. Интеграция как инструмент глобальной регионализации.....	9
Аверьянов М.Л. Постсоветское пространство в контексте трансформации системы миропорядка: новая формация или уходящая реальность?	19
Быков И.А. Политическая информация и социальные медиа: проблемы политической коммуникации в студенческой среде Санкт-Петербурга	28
Поляков Е.М. «Боко харам», «Имарат Кавказ» и «Аль-Шабаб»: общее и особенное в практиках терроризма и политического насилия.....	37

Международные отношения

Коваленко В.А. Особенности дипломатии посланников мира и послов доброй воли ООН	46
Ван Цзюньтао. Современная внешнеполитическая стратегия Китая в Арктике	52
Гулякин С.С. Политика Швеции в 50-х годах XX века	57
Чжоу Цзюнь. Шанхайская организация сотрудничества: история создания.....	67
Каледин В.Н. Исторические этапы развития въездного туризма в Индии.....	71

Исторические науки и археология

Самыловская Е.А. Институты церковных собраний и советов римско-католической общины Санкт-Петербурга в 1710–1760-х годах	80
Офицерова Н.В. Материалы политического контроля о жизненных стратегиях советских рабочих 1920-х годов	86
Кузнецов В.В., Климов В.Ю. Народ-ополченец против «расы господ» в Великой Отечественной войне ...	92
Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Санкт-Петербургский университет в 1905 году	98

Философские и культурологические исследования

Клягин С.В., Пичугина О.А. О новых подходах к трактовке понятия «интегрированные коммуникации»	108
Мельниченко А.А. Интесубъективные практики учреждения жизненного мира.....	118
Евграфова Т.Н. Синергия традиционных ценностей и постнеклассической рациональности: в поисках новых мировоззренческих ориентиров (этнофилософский аспект)	128
Осипов И.Д., Погодин С.Н. Историческая аксиология российской культуры.....	135
Миловзорова М.Н. Любовь как базовая ценность русской цивилизации	145
Симанова Н.В. Возникновение и развитие идей евразийства (социокультурный аспект).....	152

Образование и педагогические науки

- Кругликов В.Н., Касьяник П.М.** *Роль активного обучения в концепции глобального инженерного образования* 159
- Гуськова Н.Д., Пакшина М.В.** *Сравнительный анализ восприятия параметров организационной культуры вуза российскими и иностранными студентами* 169

Хроника

70 лет великой Победы

- Рогов И.М.** *Деннис Ноэль Притт — борец за мир (К истории борьбы первых антифашистов)*..... 182
- Кулик С.В., Офицерова Н.В.** *Международная конференция «Ялта-1945: прошлое, настоящее, будущее»*.... 187

Contents

Political science and area studies

Lagutina M.L. <i>Integration as a tool of global regionalization</i>	9
Averyanov M.L. <i>Post-Soviet area in the context of transformation of the international system: new formation or dispersing phenomenon?</i>	19
Bykov I.A. <i>Political information and social media: the problems of political communication among students of St. Petersburg</i>	28
Polyakov E.M. <i>“Boko Haram”, “the Caucasus Emirate” and “Al-Shabab”:</i> common and specific in practices of terrorism and political violence	37

International relationships

Kovalenko V.A. <i>Features of diplomacy messenger of peace and goodwill ambassadors</i>	46
Wang Juntao. <i>Modern China’s foreign policy strategy in the Arctic</i>	52
Gulyakin S.S. <i>Politics of Sweden in the 1950s</i>	57
Zhou Jun. <i>Shanghai cooperation organization: history</i>	67
Kaledin V.N. <i>Historical periods of inbound tourism in India</i>	71

Historical science and archaeology

Samylovskaya E.A. <i>Institutes of religious assemblies and councils of the Roman Catholic community of St. Petersburg in 1710–1760s</i>	80
Ofitserova N.V. <i>Materials of the political control about soviet workers life strategies of the 1920s</i>	86
Kuznetsov V.V., Klimov V.Yu. <i>The people-militia against the “master race” in the Great Patriotic War...</i>	92
Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V. <i>St. Petersburg State University in 1905</i>	98

Philosophical and cultural studies

Klyagin S.V., Pichugina O.A. <i>On innovative approaches to the notion “integrated communications”</i>	108
Melnichenko A.A. <i>Intersubjective institutionalization of lebenswelt</i>	118
Evgrafova T.N. <i>The synergy of traditional values and postnonclassical rationality: the search for new ideological orientations (ethnophilosophy aspect)</i>	128
Osipov I.D., Pogodin S.N. <i>Historical axiology of Russian culture</i>	135
Milovzorova M.N. <i>Love as a basic value of the Russian civilization</i>	145
Simanova N.V. <i>The origin and development of the ideas of Eurasianism (sociocultural aspects)</i>	152

Education and pedagogical science

Kruglikov V.N., Kasyanik P.M. <i>The role of active learning in the concept of global engineering education (standards CDIO)</i>	159
Guskova N.D., Pakshina M.V. <i>Comparative analysis of perception the parameters of organizational culture of higher education institution by Russian and foreign students</i>	169

Chronicle

Rogov I.M. <i>Noel Dennis Pritt fighter for peace (A history of the struggle of the first anti-fascists)</i>	182
Kulik S.V., Ofitserova N.V. <i>International conference "Yalta-1945: past, present, future"</i>	187

DOI 10.5862/JHSS.227.1
УДК 327.7

М.Л. Лагутина

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу современных интеграционных процессов в контексте глобальной регионализации. Рассмотрен процесс эволюции феномена интеграции в историческом контексте и в условиях современного мирового развития, когда локальное и глобальное сосуществуют не как взаимоисключающие процессы, а, скорее, как взаимодополняющие. В этой связи отмечена идея смены поколений форм региональной интеграции. Фактически территориально-государственный принцип интеграционного объединения сменяется принципом пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе. Автор приходит к выводу, что в XXI веке наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы.

ИНТЕГРАЦИЯ; ГЛОБАЛИЗАЦИЯ; ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ; ТЕРРИТОРИЯ; ПРОСТРАНСТВО; НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ; КОНГЛОМЕРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ.

Современную интеграцию можно рассматривать как инструмент мировой политики, при помощи которого мировое сообщество объединяется для эффективного решения глобальных проблем современности («вызовы» глобализации), поскольку национальные государства в одиночку не в состоянии справиться со многими из них. Для эффективного использования властных полномочий в мировом масштабе необходимы тесное взаимодействие между акторами мировой политики, четкая координация их действий, а также разработка общих норм и правил. Сама мировая политика содержит в себе интеграционные начала.

Вопреки распространенному мнению, что интеграция – феномен XX столетия, первые элементы интеграционных процессов можно увидеть и в прошлые эпохи, если под процессом интеграции понимать расширение экономических, политических и культурных взаимосвя-

зисимостей между различными государствами, и даже отдельными регионами мира. Особенно в период становления индустриального общества всплеск интеграционных процессов был не случаен, так как эти процессы стали следствием преодоления автаркии государств, образования мировых рынков, а также формирования интеграционных политико-идеологических схем, что было свойственно эпохе. Так, со времени образования в середине XIX века Интернационала наблюдается устойчивая тенденция к созданию объединений, союзов, сообществ, транснациональных институтов типа Лиги Наций или Организации Объединенных Наций (ООН). Данная тенденция сказалась и в производственно-технологической сфере, где совершенствование производительных сил было ориентировано на общие стандарты и повсеместное взаимодействие (эта тенденция нашла свое нынешнее развитие в колоссальном росте

значения и авторитета Всемирной торговой организации – ВТО). Социальная проблематика также нашла свое отражение в развитии индустриального общества (формирование системы всеобщего избирательного права, формирование концепции социально ответственного государства). В духовной сфере распространялись идеи «всеединства», цивилизационного взаимообогащения и сближения культур разных народов, морально-этические принципы всеобщей справедливости и гуманизма и т. д.

Однако если период индустриального общества рассматривать как первый этап развития интеграции, то в основном этим процессом была затронута сфера экономики, а потому, как замечает российский исследователь Ю.В. Шишков, «первыми исследователями тех экономических явлений, которые позднее стали основой международной интеграции, были специалисты в области внешней торговли и торговой политики. Еще в XVIII и XIX веках осмысливались экономические последствия первых международных выгод торговых соглашений: англо-португальского договора 1703 года, англо-французского договора 1860 года и в особенности германского Таможенного союза (1834–1871)» [1, с. 29]. Но уже в тот период имели место научные дискуссии об эффективности политики объединения. Так, например, классики политической экономии А. Смит и Д. Рикардо выступали против торговых альянсов, аргументируя свою позицию тем, что они мешают нормальному развитию международного товарообмена, сдерживают свободную рыночную конкуренцию. В свою очередь, немецкий экономист Ф. Лист выдвигал контраргументы в защиту таможенных союзов, доказывая необходимость такого рода союзов для защиты формирующихся индустриальных отраслей.

Сам термин «интеграция» стал активно использоваться при анализе социально-экономических процессов лишь в XX веке (ранее данный термин применялся исключительно в естественных науках). Под интеграцией (от *lat. integratio* – восстановление, восполнение некоего единства) в широком значении понималось возникновение новой общности из прежде разрозненных частей [2]. Первыми разработчиками этого понятия в политической науке стали немецкие ученые первой половины XX века (Р. Шмед, Х. Кельзен и Д. Шиндлер), которые

понимали под интеграцией создание социально-политической общности. Однако развитие международного сообщества в тот период еще не создало необходимых предпосылок для реализации идей интеграции. Лишь после Второй мировой войны термин «интеграция» стали применять для обозначения различных форм международного сотрудничества. Стало возможным говорить о появлении понятия «международная интеграция». В современной науке интеграция понимается как процесс нарастания тесных связей между государствами, причем во многом это сближение основывается на каких-либо общностях (культурных, территориальных, исторических и т. д.). Это добровольное и взаимовыгодное объединение отдельных частей в некую самостоятельную целостность, в результате чего участники интеграционного объединения получают преимущества, каких они не имели бы, действуя автономно. Именно ожидание выгоды и заставляет различные государства включаться в интеграционные потоки, где практически все страны могут найти свое место, независимо от их положения в мире, потенциала и уровня развития.

В современной научной литературе мы не встретим двух одинаковых определений понятия «интеграция». По мнению российского исследователя Н.Е. Овчаренко, это можно объяснить, во-первых, «наличием множества моделей, типов интеграционных процессов, которые различаются по целям и функциям», и, во-вторых, «различиями национальных интересов, которые преследуют отдельные государства или группы государств» [3]. Из практического опыта интеграции государств следует, что существуют большие отличия между интеграционными моделями, союзами и их формами, что, естественно, затрудняет выработку общего определения понятия «интеграция». Об этом же пишет российский исследователь А.А. Байков: «Само понятие „интеграция” существенно меняется, что ведет к размыванию казавшегося 20 и 30 лет назад незыблемым „европейского интеграционного канона”. Трактовки интеграции вбирают в себя опыт неевропейских интеграционных очагов...» [4, с. 236]. Действительно, вплоть до недавнего времени европейский опыт интеграции рассматривался в качестве универсального образца для развития региональных интеграционных процессов на других континентах: «мак-

рорегионализация и региональная интеграция стали распространяться на другие части мира, превратившись в одну из основных стратегий модернизированного межгосударственного взаимодействия с целью укрепления коллективного или индивидуального потенциала стран-участниц» [5, с. 225]. Однако с течением времени стало очевидно, что «европейская» модель не вполне применима к формирующимся на других континентах региональным моделям. В результате сегодня выделяют азиатскую модель интеграции, латиноамериканскую и др.

Определение термина «интеграция» специалистами из различных научных областей также не всегда совпадает. В международном праве интеграцией признается факт учреждения зоны свободной торговли или таможенного союза. В изданиях ООН, Всемирного банка, МВФ, ВТО этот феномен отождествляется с формированием региональных торговых блоков. То есть если несколько стран подписали договор о свободной торговле или таможенном союзе, то эти страны автоматически попадают в разряд интегрированных. Такой подход означает, что интеграция — это не процесс нарастания хозяйственной взаимозависимости и политического взаимодействия тех или иных стран, а лишь формальное закрепление намерений. При этом в рамках данного подхода остаются непонятными причины, по которым государства решают интегрироваться [1, с. 20]. В последнее время в социально-экономических исследованиях стал использоваться так называемый «индекс интегрированности», в соответствии с которым интеграцией называют сам рост экономической открытости стран, без учета не только ее причин и результатов, но и того факта, входят ли эти страны в тот или иной региональный союз. «На базе четырех компонентов (доли внешней торговли в ВВП, рейтинга доверия к стране со стороны институциональных инвесторов, доли прямых иностранных инвестиций в ее ВВП и удельного веса готовых изделий в ее экспорте) по особой методике высчитывается „индекс интегрированности“. Если рассчитанный таким образом индекс оказывается величиной положительной, значит, страна „интегрируется“ со всем остальным миром. Если же получается отрицательная величина, значит, „дезинтегрируется“» [6, с. 14]. Данные примеры хорошо иллюстрируют проблему определения понятия

«интеграция» в современной науке. В представленных определениях четко видны разногласия по поводу того, что является движущей силой интеграции — экономическая выгода или политическая идея.

Суммируя все приведенные выше трактовки понятия «интеграция», можно прийти к выводу, что до недавнего времени доминировало понимание интеграционных процессов как сугубо экономических. Причины — необходимость устранения различного рода преград в международных экономических отношениях и создания единого мирового рыночного пространства. Интеграционные объединения в своем нынешнем качестве, где экономика тесно переплетается с политикой, стали возникать с середины XX века. Они характеризуются географической близостью участников интеграционного процесса, схожестью уровней социально-экономического развития, наличием общих культурно-исторических традиций, а также едиными идеями и задачами. Однако глубина интеграционных процессов во многом зависит от уровня развития и структуры экономики. Именно высокий уровень развития производительных сил и схожесть усложненной структуры экономики являются необходимыми предпосылками для усиления интеграционных процессов. Этим объясняется, почему реальные интеграционные процессы имеют место в развитых регионах мира.

Исследовательский интерес к интеграционным процессам в последнее время возрастает. Так, ряд ученых особое внимание уделяют упомянутому выше процессу снижения роли государственных границ и связанного с этим экономического неравенства субъектов хозяйственной жизни [7, с. 1]. Этот аспект интегрирования, несомненно, важен при создании тех или иных интеграционных альянсов. Однако на современном этапе развития мирового социума ограничиваться интеграционными связями только в экономике уже невозможно. В рамках неофункционалистского подхода классическим считается определение интеграции, данное Э. Хаасом: интеграция — «это процесс, посредством которого лояльность политических акторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра принятия решений, который становится центром политической активности.

Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество» [См.: 8, с. 433].

Американский исследователь Б. Розамонд в книге «Теории европейской интеграции» собрал целый ряд определений интеграции:

- интеграция — это «формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем» (М. Ходжес);
- интеграция — это «создание сообщества безопасности между государствами региона» (К. Дойч);
- интеграция — «это создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями» (У. Уоллас) [9, с. 11].

Таким образом, речь идет о качественно новом характере интеграционных взаимосвязей. Прежде всего, объективные процессы глобализации, информатизации и демократизации привели к исчезновению определяющего значения «территориально-государственного фактора» во взаимодействии отдельных граждан и их объединений в политической, культурной, социальной и других сферах. *На смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе.* Многообразие существующих интеграционных политических и экономических схем свидетельствует о разной степени готовности национальных государств (часто — политических элит) участвовать в глобальных процессах XXI века. Так, одна группа государств рассматривает интеграционную политику как способ укрепления своего экономического и политического господства (например, США), другая возлагает определенные надежды на эффективность политики интеграции как способа успешного участия в современных мирополитических процессах (например, Россия, Бразилия), третья группа (главным образом развивающиеся страны) с опаской относится к политике интеграции, зачастую рассматривая ее как новую форму неокOLONИализма (государства Африки).

В современных условиях понятие «интеграция» стало неотъемлемой частью языка международных отношений и мировой политики. В последние десятилетия XX — начале XXI века все эти процессы пошли лавинообразно. Таким образом, главное отличие современного пери-

ода заключается в переходе интеграционных процессов в свою интенсивную фазу развития. Особенностью XXI века в развитии социально-политической и экономической сфер общества является выдвижение на первый план интеграции как основного инструмента в институциональном строительстве новых мирополитических феноменов — *глобальных регионов*, под которыми понимаются структурированные пространства, основными характеристиками которых являются как традиционные факторы (исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т. д.). При этом необходимо подчеркнуть, что в этом случае инструменталистский характер интеграции определяется его политическим содержанием, потому что именно политическая воля тех или иных акторов международных отношений влияет на конфигурацию и содержательные характеристики глобального региона. Так, например, глобальный регион, определяемый интеграционной политикой США, Канады и Мексики (НАФТА), не имеет наднациональных черт по той причине, что США категорически не допускают возможности подрыва собственного суверенитета. Другой яркий пример — СНГ. В уставных правилах этого содружества государств подчеркнута недопустимость политики создания наднациональных структур. Примерами иного характера являются, безусловно, Европейский союз и, возможно, Меркосур и АСЕАН, а также новое интеграционное объединение на постсоветском пространстве — Евразийский экономический союз, где политика интеграции определяется как инструмент создания наднациональных органов управления.

В этой связи интересна позиция российского исследователя Н.А. Косолапова, который считает, что необходимо четко разводить понятия *интеграция* и *регионализация*, поскольку политика интеграции не всегда ведет к созданию со-управления как наднационального фактора в развитии глобальных регионов, а регионализация является результирующим процессом именно наднационального политического строительства. Объективная тенденция интеграции в современном мире вызвала к жизни новый пространственный феномен «наднациональности». Особенно активно анализом данного

явления занялись европейские исследователи после создания Европейского объединения угля и стали (1951), которое положило начало строительству «Европейского Дома» — политической, экономической, социальной и культурной общности европейских государств, пространства, в котором должен был быть положен конец международной ненависти и соперничеству. Однако эта идея не была абсолютно новой, так как еще в Средние века в трудах европейских мыслителей (например, Д. Алигьери, Э. Роттердамского, Я.А. Коменского и др.) развивалась идея «общего европейского Дома» как единого христианского пространства. Данная идея нашла свое продолжение в эпоху Просвещения в трудах Ш. де Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, а в XIX веке — в трудах О. Конта, А.-К. Сен-Симона и др. Особо нужно выделить итальянского революционера Дж. Мадзини и французского писателя В. Гюго, которым принадлежит идея создания Соединенных Штатов Европы. Периодом расцвета идеи панъвропейского единства стали 50-е годы XX века, когда Ж. Монне («Отец Европы») выступил инициатором объединения: «Страны Европы недостаточно сильны по отдельности, чтобы быть способными гарантировать процветание и социальное развитие своим народам. Государства Европы должны сформировать федерацию, которая объединила бы их в единую экономическую силу» [10]. В этот период формируется позиция, согласно которой международное право в вопросах интеграции в целом должно быть наднациональным, поскольку исполнительные органы интеграционных объединений представлялись относительно независимыми от юрисдикции государств и имели наднациональную природу.

Подводя некоторый итог рассмотрению понятия «интеграция», важно подчеркнуть следующие особенности его содержательного наполнения:

- в период индустриального общества главный смысл интеграции определялся экономическими интересами отдельных государств, которые шли на сближение, имея в виду исключительно национальные интересы и основываясь на территориальном принципе взаимодействия;

- в условиях постиндустриального общества интеграция становится инструментом со-

здания глобальных регионов и институтов наднационального управления;

- процесс интеграции в начале XXI века охватывает не только традиционную сферу экономики, но практически все сферы общественного развития, что дает основание говорить о феномене *мировых интеграционных процессов*;

- феномен «наднациональности» следует рассматривать как один из основополагающих компонентов современных мировых интеграционных процессов и глобальной регионализации, в совокупности представляющих собой характеристику новой стадии в развитии мирового социума.

Каковы же аргументы, с помощью которых можно доказать правильность вывода о феномене мировых интеграционных процессов? Во-первых, резко повысилась степень взаимозависимости современного человечества. Трансграничность как важнейшая характеристика глобального социума привела к тому, что государственный суверенитет стал утрачивать свою абсолютность как принцип международного права, уступая место концепции «наднациональности» как основы для глобального управления, регулирования и контроля в мировом масштабе [11, с. 17]. Во-вторых, наряду с глобализацией и информатизацией идет процесс демократизации мирового сообщества, что можно рассматривать и как одно из последствий «информационной революции», благодаря которой виртуальные возможности общения в Интернете значительно активизировали процессы формирования глобального гражданского общества, а также привели к популяризации основных либерально-демократических принципов. Это нашло отражение в мировых политических интеграционных тенденциях, что, в частности, выразилось в рамках ЕС в создании общеевропейской партии «зеленых», европейской левой партии и других политических и общественных объединений. В мировом масштабе можно говорить о действенном союзе социалистических партий (Социнтерн), либеральных партий (Либеральный интернационал), а также о множестве международных неправительственных организаций. Таким образом, существуют объективные предпосылки для формирования мирового гражданского общества. В-третьих, становится очевидным, что уже существуют в мире как объективные

глобальные экономические условия для более тесного сотрудничества, так и информационно-технические возможности для всемирного политического и демократического управления, а также контроля устойчивого развития мировой цивилизации.

В результате могут быть выделены следующие сферы современных мировых интеграционных процессов:

- политическая (транснациональная партийная среда: Социнтерн, Консервативный альянс, межпарламентские организации и пр.);
- социальная (формирование глобального гражданского общества, движение антиглобалистов, корпоративное гражданство и пр.);
- экономическая (зоны свободной торговли, таможенные союзы, глобальный рынок труда и пр.);
- сфера безопасности (военно-техническое сотрудничество, борьба с терроризмом, охрана границ, борьба с организованной преступностью);
- культурная (культурный обмен, лингвистические организации – Франкофония, Лузофония и др.);
- научная (научные сообщества, международные виртуальные проектные сообщества);
- образовательная (Болонский процесс, виртуальные университеты и т. д.);
- информационная (электронные правительства, социальные сети и др.).

Итак, можно констатировать, что современные формы интеграционных пространств многообразны и находятся в тесной взаимосвязи, что свидетельствует о новом постклассическом этапе развития мирового социума. В условиях XXI века классические формы интеграции трансформируются из узкоэкономических, государственно-территориальных форм в новые *конгломерационно-пространственные* в различных сферах деятельности человеческой цивилизации, в которых наряду с государством начинают участвовать и другие акторы мировой политики.

Продолжая теоретический анализ феномена мировых интеграционных процессов, необходимо наряду с рассмотренными выше сферами современной интеграции выделить и ее основные формы. В этой связи можно упомянуть позицию российского исследователя Н.Е. Овчаренко, которая, используя метод мо-

делирования, выделяет три основные модели современных интеграционных объединений:

1. Региональные и межрегиональные интеграционные сообщества, которые, в свою очередь, делятся на группы по целям: экономические, политико-экономические (с элементами социального интегрирования), политические, военно-политические, институционально-координационные и др.

2. Международные правительственные наднациональные организации координирующего типа (например, Организация Объединенных Наций).

3. Международные неправительственные организации, к числу которых относятся профсоюзы, транснациональные корпорации и т. д. [3].

Однако нам представляется, что модельный ряд Н.Е. Овчаренко неполный. Исходя из тезиса о многоуровневости и многомерности современного интеграционного пространства, мы считаем, что модельный ряд современных интеграционных объединений более разнообразен. Так, например, в условиях глобализации появился целый ряд неформальных объединений государств (например, «Большая двадцатка», БРИКС, МИКТА и др.) и бизнес-сообществ (например, Давосский форум, Санкт-Петербургский экономический форум и т. д.). Их можно рассматривать как новые формы интеграционных объединений XXI века, в основе которых лежит не территориальный, а пространственный принцип взаимодействия.

Возвращаясь к размышлениям о характере постклассического этапа интеграционных процессов, следует еще раз подчеркнуть, что в условиях XXI века наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы (глобальные регионы). Здесь уместно упомянуть точку зрения известного английского исследователя Р. Купера, который отмечал, что в «постмодернистской системе» нет базисных постулатов баланса сил и традиционного разграничения политики государств на внешнюю и внутреннюю. Поэтому

к числу стран «постмодерна», по его мнению, следует относить страны, активно участвующие в интеграционных наднациональных объединениях, например в Европейском союзе, который представляется ученому высокоорганизованной системой взаимного вмешательства во внутренние дела государств. Таким образом, в условиях глобальной регионализации остро встает вопрос о суверенитете как о важнейшей составляющей эпохи господства межгосударственных отношений в международной жизни. Возникает объективная потребность подняться над национальными интересами государств и понять объективную значимость интеграционных общечеловеческих интересов. В этом контексте представляется закономерным рассматривать интеграционные процессы, идущие в рамках процесса глобальной регионализации (где локальное и глобальное сосуществуют не как взаимоисключающие процессы, а, скорее, как взаимодополняющие) [12], как качественно новую форму в сравнении с интеграцией, основанной на принципе регионализации.

В результате происходящих в мире процессов глобализации, информатизации и демократизации государства вынуждены смириться с растущей взаимозависимостью и необходимостью соизмерения собственных национальных интересов с интересами мирового бизнес-сообщества и глобального гражданского общества, что, по нашему мнению, можно обозначить как *«конгломерационную» форму международных связей и взаимодействий*, ведущую к возникновению целого ряда общих проблем, решение которых уже не может быть найдено в рамках национально-государственных границ. Именно это является основополагающим фактором возрастания процессов глобальной регионализации. Свидетельствами этого могут служить региональные интеграционные группировки, международные организации (формального или неформального характера), значение которых с каждым днем возрастает. Также нельзя недооценивать массовые движения гражданского общества. Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня действуют мощные интеграционные тенденции, причем не только со стороны государственных структур, но и со стороны бизнес-сообщества и гражданского общества.

На современном этапе мировой политической процесс развивается на нескольких

уровнях. Прежде всего на государственном уровне – между правительственными и общественными структурами внутри государства. Второй уровень – межправительственный, представляющий собой взаимодействие между правительствами разных стран. Третий – наднациональный, включающий в себя взаимодействия нескольких видов: между наднациональными институтами (как правительственными, так и неправительственными) и государственными органами или общественными структурами. Кроме того, особый вид взаимоотношений представляют собой связи между общественными организациями разных государств на транснациональном уровне: «институты и механизмы транснационального управления претендуют на то, чтобы восполнить разрыв между растущей взаимозависимостью мира и его недостаточной управляемостью» [13, с. 12]. Это свидетельствует о растущем влиянии на мировую политику международных общественных структур, что означает более тесное сотрудничество и постепенное формирование глобального мирового сообщества. В этой связи особого внимания заслуживает концепция Дж. Розенау, где отмечается, с одной стороны, тенденция к универсализации мира, а с другой – тенденция к его фрагментации. По мнению американского политолога, отношения в современном мире характеризуются центристскими силами (глобализацией и интеграцией) и действующими с ними параллельно центробежными силами (фрагментацией и регионализацией государств), или «фрагментативностью» [14, с. 99–118]. Представляется, что именно в этом ключе и можно рассмотреть предлагаемую модель новой формы интеграции в условиях процессов глобальной регионализации – *«конгломерационную модель интеграционных взаимодействий»*.

В классическом варианте интеграция представляет собой один из доминирующих факторов современных международных отношений и является высшей формой межгосударственного взаимодействия. Однако в начале XXI века развиваются различного рода интеграционные процессы, идущие как вширь, так и вглубь. Возникают новые интеграционные группировки, происходит модификация их организационных форм, эволюция более простых к более сложным моделям. Становление конгломерацион-

ных интеграционных процессов, на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами:

- производственно-техническим — резкое возрастание масштабов производства, международные формы его проявления заключаются в деятельности ТНК; качественно новый уровень средств связи и транспорта, обеспечивающий быстрое распространение товаров и услуг, ресурсов и капиталов;

- экономическим — небывалая концентрация и централизация капитала, новые организационные формы, выходящие за государственные границы, что способствует формированию единого рыночного пространства;

- информационным — радикальное изменение средств общения, обмена информацией, что создает возможности оперативного, современного и эффективного решения производственных, научно-технических задач на международном уровне;

- научно-технологическим — экономические выгоды использования передового научно-технического и технологического и квалификационного уровня ведущих в соответствующих областях стран для ускоренного внедрения новых решений при относительно меньших затратах;

- социологическим — ослабление роли привычек и традиций, социальных связей и обычаев, преодоление национальной ограниченности, что повышает мобильность людей в территориальном, духовном и психологическом отношениях, способствует международной миграции;

- политическим — тенденция к ослаблению жесткости государственного суверенитета, появлению наднациональных структур, повышению свободы передвижения граждан, товаров, услуг и капиталов;

- экологическим — проблемы сохранения окружающей среды, обеспечения продовольствием растущего населения Земли, поиска новых источников энергии, сохранения мира и выживания человека в «ядерную эпоху» и другие для своего решения требуют объединения усилий мирового сообщества, поскольку разрешение этих глобальных проблем уже не по силам отдельным государствам и их региональным объединениям;

- идеологическим — в условиях постиндустриального развития, когда процессы деколонизации и цивилизационного и экономического возрождения развивающихся стран стали доминировать в условиях глобализации и демократизации, на первый план стал выходить принцип интеграции «единство в многообразии».

Привлекательность современных интеграционных методов развития во многом объясняется тем, что, как справедливо заметил российский ученый Ю. Лепешков, «интеграция позволяет получить такие материальные, интеллектуальные и иные средства, каких ни один из участников не имел бы, действуй он автономно» [15].

Таким образом, переходность современного периода — второе десятилетие XXI века — заключается в преодолении интеграционной обособленности в рамках политики регионализма, где национальные интересы преобладают. Особенностью современных интеграционных процессов являются их глобальное (мировое) измерение и переход к началу *глобально-региональной стадии интеграции*, т. е. переход от региональных интеграционных группировок к глобальным наднациональным институтам, основанным на взаимодействии государств, бизнес-структур и гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шишков Ю.В.** Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III Тысячелетие, 2001.

2. **Стрежнева М.В.** Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Современная мировая политика: прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 537–557.

3. **Овчаренко Н.Е.** Модели современных интеграционных процессов. URL: <http://www.xserver.ru/user/msipr/> (дата обращения: 30.02.2015).

4. **Байков А.А.** Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012.

5. **Практика** зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015.

6. **Рубинский Ю.И.** Европа XXI века: государство, политические системы, гражданское общество // Доклад Института Европы РАН. М., 2000. № 67.

7. **Henderson B.** The Theory of Economic Integration. L., 1962.
8. **Dougherty J., Pfaltzgraff R.L.** Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. N. Y., 1990.
9. **Rosamond B.** Theories of European Integration. L., 2000.
10. **Монне Ж.** // Энциклопедия «Люди». URL: http://www.peoples.ru/state/politics/jean_monnet/ (дата обращения: 10.03.2015).
11. **Балуев Д.Г.** Информационная революция и современные международные отношения. Н. Новгород, 2001.
12. **Леонова О.Г.** Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Журналь-
ный клуб «Интелрос». URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html> (дата обращения: 30.02.2015).
13. **Транснациональные** политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: Весь мир, 2011.
14. **Rosenau J.** Along the Domestic-Foreign frontier. Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997.
15. **Лепешков Ю.А.** Интеграция в рамках Европейского союза: некоторые вопросы теории. URL: <http://www.humanities.edu.ru> (дата обращения: 19.02.2015).

ЛАГУТИНА Мария Львовна – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: manipol@mail.ru

M.L. Lagutina

INTEGRATION AS A TOOL OF GLOBAL REGIONALIZATION

This article is devoted to analysis of the modern integrational processes in the framework of the global regionalization. The author regards the process of the evolution of the integration in the historical context and in the modern conditions of the world development, where local and global coexists. As a result the author concludes that today we are observing a new “wave” of world integrational processes, which is related to its transition to a global stage. In the era of globalization the classical form of states territorial integration is being transformed (as international regions) from one in which states were guided exclusively by national interests into global-regional integration, where supranational interests are coming to the forefront.

INTEGRATION; GLOBALIZATION; GLOBAL REGIONALIZATION; TERRITORY; SPACE; SUPRANATIONALITY; CONGLOMERATION INTEGRATION MODEL.

REFERENCES

1. Shishkov U.V. *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyut'sya strany SNG* [Integrational processes on the threshold of XXIst century. Why the CIS's countries are not integrated]. Moscow, III Millenium Publ., 2001. (In Russ.)
2. Strezhneva M.V. [Integration and involvement as the tools of global governance]. *Sovremennaya mirovaya politika: prikladnoy analiz* [Modern world politics: applied analysis]. Moscow, Aspect Press Publ., 2009. Pp. 537–557. (In Russ.)
3. Ovcharenko N.E. *Modeli sovremennykh integratsionnykh protsessov* [Models of the modern integrational processes]. XServer.ru. Available at: <http://www.xserver.ru/user/msipr/> (accessed 30.02.2015).
4. Baykov A.A. *Sravnitel'naya integratsiya. Pracktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy*

Azii [Comparative integration. The models of the integration in Europe and the Pacific Asia]. Moscow, Aspect Press Publ., 2012. (In Russ.)

5. *Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoy politiki* [A practice of foreign area studies and world politics]. Moscow, Magistr, INFRA-M Publ., 2015. (In Russ.)

6. Rubinskiy U.I. [Europe in XXI century: nation-state, political systems, civil society]. Report of the Institute of Europe RAS. Moscow, 2000. No. 67. (In Russ.)

7. Henderson B. *The Theory of Economic Integration*. London, 1962.

8. Dougherty J., Pfaltzgraff R.L. *Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey*. New York, 1990.

9. Rosamond B. *Theories of European Integration*. London, 2000.

10. Monnet J. *Encyclopedia "People"*. Available at: http://www.peoples.ru/state/politics/jean_monnet/ (accessed 10.03.2015).

11. Baluyev D.G. *Informatsionnaya revolutsiya i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Informational

revolution and the modern international relations]. Nizhniy Novgorod, 2001. (In Russ.)

12. Leonova O.G. *Global'naya regionalizatsiya kak fenomen razvitiya global'nogo mira* [Global regionalization as a phenomenon of the development of the global world]. *Journal's club "Intelros"*. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18822-globalnaya-regionalizatsiya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html> (accessed 30.02.2015).

13. *Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political spaces: a phenomenon and practice]. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. (In Russ.)

14. Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign frontier. Exploring Governance in a Turbulent World*. Cambridge, 1997.

15. Lepeshkov Yu.A. *Integratsiya v ramkakh Evropeyskogo soyuza: nekotorye voprosy teorii* [Integration in the framework of the European Union: some aspects of the theory]. Available at: <http://www.humanities.edu.ru> (accessed 19.02.2015).

LAGUTINA Mariya L. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: manipol@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.2

УДК 327

М.Л. Аверьянов

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МИРОПОРЯДКА: НОВАЯ ФОРМАЦИЯ ИЛИ УХОДЯЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной мировой политики – реорганизации постсоветского пространства, происходящей под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. Пути и формы этой трансформации справедливо вызывают в научной среде дискуссию о том, является ли жизнеспособным сам термин «постсоветское пространство». Проводя анализ событий, наступивших в результате новой волны крупных геополитических преобразований XXI века и попыток реализации так называемых «цветных революций», автор выявляет закономерности в развитии бывших советских республик, позволяющие утверждать, что на пространстве бывшего СССР начала формироваться новая жизнеспособная конфигурация. Особое внимание уделено результатам воздействия на регион внерегиональных акторов и сил, тактические успехи которых на данном этапе могут стать предпосылками стратегического поражения.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; НОВЫЕ НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА; ГЕОПОЛИТИКА; «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»; РАСШИРЕНИЕ НАТО; ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

С началом второй фазы крупных геополитических преобразований XXI в. постсоветское пространство претерпевает существенную трансформацию – изменение как внешнего, так и внутреннего своего содержания. Постсоветское пространство проходит путь преобразований, выразившихся прежде всего в изменении его внутренней структуры, характера взаимоотношений государств, а также в неоднократной переориентации внутри- и внешнеполитических курсов. Вместе с тем разноплановая, разноуровневая, разнотемповая и разнонаправленная интеграция, начавшаяся вслед за распадом СССР и активно реализуемая по прошествии так называемых «цветных революций», стала основным и определяющим фактором изменения внутреннего содержания самого термина «постсоветское пространство».

Процессы, происходящие сегодня в регионе, являются одними из наиболее значимых в современной мировой политике, характеризующиеся переплетением разнообразных и разнородных интересов, факторов и сил. В регионе находят свое отражение и сплетаются значительная часть крупных международно-значимых явле-

ний, чувствительных вопросов и противоречий. В этой связи постсоветское пространство представляет собой особую площадку, становясь ареной столкновения интересов многих крупных современных геополитических акторов и сил. При этом отсутствие определенности в направлениях развития многих постсоветских государств, обострившиеся в них гражданские противоречия содержат в себе существенный потенциал нестабильности для всего региона.

Для ответа на вопрос, является ли на современном этапе постсоветское пространство новой формацией или же оно стало уходящей реальностью, следует провести соответствующий анализ, в котором помимо собственно аналитических методов (анализа и системного анализа) приблизить к исследовательскому результату способно использование методов компаративистики и системного сравнения.

Завершение существования Советского Союза и последовавшие за этим «цветные революции» на постсоветском пространстве ознаменовали собой образование значительной по своим географическим масштабам зоны системного надлома и своеобразной «тектониче-

ской подвижности». Кардинальный, революционный характер изменений, свершившихся в новых независимых государствах, охарактеризовался переоценкой ранее господствовавших ценностей и институтов, во многом диктовавшейся политической конъюнктурой в каждом конкретном государстве. Подобной переоценке подверглись не только режимы и идеологии, но и территориально-политические статусы, культурно-цивилизационные ценности, цели и интересы, геополитические ориентации, истории государств и народов. Предметом широкой внутриполитической дискуссии в каждом из новых независимых государств стали вопросы модальностей участия в тех или иных междунационально-политических союзах, началось масштабное по своим объемам перераспределение влияния и ресурсов.

Эти перемены приняли в постсоветских республиках разнообразные формы, которые характеризовались неодинаковостью, а зачастую даже полярностью подходов к решению задач укрепления национальной государственности, различиями масштабов и темпов проведения реформ. В силу специфики сложившихся межгосударственных отношений между бывшими советскими республиками оказались затруднены возможности обмена опытом и выработки совместных подходов к решению общих задач.

Особенности данного региона, его цивилизационные, геополитические и культурно-социальные характеристики позволяют утверждать, что происходящие здесь сегодня изменения и складывающиеся конфигурации оказывают значительное влияние на основополагающие контуры мироустройства в XXI в. Служа для мощных внерегиональных акторов и сил своеобразным «полигоном» для отработки новейших политических и военных технологий, регион является последним форпостом на пути к прямому соприкосновению непосредственно с Российской Федерацией, как политико-идеологическому, так и гуманитарному, и даже военному. В свою очередь, для самой России, которая во многом является ядром и центром происходящих на постсоветском пространстве изменений, происходящие здесь процессы имеют экзистенциальное значение и во многом влияют на пути ее дальнейшего развития, ее положение и активность на международной арене.

Помимо культурных, экономических и политических связей Россию с постсоветскими государствами объединяет фактор наличия в них значительного количества постоянно проживающего там русского и русскоязычного населения. В многонациональных бывших советских республиках присутствуют также целые народы, в силу культурно-исторических особенностей своего развития тяготеющие к России. По различным оценкам, число соотечественников, проживающих в постсоветских республиках и ощущающих неразрывное культурно-историческое единство с российским народом, превышает 20 млн человек, большая часть из которых проживает там постоянно.

Вместе с тем, несмотря на активное развитие национальной государственности в бывших республиках Советского Союза, представители русскоязычного населения этих стран по-прежнему сохраняют во многих из них заметные экономические, культурные, социально-политические и даже военные позиции в обществе. В этой связи очевидными представляются основные этнополитические задачи современной России на постсоветском пространстве, выражающиеся в стремлении сохранить и упрочить существующие связи. Этим также обуславливаются ее внешнеполитические приоритеты [1], закрепленные в государственных нормативных актах доктринального характера [2]. Таким образом, естественным является то, что страны постсоветского пространства выделены в особую и основную группу приоритетных партнеров России.

От качества и перспектив развития отношений со странами ближнего зарубежья во многом зависят способность России к поступательному и преемственному историческому развитию, ее внутренняя и внешняя безопасность, позиции и вес на мировой арене. В значительной степени от уровня взаимоотношений со странами постсоветского пространства зависит также и идентичность самого российского народа.

Несмотря на то что в условиях глобализирующегося мира фактор территориальной близости к тем или иным центрам теряет свое абсолютное значение, он, тем не менее, продолжает играть существенную роль в выстраивании политического и экономического взаимодействия России с другими государствами. Так, политический ландшафт, складывающийся в государ-

ствах постсоветского пространства, напрямую влияет на степень и характер взаимодействия России с европейскими институтами и НАТО, Дальним Востоком, арабским миром, а также США, присутствующими на постсоветском пространстве в весьма энергичном, а зачастую агрессивном формате. Помимо этого, сложившийся пояс новых независимых государств отделяет сегодня Россию в ее современных границах от других геополитических и цивилизационных центров на западе и на юге.

В этих условиях государства постсоветского региона теоретически могут выступать как в роли своеобразной «защитной дуги», оберегающей внутреннее пространство России от возможных негативных воздействий извне, так и в качестве своеобразного «санитарного кордона» [3, с. 463] из «буферных государств» против России для максимального сужения ее влияния на региональные международно-политические процессы. Некоторые исследователи высказывают более категоричные суждения, предполагая, что постсоветское пространство способно в перспективе стать частью «великого лимитрофа» [4, с. 21], способного привести Россию к полной изоляции и оттеснить ее на обочину мирового исторического процесса.

С геостратегической и геоэкономической точек зрения постсоветское пространство представляет значительный интерес для различных акторов мировой политики, в том числе таких, которые заинтересованы в расширении сферы своего влияния. Регион богат ресурсами, что имеет стратегическое значение в свете разрабатываемых планов по диверсификации маршрутов транспортировки углеводородного сырья. Они также обретают стратегическую значимость в условиях растущих энергопотребностей ведущих мировых производственных зон, находящихся по соседству с регионом, — европейского континента и промышленных гигантов Азии.

Россия претендует на региональное лидерство в области энергетики, а также на роль гаранта стабильности на мировом рынке углеводородов. Ее активность в энергетической сфере и перспективы дальнейшего развития сотрудничества с существующими партнерами напрямую зависят от складывающейся ситуации в регионе постсоветского пространства. К примеру, «газовые» и «нефтяные» кризисы

последних лет, так или иначе затронувшие практически каждое государство постсоветского пространства, продемонстрировали важность выработки единых «правил игры» на энергетическом рынке постсоветского пространства для обеспечения региональной и глобальной энергобезопасности.

Вместе с тем в геостратегическом аспекте государства постсоветского пространства представляют собой своеобразный «евразийский пояс», в котором тесно переплетаются европейские и азиатские социокультурные, политические, экономические особенности европейского и азиатского типов мышления. Как следствие, географическое положение этих стран, расположенных на пересечении импульсов, исходящих с различных сторон, ожидаемо превращает регион в площадку столкновения геополитических интересов: историческое доминирование России в регионе активно оспаривают США, региональные лидеры Ближнего и Среднего Востока, ведущие исламские государства, Европейский союз и отдельные его сегменты, предстающие в форме «новой» и «старой» Европы, а также Китай, демонстрирующий в последнее время наиболее уверенные темпы увеличения своего экономического и политического веса в международных делах.

В то же время, несмотря на очевидные различия, существующие между государствами постсоветского пространства, они обладают целым рядом общих особенностей, определяющих их место в современном мироустройстве. Имея во многом схожий опыт исторического развития, многие государства региона стоят перед общими проблемами в области экономики, развития эффективной государственности, укрепления институтов демократии и гражданского общества. Вместе с тем государства предстают также перед вызовами нового, глобализационного характера. В частности, большое значение имеет проблема сохранения культурно-исторического наследия государств и народов, избежания эрозии духовно-этических ориентиров в условиях взаимопроникновения и соприкосновения цивилизаций и изменения политических реалий в самих этих государствах.

Выполнение этих задач представляется крайне сложным в условиях концентрации целого ряда очагов религиозных, национально-

этнических противоречий, «замороженных» и «горячих» территориальных и национальных конфликтов, а также происходящих «тектонических сдвигов» на политической карте региона. Большинство новых независимых государств ожидаемо столкнулись с проблемами создания эффективных аппаратов управления и наполнения номинального суверенитета реальным содержанием. Реализацию этих задач во многом осложняет и тот факт, что государства разделены между собой во многом произвольными территориальными границами, утвержденными в XX в. согласно совершенно иной, не соответствующей национально-культурным потребностям народов логике, что в значительной степени затрудняет достижение национально-государственной консолидации.

Экономическое и географическое содержание термина «постсоветское пространство» начало видоизменяться уже в первые годы своего существования. Это связано прежде всего со стремлением отдельных бывших советских республик, и в первую очередь прибалтийских, максимально дистанцироваться от многих связей, объединявших их с Россией и другими субъектами федерации, входившими в состав СССР.

Примером таких устремлений могут являться конституционные акты высших органов законодательной власти прибалтийских республик о невступлении в так называемые «восточные союзы» [См., например: 5, с. 89] — страны Балтии всячески отвергали возможность своего участия в каких бы то ни было интеграционных процессах на постсоветском пространстве и на практике стремились максимально отстраниться от них. Кроме того, этими республиками были приняты конституционные акты о признании оккупации их Советским Союзом в 1940 г., выдвинуты территориальные и материальные претензии к России, а также предприняты активные действия на международной арене по признанию незаконности их вхождения в состав СССР.

В начальный период развития государственности прибалтийскими республиками были четко обозначены основные направления внешнеполитического курса, ориентированного прежде всего на европейскую и евроатлантическую интеграцию. Реализуя данный курс отчасти по собственной инициативе, страны

Балтии стремились к поиску дополнительных гарантий своей безопасности со стороны западных стран и институтов. Вместе с тем многие деструктивные силы в этих государствах, в первую очередь националистические, делали заметный антисоветский и — как следствие ошибочного исторического восприятия — антироссийский, зачастую весьма конфронтационный, акцент в разрабатываемых программах внешнеполитического взаимодействия. Подобная переориентация ассоциировалась местными элитами с укреплением реального суверенитета, а также с ускорением решения внутренних социально-экономических проблем. При этом данные политические линии не были лишены целого ряда внутривнутриполитических просчетов, вызвавших к жизни в значительной степени взрывоопасную этносоциальную ситуацию в самих этих странах.

Обретение суверенитета Литвой, Латвией и Эстонией в 1991 г. было основано на широкой поддержке со стороны населения этих республик, высказавшегося на референдумах по данному вопросу положительно. В то же время характерной особенностью данных референдумов стал тот факт, что в принятии судьбоносных для балтийских государств решений участвовали фактически все граждане, населявшие эти республики в 1991 г. Это означает, в частности, что национальные меньшинства, среди которых значительную часть составляло русскоязычное население, в основной массе поддержали планы республиканских элит по провозглашению суверенитета этих государств и их выходу из состава Советского Союза.

Вместе с тем парадоксом последовавшего государственного развития Латвии и Эстонии стал тот факт, что национальные меньшинства, занимавшие активную политическую позицию в начале 1990-х гг. и сыгравшие значимую роль в восстановлении независимости Латвии и Эстонии, впоследствии были нейтрализованы в гражданском и политическом отношении и устранены от процессов принятия решений. В частности, они столкнулись с целым рядом существенных социально-экономических проблем, вызванных массовым безгражданством, сложностями с получением образования и возможностью профессиональной самореализации, другими ограничениями, установленными в законодательном порядке. Нали-

чие таких ограничений справедливо позволяет утверждать, что в Латвии и Эстонии сложились этнократические режимы, при которых наблюдаются серьезные проблемы с положением и государственными гарантиями реализации и защиты прав человека и национальных меньшинств. Политика этнократических режимов в данных государствах была основана на том, что национальные меньшинства, способные занять активную политическую позицию, рассматривались как возможная угроза самому существованию этих стран и реализации ими независимой национальной внутренней и внешней политики.

Параллельно процессам разрушения связей балтийских государств с другими республиками, входившими в состав Советского Союза, страны Балтии инициировали собственные интеграционные процессы, которые должны были объединить в первую очередь непосредственно сами три прибалтийские республики, стоявшие перед общими проблемами внутренней и внешней политики. Целью такой интеграции являлась последующая совместная инкорпорация в структуру евроатлантической безопасности, гарантируемой НАТО, а также в экономические и политические структуры Европейского союза. С точки зрения местных национальных элит, европейские и евроатлантические структуры должны были составлять основу и перспективу гарантий суверенитета и безопасности, а также предоставить этим государствам возможности быстрого экономического подъема.

Свой переход из геополитического пространства, принадлежавшего СССР, в геоэкономическое и геополитическое пространство Европы и Евроатлантического региона страны Балтии окончательно оформили своим вступлением в НАТО (апрель 2004 г.) и Европейский союз (май 2004 г.). В отличие от других стран постсоветского пространства в балтийских республиках русскоязычное население лишено возможности активно влиять на происходящие процессы дальнейшего государственного развития в силу своей немногочисленности (например, в Литве) либо в силу сознательной дискриминационной политики по отношению к ним со стороны находящихся у власти в Латвии и Эстонии этнократических режимов, заключающейся в стремлении к фактической ассимиляции национальных меньшинств.

Помимо балтийских государств попытки выхода из геополитической зоны постсоветского пространства и формирования новой национально-государственной идентичности предпринимали в разное время и другие страны региона, во многом за счет сознательного усиления конфронтационных по отношению к России линий во внешней политике. В частности, в результате реализации проектов так называемых «цветных революций», в особенности после антиконституционного переворота на Украине в 2014 г., целый ряд государств на постсоветском пространстве указали в числе своих внешнеполитических приоритетов задачи, не соотносящиеся со сложившейся практикой регионального развития, опирающиеся в большей степени на выстраивание новых, нетрадиционных партнерств и направленные на существенное сужение спектра устоявшихся связей. Данные приоритеты во многом не учитывают стратегических интересов (в том числе и интересов обеспечения безопасности) соседних стран. Это такие государства, как Грузия, Украина, Молдавия, а также – на определенном этапе – Узбекистан и Киргизия, политические процессы в которых в прошедшее десятилетие носили революционный характер и привели к существенным изменениям в их внутри- и внешнеполитических доктринах. Вместе с тем данный путь развития вызвал к жизни затяжные политические кризисы, разрешать которые предстоит, так или иначе, во взаимодействии с окружающими постсоветскими государствами и на основе учета в том числе и их интересов. Так, несмотря на состоявшийся в 2009 г. формальный выход Грузии из СНГ, степень ее вовлеченности в процессы, происходящие в регионе, а также наличие очевидно общих для постсоветских государств проблем политического и экономического развития по-прежнему не позволят говорить о состоявшемся переходе этой страны в какую-либо иную геополитическую или геоэкономическую зону. При этом заявления новых руководителей Грузии, пришедших к власти в результате победы на парламентских выборах 2012 г., подтверждают ее заинтересованность в сохранении доступа к широкому инструментарию СНГ.

Стремление укрепить собственную независимость от региональных центров влияния на постсоветском пространстве, а также уста-

новить нетрадиционные для региона партнерские связи с разной степенью интенсивности демонстрировали Молдавия, Узбекистан, Киргизия и Туркменистан. Специфика их географического положения – на границах региона постсоветского пространства – во многом благоприятствовала реализации поставленных задач. Однако сложности внутривосточного развития этих государств, отсутствие консенсуса в обществе по поводу путей дальнейшего государственного развития, ощутимая экономическая зависимость от других стран, а также использование элементов политической культуры, характерных в большей степени для советского периода, тоже не позволяют говорить о какой-либо результативной трансформации этих государств, что означало бы их фактический выход из региона постсоветского пространства.

Следует отметить, что термин «постсоветское пространство» в его современном понимании де-факто не представляется возможным приравнять к географическим границам Содружества Независимых Государств, поскольку республики (за исключением стран Балтии), входившие в СССР, однако на данный момент не являющиеся членами СНГ, в силу наличия между ними ряда общих черт можно с уверенностью отнести к категории государств постсоветского пространства. На сегодняшний момент такими государствами являются Абхазия, Грузия, Южная Осетия, а также самопровозглашенные государства в зонах нерешенных («замороженных») этнополитических конфликтов – Приднестровье, Нагорный Карабах и провозглашенные в 2014 г. протогосударственные образования на юго-востоке Украины.

Несмотря на имеющиеся между входящими в регион странами социокультурные различия, можно выделить ряд общих политических и экономических черт, позволяющих объединить их в регион постсоветского пространства.

- Одной из наиболее важных общих черт является наличие в каждом из государств границы между номинальным и реальным суверенитетами, которыми они обладают. Процесс развития государственности и укрепления суверенитета, начавшийся после распада СССР, находится в ряде государств в активной фазе и отличается степенью близости к завершению, в то время как в отдельных государствах (например,

на Украине) в силу изменений революционного характера произошло размывание и ощутимое разрушение суверенитета [6, с. 92].

- Общей чертой государств региона является также их существенная экономическая взаимозависимость, невозможность автономного альтернативного экономического развития без тесного взаимодействия с республиками, ранее являвшимися составными частями единого народно-хозяйственного комплекса СССР. Попытки диверсификации экономического взаимодействия, в том числе и частичная переориентация на сотрудничество с нетрадиционными для государств региона партнерами, не способны в краткосрочной перспективе принести очевидные результаты укрепления экономической самостоятельности.

- Сложности экономического развития и выстраивания независимой от соседних государств постсоветского пространства экономической политики обусловлены во многом незавершенностью реформ в области рыночных преобразований, а также очевидной невозможностью на современном этапе полноценного функционирования механизмов рыночной экономики в государствах региона. Это, в свою очередь, в значительной степени осложняет их интеграцию в современную мировую экономическую систему и определяет взаимный интерес к тесному экономическому взаимодействию друг с другом.

- Каждому из государств постсоветского пространства присуще отсутствие солидарности и консенсуса в обществе в отношении дальнейших путей развития государства, а также связанные с этим сложности в процессе формирования и развития национально-государственной идентичности. В отдельных случаях, например в настоящее время на Украине, наличие опасная, деструктивная поляризация общества по ключевым вопросам политического и экономического развития, что способно привести к усилению дезинтеграционных тенденций внутри отдельных государств региона.

- Отсутствие общественного консенсуса во многом обусловлено полиэтничным характером государств, их многонациональным составом. Межнациональные и межкультурные противоречия, зачастую переходящие в затяжные общественно-политические кризисы, осложняют дальнейшую консолидацию общественных сил

вокруг идеи укрепления и развития государственности.

- В значительной степени эти противоречия обусловлены фактическим несопадением территориальных границ новых независимых государств с национально-этнической, религиозной и национально-культурной картой региона, что нередко становится причиной этнополитических противоречий и вооруженных конфликтов на этнической почве.

- Вместе с тем потенциал межкультурного взаимодействия, образовавшийся в результате тесного переплетения социокультурных связей, может выступать в качестве консолидирующего фактора в региональном развитии, предоставляя государствам постсоветского пространства возможности для более интенсивного и взаимовыгодного экономического и социокультурного взаимодействия друг с другом.

- Данный потенциал характерно проявляет себя в гуманитарной сфере в форме наличия необходимого инструментария и механизмов общения народов различных стран региона друг с другом. Так, одним из наиболее эффективных инструментов подобного взаимодействия по-прежнему остается русский язык, степень владения которым элитами и населением в каждом из новых независимых государств продолжает оставаться высокой. Являясь языком межнационального общения, русский язык остается одним из факторов, объединяющих государства региона в единую группу.

Особое внимание в контексте определения территориальных пределов и жизненных перспектив постсоветского пространства следует обратить на положение и роль России в регионе. Исходя из вышеуказанных общих для государств постсоветского пространства признаков, а также современных международно-правовых реалий, относить Россию к государствам постсоветского региона не представляется в полной мере возможным. Являясь ядром многих происходящих в регионе процессов, своими партнерствами на постсоветском пространстве Россия так или иначе поддерживает само существование данного термина, утверждает его жизнеспособность и обуславливает его политическую необходимость. Это во многом обусловлено также и тем, что из всех государств бывшего СССР лишь Российская Федерация обладает соответствующими ресурсами и возможностя-

ми широкого воздействия на процессы, происходящие на всем постсоветском пространстве, возможностями к координации и определению векторов и темпов развития этих процессов. Характерным подтверждением вышеуказанного тезиса является тот факт, что в современной российской и региональной научной мысли сложилось убеждение, что в полной мере интеграционными процессами как таковыми на данном этапе могут считаться лишь те процессы, которые осуществляются при участии (а зачастую – координирующей роли) в них России. Прочие альтернативные интеграционные образования в регионе постсоветского пространства, реализуемые без полноценного участия в них России и носящие, как правило, весьма ограниченный локальный характер, в силу отсутствия в них естественных интеграционных стимулов исследователи склонны обозначать «субрегиональными объединениями», «региональными модулями» [См., например: 7, с. 98] и пр.

Таким образом, относить Россию к государствам постсоветского пространства с характерным для них набором общих признаков и черт представляется возможным лишь условно в силу фактической степени и роли ее влияния на процессы, происходящие в регионе. Вместе с тем именно Россия является важнейшим звеном многих политических и экономических процессов, включая интеграционные, во многом определяющих перспективы дальнейшего развития постсоветского пространства. В этой связи существенное значение обретает реализация Россией сбалансированной и взвешенной политики по отношению к государствам постсоветского пространства с учетом существующих в регионе особенностей и противоречий, а также последовательное продвижение механизмов, способствующих поддержанию мира и стабильности в регионе наряду с его интенсивным экономическим развитием.

Существенные коррективы в пути реализации данной стратегии внесли события, произошедшие на Украине в 2013–2014 гг. Будучи инициированными извне, эти события дали новый виток процессам трансформации на постсоветском пространстве, связанным с существенным ослаблением суверенитета постсоветских республик. За последние годы Запад, в его широком понимании, во многом преуспел в деле «прогрессирующей геополитической

экспансии западного сообщества все дальше и дальше в глубь Евразии» [8, с. 139]. Однако успехи эти на постсоветском пространстве являются скорее тактическими достижениями Запада, нежели его стратегической победой. Вызванные такой экспансией процессы дальнейшей утраты суверенитета способны распространиться с Украины, из Грузии и Молда-

вии на другие бывшие советские республики и, как следствие, привести к образованию на постсоветском пространстве новой формации со своими законами прогресса и развития. Это позволяет, по меньшей мере на текущем этапе, опровергнуть утверждение, что постсоветское пространство в его нынешней конфигурации стало уходящей реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Концепция** внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 12 февраля 2013 г. URL: www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 26.03.2015).
2. **Военная** доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 26 декабря 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/47334> (дата обращения: 26.03.2015).
3. **Нарочницкая Н.А.** Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2005. 536 с.
4. **Цымбурский В.Л.** Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. 32 с.
5. **Lietuvos Respublikos Konstitucinis Aktas del Lietuvos nesijungimo i postsovietines rytu sajungas // Lietuvos Respublikos Konstitucija.** Vilnius: LR Seimo Leidykla, 1992.
6. **Григорьев М.** Евромайдан. М.: Кучково поле, 2014. 133 с.
7. **Пивовар Е.И.** Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алтейя, 2010. 400 с.
8. **Бжезинский З.** Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. 264 с.

АВЕРЬЯНОВ Михаил Львович — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: maveryanov@list.ru

M.L. Averyanov

POST-SOVIET AREA IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM: NEW FORMATION OR DISPERSING PHENOMENON?

Post-Soviet area in the Context of Transformation of the International System: New Formation or Dispersing Phenomenon? The article focuses on the current processes of transformation and reorganization of the Post-Soviet area, which is influenced by a series of internal and external factors. The author analyses developments, which took place after the second wave of major geopolitical changes of the XXI century, resulting in NATO and EU enlargements, as well as its attempts to establish new regimes following the so-called “colored revolutions” in several states of the region. The article is based on a research that includes comparative analysis of the outlines of foreign policies of the new independent states, which helps the author to make a number of very important observations about contemporary trends of the ongoing reorganization of the Post-Soviet area. Special interest is given to the outcomes of the actions of the non-regional actors

and powers, which still remain non-traditional for the region. Despite the fact that those actors are still critically active in the region, their tactical achievements could lead to a strategic defeat, while the Russian Federation could regain and re-broaden its influence over the Post-Soviet states.

POST-SOVIET AREA; NEW INDEPENDENT STATES; GEOPOLITICS; “COLORED REVOLUTIONS”; NATO ENLARGEMENT; FOREIGN POLICIES OF THE RUSSIAN FEDERATION.

REFERENCES

1. *Kontsepsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation 12.02.2013]. Available at: www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (accessed 26.03.2015).
2. *Voyennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii* [The Military Doctrine of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation 26.12.2014]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/47334> (accessed 26.03.2015).
3. Narochitskaya N.A. *Rossiya i russkiye v mirovoy istorii* [Russia and the Russians in the Global History]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2005. 536 p. (In Russ.)
4. Tsymburskiy V.L. *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty* [The Island Russia. Geopolitical and Chronopolitical Studies]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 32 p. (In Russ.)
5. Lietuvos Respublikos Konstitucinis Aktas del Lietuvos nesiungimo i postsovietines rytu sajungas [Constitutional Act of the Republic of Lithuania on Lithuanian Non-Entering to the Eastern Post-Soviet Alliances]. *Lietuvos Respublikos Konstitucija* [Constitution of the Republic of Lithuania]. Vilnius: LR Seimo Leidykla Publ., 1992.
6. Grigoryev M. *Yevromaidan* [Euromaidan]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014. 133 p. (In Russ.)
7. Pivovarov E.I. *Postsovetskoye prostranstvo: al'ternativy integratsii. Istoricheskiy ocherk* [The Post-Soviet Area: Alternatives for the Integration]. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)
8. Bzhezinskiy Z. *Vybor. Mirovoe gosподstvo ili global'noe liderstvo* [The Choice: Global Domination or Global Leadership]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. 264 p. (In Russ.)

AVERYANOV Mikhail L. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: maveryanov@list.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.3
УДК 32.019.51

И.А. Быков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В статье анализируются актуальные проблемы политической коммуникации в студенческой среде. Цель исследования заключалась в выявлении ее специфики в молодежной среде. Основным методом исследования стал метод социологического опроса. В опросе приняли участие 400 студентов из более чем 40 вузов. Результаты исследования показали, что социальные медиа приобрели статус ведущего канала политической коммуникации среди студентов, а телевидение утратило его. В то же время применение методики выявления зависимостей между переменными с использованием критерия согласия Пирсона χ^2 позволило автору выявить связь между доверием к телевидению и интересом к политической информации среди молодежи, тогда как аналогичной связи между социальными медиа и интересом к политике не обнаружено.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ; СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА; ТЕЛЕВИДЕНИЕ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ; МОЛОДЕЖЬ.

Стремительное развитие интернет-коммуникаций оказывает всё более заметное влияние на современную политику. Это влияние распространяется и на население страны, и в первую очередь на молодежь [6]. Изучению влияния СМИ на политические процессы посвящено большое количество научных работ [См.: 7], а эмпирических исследований по проблеме влияния интернет-коммуникаций, и особенно коммуникаций в социальных сетях, на политику в отечественной научной литературе практически нет. Существующие работы относятся скорее к интернет-технологиям в целом [1, 11, 12], тогда как сегодня наиболее популярными сервисами в Интернете являются социальные сети. Этот факт очень важно учитывать, потому что «начиная с 2011 г. Россия является лидером по количеству времени, проводимого типичным пользователем Интернета в соцсетях, – около 13 часов в месяц» [9]. Наше исследование предполагает активизацию эмпирических наработок в этой области, так как замена традиционных каналов политической коммуникации новыми в конечном итоге приводит к реформатированию любой политической системы.

Таким образом, актуальность нашего исследования связана с повышением роли поли-

тической коммуникации в социальных сетях, что стало особенно заметно в начале второго десятилетия XXI в. Распространение интернет-коммуникаций вызывает массу новых вопросов. В частности, использование Интернета в качестве средства массовой информации растет, однако это не значит, что традиционные СМИ (к примеру, телевидение) утрачивают свое влияние. В результате конвергенции телекоммуникационных средств связи на базе цифровых технологий, как справедливо указывает Е.Л. Варганова, появляется феномен интернет-телевидения, когда просмотр телепрограмм осуществляется от случая к случаю либо по телевизору, либо на других цифровых устройствах (компьютерах, планшетах, смартфонах и т. п.) [3]. Попытаемся оценить влияние телесмотрения (в самом широком смысле, включая новые способы потребления телевизионных продуктов) и коммуникации в социальных сетях на интерес к политической информации среди студенческой молодежи Санкт-Петербурга на базе проведенного зимой 2013/14 г. массового опроса.

Программа и метод исследования. Отправной точкой исследования стало предположение, что интернет-коммуникации вообще и

социальные сети в частности фактически вытеснили традиционные каналы коммуникации, представленные телевидением, в качестве основного способа получения политической информации. Мы полагаем, что среди традиционных каналов коммуникации лишь телевидение хоть в какой-то степени может обладать конкурентоспособностью в молодежной среде. Поэтому в анкету был включен вопрос о частоте использования респондентами телевидения и социальных сетей.

На наш взгляд, очень важным обстоятельством или фактором, определяющим выбор того или иного канала коммуникации, является уровень доверия к каналу. В данном случае ситуация сходна с давно наблюдаемой закономерностью: доверие – политические предпочтения [2]. Вполне логично предположить, что пользователи предпочитают те каналы коммуникации, которым они доверяют. К примеру, исследование Левада-Центра [4] показало, что телевидение в России в целом обладает и большим влиянием, и высоким уровнем доверия. Для проверки этого фактора в анкету был включен вопрос о доверии к социальным сетям и телевидению.

Последняя важная переменная, непосредственно касающаяся политической тематики, связана с интересом к политической информации. Мы полагали: политическая информация распространяется по разным каналам коммуникации, но преимущественно социальными сетями и телевидением – уровень использования каналов, вероятно, связан с уровнем доверия к ним – уровень доверия к каналам коммуникации может оказывать влияние на уровень интереса к политической информации.

Таким образом, основная цель исследования – выявить роль каналов коммуникации в распространении политической информации в студенческой среде Санкт-Петербурга (в выборку были включены только молодые люди, обучающиеся на тот момент в высших учебных заведениях). Основные гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

1) современная студенческая молодежь в значительной степени предпочитает социальные сети телевидению;

2) уровень доверия к социальным сетям выше, чем к телевидению;

3) политическая информация поступает к студентам через социальные сети, которые обладают большим уровнем доверия, чем телевидение.

Выбор петербургской студенческой молодежи в качестве объекта исследования был вызван несколькими причинами. Назовем две основные: во-первых, этот объект доступен исследованию, а во-вторых, именно в среде современной российской молодежи формируются тренды, которые определяют будущее российской политики. Опрос проводился в период с декабря 2013 г. (осенний семестр) по февраль 2014 г. (весенний семестр). В нем приняли участие 400 студентов. Количество опрошенных распределилось примерно поровну между двумя годами.

Выборку следует отнести к комбинированному виду. С одной стороны, мы старались сделать стратифицированную выборку, привлекая к опросу студентов различных вузов, а с другой – использовали элемент повышения случайности выборки, опрашивая друзей и знакомых респондентов, не являвшихся учащимися того же вуза [10, с. 218–219]. Фактически исследование начиналось с опроса нескольких студенческих групп в 3 вузах (СПбГУ, СПГУТД, СПбГЭУ), но в итоге охватило более 40 университетов, академий и институтов Санкт-Петербурга: кроме упомянутых, СПбПУ, РГПУ им. А.И. Герцена, Технологический университет, ИТМО, СПбГАСУ, Горный университет, Лесотехнический университет, СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, ЛЭТИ, СПбГИК, СПбГУП, СЗТУ, МИЭП, СПбГХПА им. А.Л. Штигица, ЛГУ им. А.С. Пушкина, ГУ ВШЭ, СПбГИКиТ, Военмех, НГУ им. П.Ф. Лесгафта, СПбУГПС, ИВЭСЭП, СПбРТА, СПбМУ им. акад. И.П. Павлова, РАНХиГС, СПбГУАП, ПГУПС, СПИГ, СПбГМТУ, СПИУиП, СПбГТЭУ, СПбГУГА, СПбГАУ, ГМА им. адм. С.О. Макарова, СПбГАВМ, СПбПУ ИМаш (ЛМЗ-ВТУЗ), СЗГМУ им. И.И. Мечникова, СПбГТУРП, НИУиД, СПбВИВВ, СПбГИПСР, ВКА им. А.Ф. Можайского, СПбГАТИ. Таким образом, в создании выборки использовался метод «снежного кома». Основной целью этого подхода являлось повышение репрезентативности выборки. Сбор данных осуществлялся при помощи онлайн-инструментов Google Forms. Обработка данных проводилась с помощью статистического пакета R.

Оценка репрезентативности выборки. Репрезентативность выборки, очевидно, следует оценивать по нескольким критериям (распределение по полу, возрасту, вузам обучения, уровню отказов и размер выборки, который довольно сильно влияет на уровень статистической погрешности). Опишем вначале генеральную совокупность. По официальным данным Федеральной службы государственной статистики, полученным через сайт www.gks.ru, в 2007 г. в Санкт-Петербурге училось около 450 тыс. студентов. К сожалению, нам не удалось найти более свежих официальных данных. Попытка сбора с официальных сайтов вузов информации о количестве обучающихся в них студентов также встретила непреодолимые трудности: нужная нам информация там часто отсутствовала, а если имелась, то нельзя было с уверенностью сказать, что она не устарела или не является неким рекламным ходом для привлечения абитуриентов. Тем не менее собранная информация говорит о том, что численность студентов в вузе зависит от его величины. Существуют крупные вузы, которые указывают число обучающихся студентов, например СПбГУ – 30 тыс., СПбГЭУ – 26 тыс., Политех – 20 тыс. Небольшие вузы не стремятся афишировать эту цифру,

ограничиваясь указанием направлений подготовки, перечнем факультетов, кафедр и т. п.

Оценивая нашу выборку по полу (52,75 % – женский, 47,25 % – мужской), следует признать, что она соответствует вероятной пропорции. То же самое относится к распределению по возрасту. В нашей выборке оказались студенты от 17 до 35 лет. Визуальный анализ распределения студентов по возрасту позволяет с уверенностью предположить, что речь идет о нормальном распределении (см. рис. 1). Введение двухступенчатой системы высшего образования и широкое распространение платных форм обучения приводят к тому, что средний возраст студентов увеличивается. В нашей выборке он составил 21,36 года. Распределение студентов по возрасту носит сдвинутый характер, указывая на то, что на первые годы обучения приходятся наиболее частотные группы студентов, тогда как более возрастные студенты относительно малочисленны. Проведение формального теста на нормальность распределения Шапиро-Уилка подтвердило с вероятностью более 99 %, что мы имеем дело с нормальным распределением (Р-значение составило $2.2e-16$). Формальные тесты Вилкоксона (медиана – 21.00005) и t-тест Стьюдента для одномерных данных (средняя –

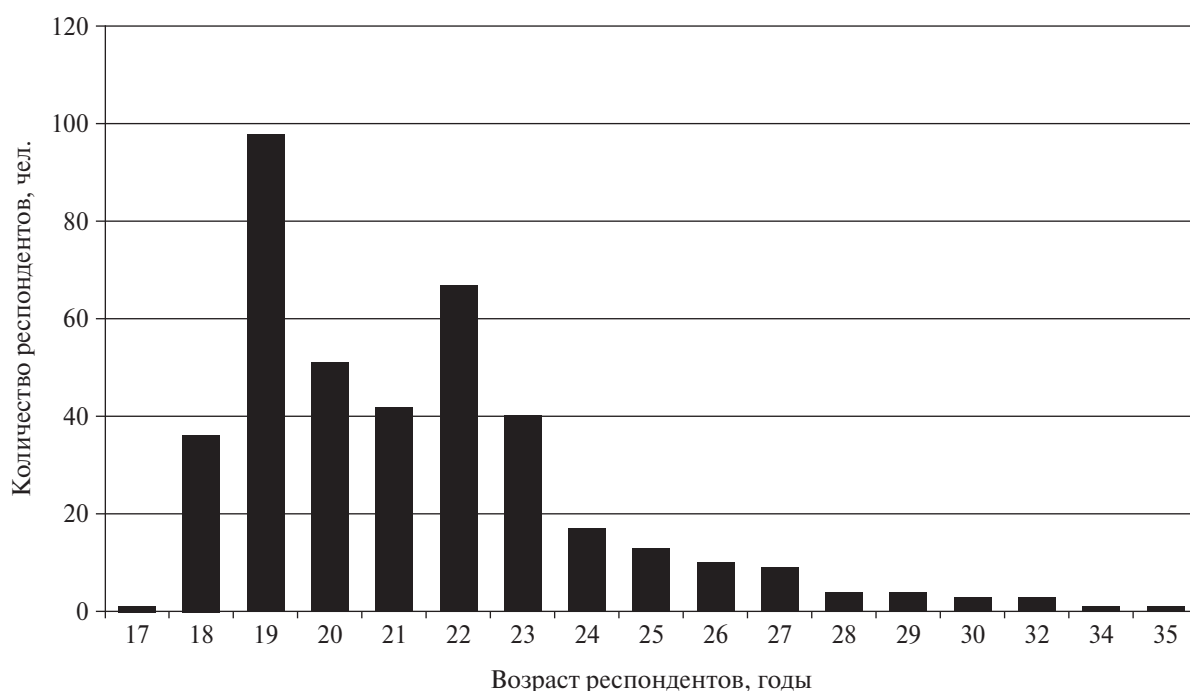

Рис. 1. Возраст респондентов в выборке (N = 400)

21.3575) показали, что медиана и средняя очень близки и что доверительный интервал в этих тестах очень узок (менее 1 %). Это говорит о том, что распределение респондентов по возрасту в выборке без перекосов в ту или иную сторону, а число наблюдений очень высоко, значит, вероятность статистических ошибок первого рода крайне низка.

Одной из основных задач проведения репрезентативных исследований является задача пропорционального представления всех групп, составляющих генеральную совокупность. В нашем случае нужно было добиться того, чтобы в исследовании были задействованы студенты самых разных вузов. В выборке оказались студенты из 46 вузов, тогда как на сайте Википедии в категории «вузы Санкт-Петербурга» насчитывается 76 страниц. Очевидно, что нам удалось охватить более половины вузов. Несомненно, это говорит о репрезентативности выборки. Мы уже указывали на то, что практически не существует возможности собрать достоверную и полную информацию о количестве студентов, обучающихся в вузах. Но научная строгость требует провести хотя бы приблизительную оценку соответствия пропорций выборки и генеральной совокупности. В нашей выборке на долю

СПбГУ, СПбГЭУ, РГПУ и Политеха приходится более половины опрошенных – 230 респондентов (57,5 %). В то же время, по информации на сайтах вузов, в них обучается 96 тыс. студентов (21,3 % всех студентов Санкт-Петербурга от числа результатов 2007 г.). Однако необходимо иметь в виду тенденцию сокращения приема в коммерческие и небольшие вузы. Собственно, именно эта тенденция привела к тому, что в последнее время был взят курс на укрупнение образовательных учреждений и сокращение количества филиалов. Отсюда можно сделать вывод, что наша выборка, концентрируясь на крупных и средних вузах, находится в русле указанных тенденций, а этот вероятный перекоп в их пользу не является для наших целей чрезмерным. Мы полагаем, что не попавшие в нашу выборку вузы не являются системообразующими, испытывают значительные проблемы с набором студентов, не обладают большим количеством студентов и именно поэтому не попали в нашу выборку. В то же время все крупные и средние вузы были в той или иной степени представлены в ней. На рис. 2 показано, как респонденты распределялись по вузам.

Еще одно важное обстоятельство, серьезным образом повышающее репрезентативность

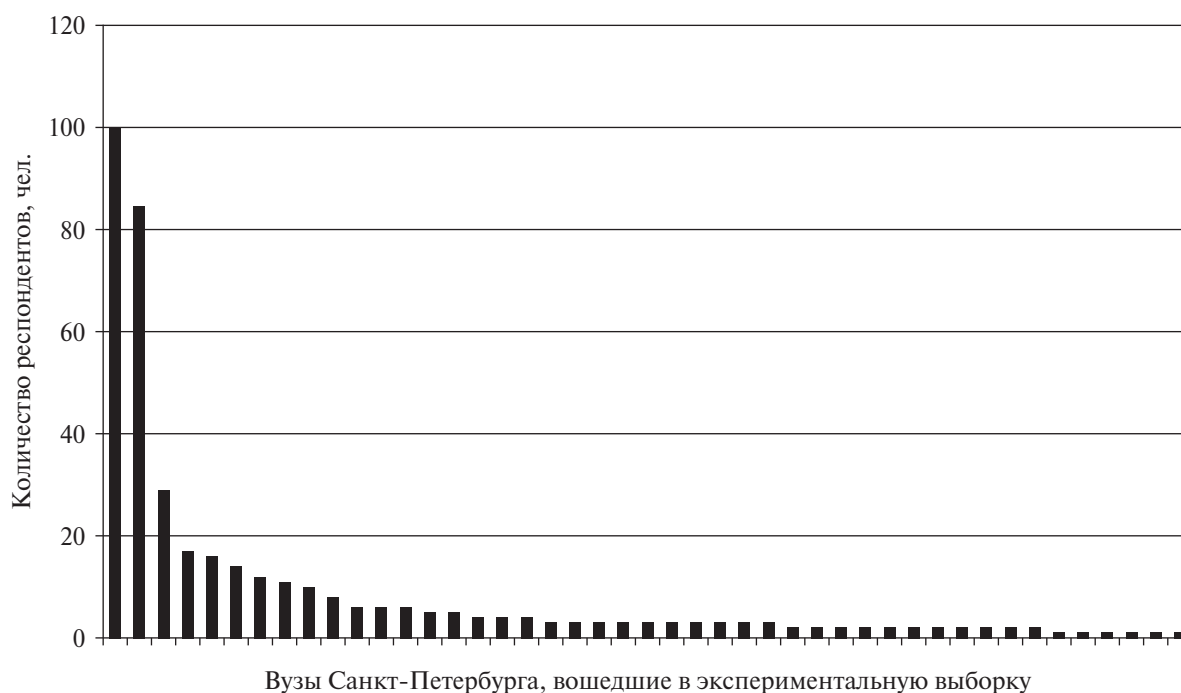

Рис. 2. Распределение числа респондентов по вузам Санкт-Петербурга (N = 400)

нашей выборки и достоверность результатов, — нулевой уровень отказов от анкетирования. Подобный результат был достигнут благодаря двум приемам. Во-первых, анкета содержала всего семь вопросов, три из которых относятся к так называемым «паспортным» вопросам: пол, возраст и место учебы. Разумеется, опрос занимал не более трех-четырех минут. Во-вторых, анкетирование проводилось лично автором или учащимися в присутствии автора. Когда студенты обращались к своим знакомым — студентам из других вузов с просьбой ответить на несколько вопросов по телефону, отказов не было. Этот факт обеспечивает дополнительную репрезентативность, так как обычные телефонные опросы очень часто «натываются» на нежелание респондентов отвечать на вопросы. Уровень отказов в 10 % может значительно понизить репрезентативность, потребуется увеличение выборки, в нашем случае этого делать не пришлось.

Таким образом, оценка генеральной совокупности и соотношения опрошенных студентов позволяет сделать вывод, что нам удалось провести репрезентативное исследование. Слабым местом выборки является ее вероятный перекос в сторону больших вузов, что повышает вероятность статистической погрешности. Однако значительный объем выборки, нормаль-

ное распределение респондентов по возрасту и полу, а также достаточный уровень представленности мелких и средних вузов позволяют говорить о том, что уровень статистической погрешности не превышает 5 % [8, с. 178].

Результаты исследования. Наше исследование показало, что студенческая молодежь Санкт-Петербурга, как мы и предполагали, обращается за информацией к социальным сетям значительно чаще, чем к телеэкранам (см. рис. 3). Всего 20 % респондентов ответили, что смотрят телевизор каждый день, тогда как к социальным сетям ежедневно обращаются 80,75 %. Социальные сети заменили телепросмотр в качестве основного способа получения информации. Почти половина (49,25 %) респондентов практически не пользуются телевизором. Эта цифра складывается из тех, кто никогда его не смотрит (21,75 %), и тех, кто включает телевизор всего несколько раз в месяц (27,5 %). Очевидно, что высокая степень пользования социальными сетями вызвана целым рядом обстоятельств, среди которых молодежный стиль жизни играет важнейшую роль. Студенты значительно меньше проводят время дома, предпочитая активные виды деятельности, перемещение по городу. Современные гаджеты (смартфоны, планшеты, мобильные компьютеры), подключенные к мобильному

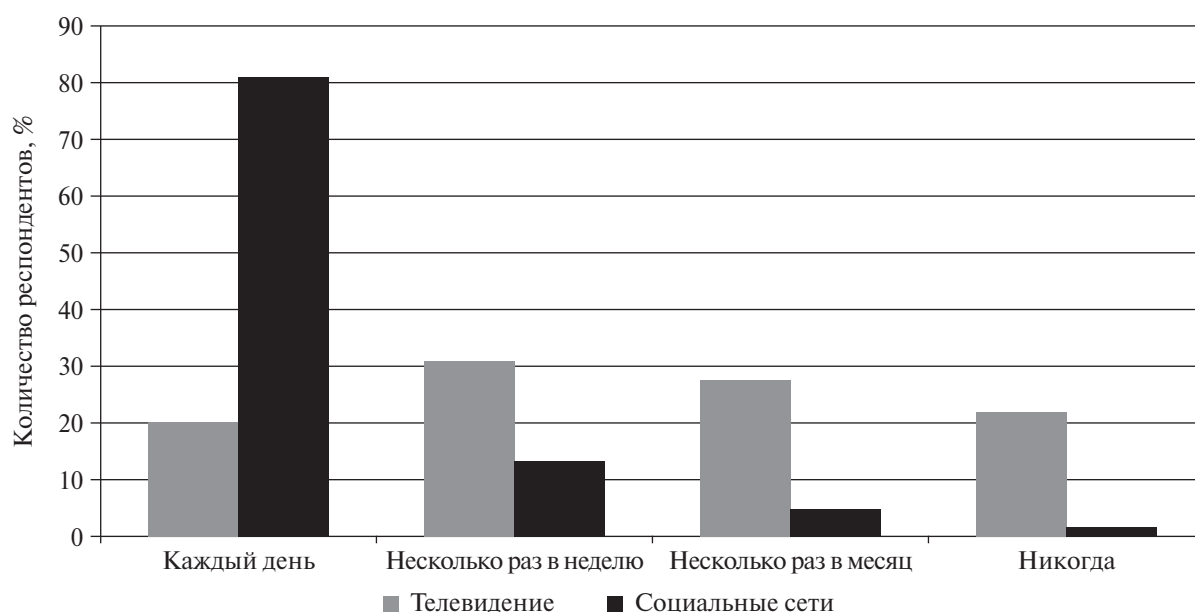

Рис. 3. Распределение медиапотребления студентами Санкт-Петербурга (N = 400)

Интернету, позволяют получать информацию «на ходу». Отсюда такое преимущество социальных сетей над телевидением.

Для того чтобы проверить, существует ли связь между медиапотреблением и полом респондента, мы использовали критерий согласия Пирсона χ^2 . Такой подход используется не впервые [См.: 5]. Вначале мы обратились к проверке зависимости телесмотрения от пола. Для этого была составлена таблица сопряженности (табл. 1) и проведены расчеты. Оказалось, что $\chi^2 = 11.7585$, а Р-значение составило 0.0082. Это значит, что лишь с вероятностью 0,82 % можно допустить, что нулевая гипотеза об отсутствии связи между полом и телесмотрением верна. Другими словами, очевидно, что существует очень высокая степень зависимости уровня использования телевидения от пола респондентов: студентки больше, чем студенты, смотрят телепрограммы, и это различие имеет статистически значимый уровень.

Далее, в табл. 1 представлены данные по зависимости частоты пользования социальными сетями от пола. В нашем случае критерий согласия Пирсона χ^2 продемонстрировал значение 1,2277, а Р-значение равнялось 0.7464, что говорит о том, что с вероятностью 74,64 % нулевая гипотеза о том, что связь между полом респондентов и уровнем использования социальных сетей отсутствует, верна. Иными словами, гендерная принадлежность не влияет на высокий уровень пользования социальными сетями. И студенты, и студентки в одинаковой степени часто пользуются ими. Различия в использовании социальных сетей между полами не имеют статистической значимости.

Как указывалось выше, в начале исследования нами была выдвинута предварительная гипотеза, что доверие к социальным сетям выше, чем к телевидению. В результате проведенного исследования эта гипотеза не подтвердилась. Точнее, ответы на вопрос о том, какая информация заслуживает большего доверия, поделились, учитывая статистическую погрешность, практически поровну: 54 % респондентов (216 человек) указали, что в социальных сетях, а 46 % (184 человека) – в телепередачах. Таким образом, скорее всего, студенческая молодежь отдает предпочтение социальным сетям не потому, что она им больше доверяет, а потому, что эта форма информационного потребления удобнее. Чтобы проверить наличие связи между полом и доверием к медиаканалам, а также между полом и интересом к политической информации, были составлены соответствующие таблицы сопряженности и вычислены значения χ^2 (см. табл. 2).

В случае с доверием к носителям информации проявилась зависимость между полом и уровнем доверия. Мужчины склонны больше доверять социальным сетям и не доверять телевидению, женщины – наоборот: значение χ^2 составило 12,2917, Р-значение – 0.0004. Очевидно, что вероятность данной зависимости очень высока. Можно сказать, что различия в доверии к медиаканалам между полами имеет высокую статистическую значимость.

Важным результатом нашего исследования стала констатация того, что студенческая молодежь интересуется политикой в значительной степени: 284 респондента (71 %) указали, что следят за политическими новостями и другой

Таблица 1

Таблица сопряженности для проверки взаимосвязей с использованием критерия согласия Пирсона χ^2 : пол и использование каналов коммуникации

<i>Частотность телесмотрения в зависимости от пола</i>				
Параметр	Каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Никогда
Мужчины (N = 189)	30	49	60	50
Женщины (N = 211)	50	74	50	37
<i>Частотность использования социальных сетей в зависимости от пола</i>				
Параметр	Каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Никогда
Мужчины (N = 189)	150	25	10	4
Женщины (N = 211)	173	27	9	2

Таблица 2

Таблица сопряженности для проверки взаимосвязей с использованием критерия согласия Пирсона χ^2 : пол, доверие к каналам коммуникации и интерес к политической информации

<i>Зависимость между полом и доверием к каналам коммуникации</i>		
Параметр	Больше доверяют социальным сетям	Больше доверяют телевидению
Мужчины (N = 189)	120	69
Женщины (N = 211)	96	115
<i>Зависимость между полом и интересом к политической информации</i>		
Параметр	Интересуются политической информацией	Не интересуются политической информацией
Мужчины (N = 189)	135	54
Женщины (N = 211)	149	62
<i>Зависимость между доверием к каналам коммуникации и интересом к политической информации</i>		
Параметр	Интересуются политической информацией	Не интересуются политической информацией
Доверяют социальным сетям (N = 216)	142	74
Доверяют телевидению (N = 184)	142	42

политической информацией. В случае с проверкой зависимости между полом и интересом к политической информации приходится признать с вероятностью почти 99,55 % (Р-значение в тесте χ^2 составило 0.9455, $\chi^2 = 0.0047$), что такой связи нет. Вне зависимости от пола студенты достаточно сильно интересуются политикой.

При проверке наличия связи между доверием к медиаканалам и интересом к политике было выявлено следующее: $\chi^2 = 5.7649$, Р-значение составило 0.0163. Таким образом, с вероятностью 98,37 % существует статистически значимая зависимость между этими параметрами. Те, кто доверяет телевидению, больше интересуются политикой, а те, кто доверяют социальным сетям, интересуются ею в значительно меньшей степени. Третья гипотеза, выдвинутая в начале статьи, была опровергнута результатами исследования.

Выводы и дискуссионные положения. В результате нашего ограниченного исследования (в имеющихся условиях ресурсных ограничений и целенаправленно сниженного количества переменных) были получены интересные результаты. Согласно полученным данным, всего одна треть студенческой молодежи не интересуется политикой. В какой-то степени это был неожиданный результат, так как в традиционных СМИ довольно часто можно услышать сетования на

то, что молодежь никак не проявляет интереса к политике. Основываясь на наших данных, мы выяснили, что доверие к социальным сетям находится примерно на том же уровне, что и доверие к телевидению. При этом социальные сети используются значительно чаще, чем телевидение. Можно констатировать, что основным каналом коммуникации для студентов Санкт-Петербурга стали социальные сети.

При этом существуют значимые различия между полами. Было установлено, что студентки больше доверяют телевидению, а высокий уровень доверия к телевидению, в свою очередь, влияет на интерес к политической информации. В то же время надо признать, что студентки интенсивнее пользуются социальными сетями, а не телевидением. Именно в этом заключается парадоксальность полученных результатов: студентки чаще пользуются социальными сетями, но больше доверяют телевидению, и при этом именно телевидение влияет на повышение интереса к политике.

В случае со студентами-юношами высокий уровень доверия к социальным сетям не продуцирует интереса к политической информации. Они чаще пользуются социальными сетями, больше им доверяют, но при этом социальные сети не влияют на повышение интереса к политике. Студенты имеют такой же высокий интерес к политической информации, как и сту-

дентки, вероятно, благодаря другим факторам. К таким факторам можно отнести социальные группы первичной и вторичной политической социализации, межличностную коммуникацию и т. п. Очевидно, что выявление влияния этих и других факторов не относится к целям нашего исследования, это может быть сделано лишь

в последующих исследованиях. Другим перспективным направлением для продолжения изучения современной политической коммуникации, прямо вытекающим из проведенной работы, мог бы стать поиск ответа на вопрос, почему социальные сети не влияют на повышение интереса к политике у пользователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкарев А.А. Роль сети Интернет в процессе политической социализации молодежи: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009. 166 с.
2. Бычков П.А. Исследование взаимосвязи ценностной сферы молодежи с доверием к политической власти // Современ. исслед. социальных проблем. 2012. № 1 (09).
3. Вартанова Е.Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2011. № 4. С. 6–26.
4. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: телевидение, пресса, Интернет. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf>.
5. Жолудева В.В., Панарский Н.С. Математико-статистические методы и модели в социологическом исследовании // Труды СГА. 2011. № 5. С. 120–131.
6. Карпова Д.Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи // Вестн. МГИМО – Университета. 2013. № 5. С. 208–212.
7. Малик Е.Н. Средства массовой информации как институт политической социализации молодежи в современной России: моногр. Орел: Орловская акад. гос. службы, 2009. 165 с.
8. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир, 1997. 544 с.
9. Откуда берется интернет-зависимость. Почему в России так много интернет-зависимых. URL: http://www.gazeta.ru/tech/2014/12/23_a_6356077.shtml.
10. Рабочая книга социолога / под общ. ред. Г.В. Осипова. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 480 с.
11. Руткаускайте М.В. Молодежный Интернет как пространство политической социализации и идентификации современной российской молодежи // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология. 2011. № 4. С. 88–96.
12. Рябченко Н.А. Политический парсинг как механизм политической социализации молодежи в online-пространстве современной России // Youth World Politic. 2013. № 1. С. 100–106.

БЫКОВ Илья Анатольевич – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: i.bykov@spbu.ru

I.A. Bykov

POLITICAL INFORMATION AND SOCIAL MEDIA: THE PROBLEMS OF POLITICAL COMMUNICATION AMONG STUDENTS OF ST. PETERSBURG

This article explores the current problems of political communication among students. Today's youth uses the Internet and social media for political information very actively. In order to reveal the specifics of political communication among young people, the author has conducted a representative survey of students

in St. Petersburg. The survey sample covers 400 respondents from 45 universities of St. Petersburg, Russia. The author applies Pearson's chi-squared test for dependencies analyzes between variables. The study showed that 71 % of respondents are interested in political information, while television has lost status as a leading channel of communication among the students. The most important conclusion of the study is a statistically significant assumption that there is a relationship between trust in television and general interest in political information, whereas a connection between trust in social media as a communication channel and political interests were not found.

POLITICAL COMMUNICATION; SOCIAL MEDIA; TELEVISION; POLITICAL INFORMATION; YOUTH.

REFERENCES

1. Bashkarev A.A. *Rol' seti Internet v protsesse politicheskoy sotsializatsii molodezhi*. Dokt. dis. [Role of the Internet in the Process of Youth Political Socialization. Doct. diss.]. St. Petersburg, 2009. 166 p. (In Russ.)
2. Bychkov P.A. [Study of Relations between Youth Values and Trust to Political Power]. *Modern Research in Social Problems*, 2012, no. 1 (09). (In Russ.)
3. Vartanova Ye.L. [Digital TV and transformation of media systems: New approaches to study the modern TV]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika*, 2011, no. 4, pp. 6–26. (In Russ.)
4. Volkov D., Goncharov S. *Rossiyskiy media-landshaft: televideniye, pressa, Internet* [Russian Media-Landscape: TV, Press, Internet]. Available at: <http://www.levada.ru/sites/default/files/levadareportmedia.pdf> (accessed 02.02.2015).
5. Zholudeva V.V., Panarskiy N.S. [Statistical Methods and Models in the Sociological Research]. *Works of SGA*, 2011, no. 5, pp. 120–131. (In Russ.)
6. Karpova D.N. [Internet Communication: New Challenges for Youth]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, no. 5, pp. 208–212. (In Russ.)
7. Malik Ye.N. *Sredstva massovoy informatsii kak institut politicheskoy sotsializatsii molodezhi v sovremennoy Rossii* [Media as an Institute of Political Socialization of Youth in Modern Russia]. Orel, Orel Academy of State Administration, 2009. 165 p. (In Russ.)
8. Manghey Dzh.B., Rich R.K. *Politologiya. Metody issledovaniya* [Political Science. Research Methodes]. Moscow, Ves' mir, 1997. 544 p. (In Russ.)
9. *Otkuda beretsya internet-zavisimost'. Pochemu v Rossii tak mnogo internet-zavisimykh* [Where Does Internet-Addiction get from? Why in Russia are So Many Internet-Addicted Persons]. Available at: http://www.gazeta.ru/tech/2014/12/23_a_6356077.shtml (accessed 02.02.2015).
10. *Rabochaya kniga sotsiologa* [Working Book of Sociologist]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 480 p. (In Russ.)
11. Rutkauskaite M.V. *Molodezhnyy Internet kak prostranstvo politicheskoy sotsializatsii i identifikatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi*. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2011, no. 4, pp. 88–96. (In Russ.)
12. Ryabchenko N.A. [Political Parsing as a Tool of Political Socialization in On-Line Space of Modern Russia]. *Youth World Politic*, 2013, no. 1, pp. 100–106. (In Russ.)

БЫКОВ Илья А. – *St. Petersburg State University*.
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: i.bykov@spbu.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.4
УДК 323.28

Е.М. Поляков

«БОКО ХАРАМ», «ИМАРАТ КАВКАЗ» И «АЛЬ-ШАБАБ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПРАКТИКАХ ТЕРРОРИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В статье рассмотрены причины возникновения и эффективности джихадизма как явления и проведен анализ трех современных джихадистских проектов. По ряду ключевых характеристик (организационная структура, способ мобилизации сторонников, характер взаимодействия с населением, методы осуществляемого насилия, реакция общества и государства, особенности пропаганды и идеологии) сравниваются организации «Боко Харам», «Имарат Кавказ» и «Аль-Шабаб». Показано, что джихадистские организации проходят несколько этапов в своем развитии, что может помочь в прогнозировании их террористической активности и борьбе с ними. Автор приводит свой прогноз развития ситуации в России при условии успешности джихадистов.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК; РОССИЯ; НАСИЛИЕ; ИСЛАМ; ДЖИХАДИЗМ.

Проблема джихадизма, т. е. направления исламизма, чьи адепты призваны вести вооруженную борьбу с неверными, стала наиболее актуальной после событий 11 сентября 2001 года. Она сразу же приобрела глобальный характер не только по степени общественной опасности, но и по ареалу распространения. Сейчас джихадистские группировки действуют практически во всех уголках исламского мира: от Юго-Западной Африки до Юго-Восточной Азии и от Северного Кавказа до Аравии и Африканского Рога.

Наибольшую опасность джихадизм представляет для так называемых фрагментированных государств, особенно если в них наблюдаются этнополитические конфликты и институты публичной власти неэффективны. К сожалению, этим условиям частично удовлетворяет и Российская Федерация.

Российские джихадисты локализованы преимущественно на Северном Кавказе и являются «местными». Однако недавнее реформатирование их собратьев в Ираке и Сирии и тесные связи кавказского подполья с «халифатом» говорят об «интернационализации» угрозы. С каждым днем она все больше из абстрактной, отдаленной проблемы становится вполне конкретной угрозой, словно монстр, приближающийся (в том числе и в прямом,

географическом, смысле) к нашим границам [1]. Вот почему изучение исламизма, и особенно джихадизма, так важно.

Если мы попытаемся разграничить понятия «исламизм» и «джихадизм», которые близки по значению, но не идентичны, то получим следующее. Исламизм – политическое течение, направленное на расширение роли ислама в политической жизни данной страны и мира в целом. Важно понимать, что ислам, пожалуй, самая политизированная религия, и говорить о «политическом исламе», как иногда трактуют исламизм, некорректно. Ислам по определению погружен в политику и вне политики быть не может.

Джихадизм пытается навязать как мусульманам, так и приверженцам других религий определенную, очень упрощенную картину мира, согласно которой все проблемы проистекают из несправедливого устройства общества. Следовательно, для решения всех мировых проблем необходимо добиться его переустройства на справедливых, исламских началах.

Важно понимать, что исламизм не приносится извне. Все попытки «экспорта исламской революции», предпринятые Ираном, или «освобождения дагестанцев от власти неверных», предпринятые Ш.С. Басаевым, потерпели крах. Более того, исламизм – внутренне дифференцированное (и до известной степени

противоречивое) явление. В нем можно выделить три направления: первое представлено умеренными исламистами, которые делают ставку на культурную и образовательную сферы; второе – радикалами, которые добиваются «исламской перестройки» преимущественно законными методами; третье ориентировано на бескомпромиссную вооруженную борьбу [2, с. 2].

Именно третье направление, отдающее приоритет вооруженной борьбе, мы можем назвать джихадизмом. В последнее десятилетие джихадизм широко распространился в исламском мире, отвоевывая (в прямом и переносном смысле) себе всё новые пространства. Как любая радикальная идеология, джихадизм обращен к бедным и необразованным слоям населения, к молодежи и всевозможным «солдатам удачи». В здоровом обществе такие люди составляют незначительное меньшинство и потому неопасны. Но если общество поражено аномией, испытывает ценностный кризис и пронизано политически мотивированным насилием, «униженные и оскорбленные» могут превратиться в могильщиков социума.

Таким образом, джихадизм является разновидностью исламизма, наиболее активной и направленной «вовне». Исламизм и джихадизм соотносятся как родовое и видовое понятия, причем в функциональном смысле первый мы можем определить как теоретико-стратегический, а второй – как практико-тактический уровень одного и того же диалектически единого явления.

Рассмотрим три наиболее успешных джихадистских проекта («Боко харам», «Имарат Кавказ» и «Аль-Шабат») по шести ключевым характеристикам. Это предполагает создание многомерной модели анализа аналогичных структур, как уже существующих, так и могущих возникнуть в будущем. Поскольку мы построим собственную модель, все недочеты и ошибки моделирования целиком на нашей совести. Ключевыми переменными этой модели анализа являются организационная структура, способ мобилизации сторонников, характер взаимодействия с населением, методы осуществляемого насилия, реакция общества и государства, особенности пропаганды и идеологии.

Фактической базой работы выступают источники, размещенные в сети Интернет (сайты джихадистов и различных аналитических

центров) и открытой печати, как публицистической, так и академической. Основной метод – компаративный анализ, переменными которого будут базовые характеристики изучаемых организаций.

1. «Боко харам»

1.1. Возникновение и структура организации

Невозможно точно сказать, когда была создана «Боко харам» (далее – БХ), но явное «заявление» о себе нигерийские исламисты сделали в конце июля 2009 года, организовав ряд восстаний в штатах Баучи, Борно, Кано и Йобе. Лидер БХ – устаз Мохаммад Юсуф был учеником и адептом Ибрагима аль-Закзакки, главы шиитской общины Нигерии. Шиизм проник в страну в 1970-е годы, но поколение спустя значительная часть его последователей разочаровались в аль-Закзакки и его методах борьбы за построение исламского общества.

По данным Сулеймана Таджудина, некто Абубакар Муджахид объединил «раскольников» в новую структуру под названием «Джамаат ут Тадждид уль Ислам». Вместе с Муджахидом ушел и Юсуф. Он стал амиром «Джамаата» в штате Борно [3, с. 20]. Однако возникшая в начале 2000-х годов БХ базировалась в Йобе и поддерживала связи с рядом исламистских зарубежных организаций, например с «Талибаном» и «Аль-Каидой».

В узком смысле слова структура организации представляет собой сеть автономных ячеек, судя по всему, способных к быстрой и скоординированной атаке. Во всяком случае, после ареста в один день нескольких членов БХ массовые беспорядки, охватившие четыре штата, вспыхнули практически одновременно и сопровождалась вооруженным насилием в отношении полицейских [4, с. 98]. Во главе БХ стоят имам, его заместитель и генеральный секретарь. Аналогичные должности учреждены на локальных уровнях в тех штатах, где есть сторонники организации. Судя по всему, вместе они образуют общий орган управления – Маджлисуль-Шура (Верховный Совет). Низовые участники из процесса принятия решений исключены [5, с. 19].

Структурному оформлению нового движения помогли два фактора. Во-первых, губернатор одного из штатов – Ахмад Тани после победы на выборах 1999 года стал предпринимать попытки внедрения шариата как основы

законодательства, и к 2001 году они увенчались успехом. Вскоре Тани подражала уже дюжина коллег [5, с. 5]. Во-вторых, на фоне ужасающей бедности, неустроенности и безработицы (особенно среди молодежи) БХ пользовалась финансовой поддержкой со стороны самых разных групп [4, с. 101]. Это привело Юсуфа и его симпатизантов к идеологическому конфликту: он был убежден, что введенный шариат неправильный, слишком пронизан «западничеством». Возможно, поэтому новое движение и получило свое неофициальное название «Боко харам» («Западное образование запрещено»). Однако группировка предпочитает позиционировать себя под названием «Джамаат Ахль Сунна лид'Дуа валь'Джихад» («Общество людей Сунны во имя призыва и борьбы»).

1.2. Мобилизация сторонников

Основную массу адептов БХ составляют безработные, бедные молодые люди. Традиционно мобилизация сторонников происходит через проповеди, в гораздо меньшей степени (это считается грехом) – через систему образования, продажу литературы или трансляции в СМИ. Не последнюю роль играли ораторские навыки Юсуфа [6, с. 3]. В последние годы значительно участились случаи принудительной мобилизации в контролируемых районах, особенно это касается будущих шахидов, которыми становятся даже дети [7].

Все адепты движения принимают участие в проповедях (как минимум в качестве слушателей и агитаторов), изучают Коран и делают зикр. Кроме того, поощряются ежедневные физические тренировки, а также обучение обращению с оружием. Все это происходит под руководством и присмотром наставника-масджида [5, с. 20].

1.3. Взаимодействие с населением

Носит очень ограниченный характер и, по сути, сведено к двум аспектам: поиску новых адептов и источников финансирования. Пропаганду как таковую формой взаимодействия называть некорректно, так как в отличие от первых двух практик она имеет неизбирательный характер и ее безуспешность не влияет на активность БХ непосредственно.

1.4. Характер осуществляемого насилия

Типичная тактика БХ – нападение на силовиков с последующим отступлением на укрепленную базу, расположенную в каком-либо опорном пункте. Контрудары и штурмы таких

баз ведут к существенным жертвам среди мирного населения. Эта провокационная тактика позволяет не только привлекать новых сторонников (ответственность за жертвы «джихада» возлагается на официальные власти), но также приводит к снижению морального духа у полиции.

После гибели Юсуфа в ходе силовой операции летом 2009 года тактика была обновлена новым имамом Абу Бакр Шейхом: в ее основу были положены теракты, направленные против полиции, армии, христиан и отступников. Однако в терактах гибло немало мусульман, в том числе мирных жителей. Нападениям подвергались также объекты социальной инфраструктуры (школы, церкви, штаб-квартиры силовиков, офисы международных организаций). Только за 2011 год было совершено более 100 нападений, жертвами которых стали более 500 человек [См.: 8].

1.5. Реакция общества и государства

Прежде всего надо отметить высокую степень сплоченности улемов, которые организовано выступили против БХ и проводят активную агитацию, объясняя недопустимость вооруженных попыток «справедливого общества». Хотя нигерийцы в целом разделяют этот подход, они, однако, не испытывают симпатий к официальной власти, противостоящей БХ, особенно к силовикам. Это вынуждает официальные власти искать внешней легитимной поддержки своим акциям и даже время от времени заключать перемирие с исламистами.

1.6. Идеология и пропаганда

В первую очередь БХ отвергает западную систему образования, но если смотреть шире – вообще всё западное устройство общества, включая такие понятия, как «демократия» и «светская власть». Движение также отрицает всю западную культуру, медицину и науку (что, впрочем, не мешает пользоваться их достижениями). Переустройство общества, по шариату, возможно только посредством вооруженной борьбы с правительством. Причем в идеале шариат нужно распространить на все (в том числе христианские) штаты Нигерии [9]. Также категорически отрицается любая возможность работать на правительство, особенно в полицейских и военных структурах.

2. «Имарат Кавказ»

2.1. Возникновение и структура организации

Период с конца 1980-х по начало 2000-х годов ознаменовался так называемым «исламским

возрождением». Для него характерно повышение интереса к религии и всему, что с ней связано, в первую очередь среди молодежи, а также увеличение количества мечетей и их постоянных прихожан, возникновение сети исламских учебных заведений [10, с. 16]. Во второй половине 2000-х годов исламисты провозгласили создание государства Имарат Кавказ. Организация «Имарат Кавказ» (далее – ИК) представляет собой сеть террористических ячеек, автономных в плане ресурсов и тактических действий.

К моменту вторжения исламистов в Дагестан (что можно считать первой вооруженной попыткой построения «имарата») он занимал ведущее место среди депрессивных регионов страны; ряд районов республики официальные власти фактически не контролировали [11, с. 27–33]. Аналогичная, но еще более сложная ситуация сложилась и в соседней Чечне. Тем не менее начавшаяся контртеррористическая операция (вторая война в Чечне) прервала попытку построения исламского государства на Северном Кавказе. В итоге была организована подпольная сеть с трехуровневой структурой: джамаат (местное районное или городское отделение) – вилайет (республика или несколько районов) – имарат («государство»).

«Граждане» ИК – это в основном молодые люди со средним образованием, часто безработные. Конечно, напряженная социально-экономическая ситуация в регионе обостряла положение, но не была причиной террора – даже в начале 2010-х годов, несмотря на значительный рост уровня жизни, теракты не прекратились.

Члены ИК ведут активную вооруженную борьбу с «неверными» и «отступниками» (неправильными, с их точки зрения, мусульманами), прибегая к практике адресного террора [12]. Рассредоточенность баз исламистов и их боевых подразделений позволяет им наносить внезапные удары и затем бесследно «растворяться». Существенным организационным фактором является поддержка (почти всегда вынужденная) со стороны бизнеса. В ИК есть уполномоченные, собирающие дань с коммерсантов на определенной территории; нежелание сотрудничать карается смертью.

2.2. Мобилизация

Вовлечение новых членов в джамааты происходит на полузасекреченных встречах, но пропаганда осуществляется в открытой

форме, в том числе через сеть Интернет. Чаще всего происходит инкорпорация за счет родственников тех людей, кто уже «ушел в лес». Обычно это младшие братья или жены боевиков, реже – сослуживцы по работе в «мирской» жизни [13, с. 5].

Инициация также завершается через «ритуальное убийство» – полицейского, чиновника, муфтия. Тем самым новому адепту отсекается «путь назад», его дальнейшая жизнь зависит только от собратьев по джамаату. Для многих потенциальных рекрутов «уход в лес» – способ сохранить свою жизнь и обезопасить близких [14, с. 3]. Растущее влияние исламистов вынуждает силовиков обращаться за помощью к местным жителям через «телефоны доверия», гарантируя анонимность и, следовательно, безопасность [15, с. 1].

2.3. Взаимодействие с населением

В начале 2000-х годов произошло качественное изменение во взаимодействии исламистов с населением по сравнению с 1990-ми годами. Теперь все люди, не входящие в джамааты ИК, рассматриваются как потенциальные пособники «неверных». Насилие, которое ранее было направлено исключительно против «федералов», теперь сконцентрировано преимущественно на местных жителях. Поворотным моментом стали теракт в Беслане (2004) и чеченский мятеж (2005) [16, с. 97–98].

Задача привлечения населения на свою сторону была заменена задачей запугивания с целью вывести местных жителей из числа субъектов борьбы и превратить их лишь в объект. Национализм, характерный для чеченских сепаратистов, был заменен «интернационализмом» религиозных радикалов, что несколько расширило рекрутинговую базу – помимо представителей кавказских народов среди исламистов стали попадаться русские и представители других национальностей.

2.4. Характер насилия

Насилие массовое и неизбирательное постепенно стало адресным и индивидуальным. Оно перенесено в города и на промышленные объекты (заводы, нефтепроводы и др.), в том числе далеко за пределы изначального очага возникновения подполья – в соседние республики: фактически весь Северо-Кавказский федеральный округ стал ареной непрекращающейся борьбы с терроризмом. Наиболее важ-

ное изменение – направление террора против официальных лиц, как духовных, так и светских. Наблюдается «перемещение активного тела» исламизма в насыщенные материальными и людскими ресурсами районы. Растет неприятие и непонимание между двумя мирами: «плоскостью» и «горами». Именно последние стали социально-политической базой боевиков ИК [17, с. 554].

2.5. Реакция общества и государства

Желая покончить с нестабильностью в регионе, государство зачастую прибегает к радикальным мерам, таким как похищение подозреваемых в причастности к террористическому подполью, неправомерное применение насилия и даже захват заложников [18, с. 15–18]. С другой стороны, часто совершаемые преступления просто не регистрируются или оформляются не по статье «терроризм», что позволяет говорить о «снижении» угрозы [19].

Разумеется, это дает определенный эффект в деле наведения порядка, но и таит в себе опасность дальнейшего увеличения правового нигилизма. Более того, в 2010 году в Кабардино-Балкарии заявили о себе так называемые «Черные ястребы» – неофициальная организация, ставящая своей целью вооруженную борьбу с исламистами их же способами. Это несколько напоминает ситуацию с рондерос, кроме одного аспекта – внеправового статуса «ястребов».

2.6. Идеология и пропаганда

Если не вдаваться в религиозно-философские диспуты, то идеология исламистов проста. Все несчастья Северного Кавказа вызваны «засильем неверных», любая форма представительной демократии и иных институтов, с ней связанных (гражданского общества, светского состязательного правосудия, прав человека), категорически отвергается как «кяфирская». Показательно, что значительная часть населения, особенно молодежь, в той или иной степени согласна с идеологами ИК. По данным социологов Дагестанского научного центра РАН, 54,5 % населения республики поддерживают фундаменталистский подход в выборе формы ритуалов, а в предгорной зоне этот показатель достигает 82 %. Среди возрастных групп максимальный показатель у лиц в возрасте до 20 лет – 58,1 %. Село более «фундаменталистское», чем город, – соответственно 60,9 и 42,7 % [20, с. 46–48].

3. «Аль-Шабаб»

3.1. Возникновение и структура организации

Ближний Восток известен как источник международного терроризма. Но там есть страна, из которой террор почти не «выплескивается» вовне. Это Сомали. Уже более 20 лет, начиная с 1991 года, территория, известная на протяжении 30 предшествующих лет как Республика Сомали, находится в состоянии перманентного политического кризиса, усугубляемого фактическим распадом государства на несколько частей, наличием внутренних конфликтов и социально-гуманитарной катастрофой.

В условиях коллапса демонтируются прежде всего сложные социальные практики и институты, а простые, способные к автономному существованию, зачастую радикальным образом перестраиваются и меняют свои функции. Карл Батцер выделяет пять факторов, порождающих коллапс: 1) слабость институтов (например, династический кризис или коррупция); 2) гражданская война или вторжение; 3) разрушение окружающей среды; 4) демографический кризис; 5) изменения в идеологии или религии [21, с. 3638].

Очевидно, что все они наблюдаются в Сомали. Институциональную пустоту заполнили мусульманские радикалы из Союза исламских судов (СИС) – организации, предшествовавшей «Аль-Шабаб». СИС представлял собой коалицию полевых командиров, очень рыхлую и плохо управляемую. Только успешное контр наступление правительственных войск вынудило исламистов заняться чем-то вроде строительства армии. Любопытно, что именно силовое воздействие государства способствовало сплочению радикалов – нечто похожее произошло в России, приведя к появлению Маджлисуль-Шуры во главе с Ш. Басаевым, на базе которого потом и возникла организация «Имарат Кавказ».

3.2. Мобилизация сторонников

В совершение терактов, бандитских нападений и иных противоправных действий большинством кланов часто вовлекаются дети-сироты и беспризорники. Тем самым «психология войны» искусственно поддерживается в умах подрастающего поколения, что осложняет контртеррористическую работу. К тому же дети неподсудны, и большинство подобных преступлений остаются безнаказанными. Малолетние

террористы, ищущие пропитания, попросту покупаются. Например, бросок гранаты или другого взрывчатого боеприпаса обходится заказчику преступления в 20 долларов США [22, с. 5].

3.3. Взаимодействие с населением

Основными проблемами, с которыми столкнулось правительство, были коррупция и отсутствие прямого доступа к официальной информации, особенно касающейся распределения финансовой и гуманитарной помощи стран Запада. Даже введение в некоторых районах упрощенного судопроизводства (по образцу военно-полевых судов) не изменило положения к лучшему. Эта ситуация усугублялась эклектичным характером правовой системы, сочетающей в себе в разных частях страны нормы традиционного права, шариата и докризисного уголовного кодекса. По этой причине преследование преступников не всегда было возможно, а СИС гарантировал «справедливое возмездие».

Еще одной проблемой стало массовое насилие. Большая часть Сомали просто непроходима из-за различных блокпостов и армейских лагерей. Тесно связана с данной проблемой и ситуация с насилием в детской и подростковой среде. Из 6,8 млн человек населения страны около 400 тыс., в основном женщины и дети, являются внутренне перемещенными лицами, годами проживая в лагерях беженцев.

3.4. Характер насилия

Насилие радикалов направлено главным образом против беженцев и перемещенных лиц, сотрудников местных организаций и служб правопорядка. Оно носит избирательный характер и является не столько террором, сколько инструментом влияния на внутривластную ситуацию в стране. В последние годы Сомали стала транзитной территорией для похитителей людей с целью продажи их для принудительных работ (в основном в страны Европы и Персидского залива), на чем наживаются мафия и полевые командиры.

Слабое и коррумпированное Сомалийское государство не может противостоять этой угрозе. Даже в нем самом, по данным ЮНИСЕФ, в начале 2000-х годов работало от 29 до 36 % детей в возрасте от 5 до 14 лет. Но еще сложнее обстановка с пиратством, которое «питается» за счет получения выкупов с заложников и захваченных судов [23].

3.5. Реакция общества и государства

Ввиду отсутствия в Сомали целостной государственности как таковой реагировать пришлось мировому сообществу. Понимая невозможность односторонних действий, западные страны были вынуждены пересмотреть свою стратегию по отношению к региону. Под эгидой США в 2007 году было создано Объединенное командование вооруженных сил в Африке (АФРИКОМ), чья задача состоит в обеспечении региональной безопасности и разрешении кризисов. АФРИКОМ разработало ряд обучающих программ, было подготовлено 100 тыс. миротворцев, что привело к усилению участия африканских государств в миротворческих операциях на континенте. Это не замедлило сказаться на Сомали – вместо американцев там теперь эфиопы и кенийцы. Всё это позволило значительно улучшить ситуацию с мореходством у Африканского Рога, и сомнительное лидерство по критерию «опасность судоходства» теперь перешло к побережью Нигерии [24, с. 3].

Другим важным приоритетом для Запада стало продвижение демократических систем и практик на континенте. Логика проста: стабильные демократии (в отличие от авторитарных режимов) будут не только надежными союзниками, но и гарантируют безопасность судоходства и экспорта ресурсов, так как «демократии не воюют друг с другом».

3.6. Идеология и пропаганда

Помимо очевидного исламского радикализма «Аль-Шабаб» уделяет особое внимание борьбе с западной пропагандой (в том числе со стороны правозащитных организаций и миротворцев) и ограничению доступа к образованию своим подданным. Положение осложняется отсутствием квалифицированных педагогических кадров, а также половой, языковой и религиозной дискриминацией. Исповедание отличных от ислама практик часто влечет за собой притеснение со стороны местных властей, а попытки перехода в иную веру караются смертью [22, с. 16].

Если свести воедино данные по рассмотренным шести пунктам, то можно увидеть много общего в деятельности названных экстремистских организаций. Незначительные отличия в идеологии, структуре и руководстве объясняются скорее всего местными условиями

борьбы против государства. Показательно разительное сходство в характере осуществляемого насилия, взаимодействий с внешним миром и способах инициации новых адептов. Последнее вызвано не какими-то «внешними» причинами, а тем, что делает нелегитимное насилие эффективным. Не последнюю роль здесь играет личностный фактор – пленение или уничтожение лидеров организаций ведет к снижению их активности.

Очевидно, что эти черты в целом характеризуют состояние современной России, изменить тенденцию «коллапсирования» пока не удалось. Исламизм как проект предлагает очень простые правила общежития, причем эти правила соблюдаются неукоснительно (не только из-за религиозной санкции, но и из-за жесткого преследования отступников, вплоть до физического уничтожения). Это достаточно ясные, привлекательные ориентиры, определенная модель поведения и построения справедливого общества.

Принципиальный момент: дело не просто в призыве жить по религиозным, мусульманским нормам, но жить по справедливости, а в России, как мы знаем, на нее очень серьезный спрос. Исламизм предлагает своим адептам особенный, не гоббсовский общественный договор: мы вам гарантируем справедливое мироустройство в обмен на ваше послушание и некоторую жертвенность во имя общих идеалов (перспектива гибели в ходе вооруженной борьбы). Это очень четкий социальный контракт. Современное Российское государство не предлагает ничего подобного. Радикальные исламисты, напротив, дают это понимание, пусть и весьма специфическое, дают чувство сопричастности и уверенности. В таких условиях эффективность насилия растет пропорционально ослаблению государства, ведь нелегитимное насилие работает по принципу положительной обратной связи: чем его больше, тем активнее сопротивление, что ведет к эскалации напряженности и окончательному развалу государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Мирский Г.И.** Монстр исламизма // Ведомости. 2014. 16 октября.
2. **Малашенко А.В.** Как победить «Исламское государство» и можно ли его победить? М.: Изд-во Моск. центра Карнеги, 2014. 16 с.
3. **Tajudeen S.** The Plot to Islamise Nigeria // Tell (Lagos). 2009. No. 30. P. 19–23.
4. **Abimbola A.** The Boko Haram Uprising and Islamic Revivalism in Nigeria // Africa Spectrum. 2010. Vol. 45. No. 2. P. 95–108.
5. **Murtada A.** “Boko Haram” in Nigeria: Its Beginnings, Principles and Activities. Kano, Nigeria: Bayero University, 2013. 63 p.
6. **Isola M., Bwala J.** End of the Road for Boko Haram Leader – How He Attracted Young Fanatics // Saturday Tribune (Ibadan). 2009. 1 August.
7. **Scheen T.** Kinder des Todes. FAZ. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/boko-haram-laesst-in-nigeria-immer-mehr-selbstmordattentate-von-maedchen-verueben-13445524.html> (дата обращения: 20.04.2015).
8. **Human Rights Watch Report.** URL: <http://www.hrw.org/news/2012/01/23/nigeria-boko-Haram-widens-terror-campaign> (дата обращения: 21.04.2015).
9. **Bumah J, Abimbola A.** The Boko Haram Tragedy and Other Issues // The Punch (Lagos). 2009. 6 August.
10. **Малашенко А.** Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.
11. **Эфендиева Д.** Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2002. 126 с.
12. **Случаи** нападения и убийства муфтиев на Северном Кавказе. URL: <http://ria.ru/spravka/20101215/309173739.html> (дата обращения: 21.04.2015).
13. **Политковская А.** Мечеть закрыта, все ушли на фронт // Новая газета. 2005. № 78.
14. **Мустафаев Т.** Проблема с бородой... // Черновик. 2008. 25 апреля.
15. **Зязиков М.** У мононациональной республики нет будущего // Сердало. 2008. № 61.
16. **Поляков Е.М.** Северный Кавказ в зеркале этнополитики: конфликт, насилие, власть. Воронеж: Научная книга, 2014.
17. **Эфендиева Д.** Взаимоотношения чеченцев с народами Дагестана на рубеже XX–XXI веков // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: матер. Всерос. науч. конф. Москва, 19–20 апреля 2005 года. М.: Наука, 2006. 612 с.
18. **Аленова О., Мельников В.** Я из лесу вышел, был сильный Ахмат // Коммерсантъ-Власть. 2004. № 15.
19. **Хадзиева М.** Коллегия МВД // Сердало. 2008. № 63.
20. **Абдулагатов З.** Состояние религиозности как фактор политизации религиозного сознания // Религиозный фактор в жизни соврем. дагестан. об-ва. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2002. 243 с.

21. **Butzer K.W.** Collapse, environment and society // PNAS. 2012. Vol. 109. No. 10. P. 3632–3639.
22. **Bureau of Democracy, Human Rights and Labor** Year Report. Washington, D.C., 2007. 17 p.
23. **Contact** Group on Piracy of the Coast of Somalia (CGPCS) Statement / U.S. Department of State, Bureau of Political-Military Affairs, Washington, D.C., January 14, 2009. 22 p.
24. **Carter Ph.** U.S. Policy in Africa in the 21st Century / Bureau of African Affairs, The Africa Center for Strategic Studies Washington, D.C., February 9, 2009. 18 p.

ПОЛЯКОВ Евгений Михайлович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета.

Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1
e-mail: evgenij.polyakov.1984@mail.ru

E.M. Polyakov

“BOKO HARAM”, “THE CAUCASUS EMIRATE” AND “AL-SHABAB”: COMMON AND SPECIFIC IN PRACTICES OF TERRORISM AND POLITICAL VIOLENCE

This paper studies the causes and efficacy of jihadism as a phenomenon and an analysis of three contemporary jihadist projects. On a number of key characteristics (organizational structure, way of mobilizing supporters, the nature of interaction with the population, methods of implemented violence, public opinion and the state reaction, features of propaganda and ideology) are “Boko Haram”, “the Caucasus Emirate” and “Al-Shabab” compared. The article also describes the process of Islamic revival in the North Caucasus and analyzed the situation of contemporary Russian Muslims and the reasons for the radicalization of Islam. It has shown that the Islamization of Russian regions took place as a struggle against of separatist movements. The author proposes an approach to minimizing the negative effects of the Islamization of Russia. It is also shown, that jihadist organizations go through several stages in its development, what can be useful in prediction of terrorist activity. In the end the author gives a forecast of the situation in Russia in the case of the jihadists’ success.

MIDDLE EAST; RUSSIA; VIOLENCE; ISLAM; JIHADISM.

REFERENCES

1. Mirskiy G.I. [Monstr islamizma]. *Vedomosti*, 2014, Okt. 16. (In Russ.)
2. Malashenko A.V. *Kak pobedit’ “Islamskoe gosudarstvo” i mozžno li yego pobedit’?* [Is it possible to defeat “Islamic State” and how do it?]. Moscow, Carnegie Foundation Publ., 2014. 16 p. (In Russ.)
3. Tajudeen S. The Plot to Islamise Nigeria. *Tell (Lagos)*, 2009, no. 30, pp. 19–23.
4. Abimbola A. The Boko Haram Uprising and Islamic Revivalism in Nigeria. *Africa Spectrum*, 2010, vol. 45, no. 2, pp. 95–108.
5. Murtada A. “Boko Haram” in Nigeria: Its Beginnings, Principles and Activities. Kano, Nigeria, Bayero University, 2013. 63 p.
6. Isola M., Bwala J. End of the Road for Boko Haram Leader – How He Attracted Young Fanatics. *Saturday Tribune (Ibadan)*, 2009. Aug. 1.
7. Scheen T. Kinder des Todes. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/boko-haram-laesst-in-nigeria-immer-mehr-selbstmordattentate-von-maedchen-verueben-13445524.html> (accessed 20.04.2015).

8. Human Rights Watch Report. Available at: <http://www.hrw.org/news/2012/01/23/nigeria-boko-Haram-widens-terror-campaign> (accessed 21.04.2015).
9. Bumah J, Abimbola A. The Boko Haram Tragedy and Other Issues. *The Punch (Lagos)*, 2009, Aug. 6.
10. Malashenko A. *Islamskiye oriyentiry Severnogo Kavkaza* [Islamic landmarks of North Caucasus]. Moscow, Gendalf Publ., 2001. 180 p. (In Russ.)
11. Efendiyeva D. *Chechenskie sobytiya i Dagestan: posledstviya i istoricheskie uroki* [Chechen events and Dagestan: Consequences and lessons of history]. Makhachkala: DNTs RAN Publ., 2002. 126 p. (In Russ.)
12. *Sluchai napadeniya i ubiystva muftiyev na Severnom Kavkaze*. Available at: <http://ria.ru/spravka/20101215/309173739.html> (accessed 21.04.2015).
13. Politkovskaya A. Mechet' zakryta, vse ushli na front. *Novaya gazeta*, 2005, no. 78. (In Russ.)
14. Mustafaev T. Problema s borodoy.. *Chernovik*, 2008. Apr. 25. (In Russ.)
15. Zyazikov M. U mononatsionalnoy respubliky net budushchego. *Serdalo*, 2008, no. 61. (In Russ.)
16. Polyakov E.M. *Severnyy Kavkaz v zerkale etno-politiki: konflikt, nasiliye, vlast'* [North Caucasus in ethno-political Mirror: konflikt, violence, power]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2014. (In Russ.)
17. Efendiyeva D. Vzaimootnosheniya chechentsev s narodami Dagestana na rubezhe XX–XXI vekov. *Chechenskaya Respublika i chechentsy: istoriya i sovremennost: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Materials of the Int. scientific conf. Moscow, 2005, Apr. 19–20]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 612 p. (In Russ.)
18. Allenova O., Mel'nikov V. Ya iz lesu vyshel, byl sil'nyy Akhmat. *Kommersant-Vlast'*, 2004, no. 15. (In Russ.)
19. Khadziyeva M. Kollegiya MVD. *Serdalo*, 2008, no. 63. (In Russ.)
20. Abdulagatov Z. Sostoyaniye religioznosti kak faktor politizatsii religioznogo soznaniya. *Religioznyy faktor v zhizni sovremennogo dagestanskogo obshchestva*. Makhachkala, DGU Publ., 2002. 243 p. (In Russ.)
21. Butzer K.W. Collapse, environment and society. *PNAS*, 2012, vol. 109, no. 10, pp. 3632–3639.
22. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor Year Report. Washington, D.C., 2007. 17 p.
23. Contact Group on Piracy of the Coast of Somalia (CGPCS) Statement. U.S. Department of State, Bureau of Political-Military Affairs, Washington, D.C., 2009, Jan. 14. 22 p.
24. Carter Ph. U.S. Policy in Africa in the 21st Century. Bureau of African Affairs, The Africa Center for Strategic Studies Washington, D.C., 2009, Feb. 9. 18 p.

POLYAKOV Evgeniy M. – *Voronezh State University.*

Universitetskaya pl., 1, Voronezh, 394006, Russia

e-mail: evgenij.polyakov.1984@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.5
УДК 327.7

В.А. Коваленко

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ ПОСЛАННИКОВ МИРА И ПОСЛОВ ДОБРОЙ ВОЛИ ООН

В статье рассмотрены вопросы организации дипломатии посланников мира и послов доброй воли ООН. В основе деятельности этого института лежат принципы мира и сотрудничества, разработанные ООН. Главная его задача — активная реализация информационного направления публичной дипломатии, в частности с помощью современных средств коммуникации. Дан анализ продвижения успешного имиджа ООН в системе международных отношений. Создание атмосферы доверия в международной аудитории — одна из основных целей деятельности института посланников мира и послов доброй воли.

ДИПЛОМАТИЯ; ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ; ДИПЛОМАТИЯ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ; ИМИДЖ; ПОСЛАННИКИ МИРА; ПОСЛЫ ДОБРОЙ ВОЛИ.

Организация Объединенных Наций является самой известной и влиятельной международной организацией, действующей во всех сферах международной жизни. Масштаб ее деятельности носит глобальный характер, а в основе ее структуры и организации лежит идея строительства международного механизма, при помощи которого правительства разных стран могли бы находить точки соприкосновения и сообща решать проблемы. С самого начала существования Организации вставал вопрос об эффективности ее деятельности. Одним из важных компонентов стали исследования мнения международного сообщества по вопросам проблем ООН и ее роли в международных отношениях. Особое внимание было уделено легитимности Организации в глазах мирового сообщества.

Рассмотрим представление об имидже любой международной организации. Построение имиджа — это непосредственная составляющая любой публичной деятельности, и ООН использует данную практику, прилагая серьезные усилия к формированию своего имиджа.

Современные исследователи международных отношений внимательно следят за развитием различных средств и механизмов продвижения имиджа. В научном дискурсе уже прочно закрепилось понятие «публичная дипломатия», сутью которой является формирование имиджа. Традиционно считалось, что публичная дипломатия относится только к государствам, но сегодня особый интерес для исследователей представляют ее новые формы, когда субъектами наравне с государствами становятся неправительственные организации, субнациональные акторы и международные организации.

Публичная дипломатия — это не устоявшееся явление, с течением времени она развивается в зависимости от смены целей и изменения международных отношений. ООН заинтересована в том, чтобы имиджевые действия были разнообразными и охватывали разные целевые группы. Рассмотрим некоторые концепции.

Американский ученый Дж. Най, разработавший концепцию «мягкой силы», выделяет следующие уровни публичной дипломатии:

а) базовый уровень — каждодневные коммуникации, в которых объясняется позиция по большому спектру вопросов; б) второй уровень — стратегическая коммуникация, т. е. проведение общественной кампании по наиболее важным и острым вопросам; в) третий уровень — развитие отношений с ключевыми фигурами и определенными целевыми аудиториями посредством предоставления стипендий и стажировок и проведения семинаров и конференций [1, с. 107].

Британский исследователь М. Леонард также выделяет три уровня деятельности в области публичной дипломатии, однако следует заметить, что он анализирует лишь публичную дипломатию государств. Тем не менее данная классификация действий может быть применена и к ООН. Согласно Леонарду, первый уровень предполагает реагирование на новостные события в соответствии с поставленными стратегическими целями; второй — активное формирование новостной повестки дня путем организации действий и событий, призванных подкрепить основные сообщения и воздействовать на восприятие; третий — построение долгосрочных отношений со странами, чтобы добиться взаимного принятия ценностей [2, с. 8–11].

Следовательно, позиции Ная и Леонарда в целом схожи, однако Леонард делает основной акцент именно на развитии отношений с объектами публичной дипломатии, поскольку это эффективнее коммуникаций при построении имиджа.

Дж.Р. Келли предложил типологию публичной дипломатии по характеру действия: он выделяет реактивную и проактивную публичную дипломатию. Реактивная публичная дипломатия необходима, когда субъекту надо ответить на обвинения, которые могут нанести вред репутации. В таких случаях позиция объясняется прямо обществу, что позволяет быстро ответить на обвинения, которые могли бы распространиться и стать неконтролируемыми. Данную публичную дипломатию также называют кризисной. Главная ее цель — обойтись минимальным ущербом для имиджа. Проактивная публичная дипломатия предполагает формирование кратко- и долгосрочной повестки дня, регулярно создает новостные события и позволяет субъекту выбирать сроки реализации такой деятельности [3, с. 78–79]. Как отмечает исследователь Б. Коэн, субъекты политической

коммуникации при таком подходе стараются предложить обществу тему для размышлений, а не конкретное решение [4, с. 146].

Исследователь Р. Захарна обращает внимание на то, что в процессе разработки теории публичной дипломатии больше всего вопросов вызывает категория «коммуникация», и в частности смысл данной категории. Предлагаются две концепции коммуникации, используемые для анализа и категоризации действий в области публичной дипломатии: информационная и реляционная.

Информационная концепция основывается на артикуляции и передаче сообщения для достижения политических целей. В основе реляционной концепции находится категория «отношение» (relationship), т. е. эта концепция сфокусирована на построении отношений и конструировании социальных структур для достижения политических целей [5, с. 93].

Таким образом, исходя из этих двух концепций, публичная дипломатия может включать в себя культурную деятельность, образовательные обмены и прочие инициативы в области гуманитарной сферы.

Предложенные классификации показывают, насколько многогранна публичная дипломатия. Использование различных приемов призвано строить имидж на многоуровневой основе, и ООН активно применяет их. Средства массовой информации часто используют термин «репутация».

Два основных блока действий — информирование и выстраивание отношений — подразделяются на разнообразные виды деятельности, призванные охватить весь спектр проблем.

Информационный аспект публичной дипломатии широко развит в рамках ООН, а ответственность за данную деятельность несет Департамент общественной информации [6] во главе с заместителем Генерального секретаря по коммуникации и общественной информации.

Исходя из предложенной выше классификации, можно проанализировать информационную политику ООН следующим образом. Артикуляция сообщений происходит в рамках пресс-релизов, которые выпускаются каждый день. Пресс-релизы и новостная лента посвящены работе различных органов Организации. Поскольку ее структура крайне обширна, новостных сообщений очень много. Центр ново-

стей ООН является одним из крупнейших информационных агентств мира, предоставляя информацию на шести официальных языках Организации. Помимо пресс-релизов существует большое количество отчетов, докладов и пост-релизов по результатам прошедших конференций и мероприятий. Способы передачи информации также разнообразны.

Основной источник информации – сайт ООН, в частности специальный раздел «Центр новостей ООН» [7]. Он является многопрофильным источником информации, предлагая все самые современные средства передачи: фоторепортажи, радио (в том числе аудиоархив), телевидение, видеоархив, блоги, социальные сети (Flickr, Twitter, Facebook, You-Tube, Live Station). География охвата глобальна. Сайт ООН предлагает новости из регионов, где находятся информационные центры Организации.

Помимо новостной информации в ООН уделяется большое внимание вопросу разъяснения и понимания ее деятельности. Таким образом, реализуется функция интерпретации. Огромное значение придается распространению справочных материалов о деятельности Организации. Информационно-пропагандистская работа ведется практически во всех учреждениях ООН, ее выполняют соответствующие секции и отделы [6]. Помимо деятельности в сети Интернет, Секретариат и другие подразделения ООН выпускают большое количество бумажной продукции: буклеты, книги, журналы, плакаты, которые носят информативный и маркетинговый характер.

В целом данную деятельность можно оценить положительно. Однако нельзя не учитывать и угрозы имиджу ООН, ответом на которые должна быть грамотная кризисная модель публичной дипломатии. Но именно этот аспект и является самым проблемным. Множество кризисов, связанных с трудностью принятия решений в Совете Безопасности, коррупционные скандалы, критика в адрес Организации из-за неэффективности ее действий [8, 9] ставят перед Секретариатом ООН задачи по проведению активных имиджевых действий.

По нашему мнению, ключевой категорией, касающейся имиджа ООН, является доверие. Публичная дипломатия Организации должна строиться именно вокруг этой категории с использованием всего имеющегося арсенала средств.

За реализацию деятельности по распространению доверия к ООН на данный момент ответственен институт посланников мира и послов доброй воли. Такая деятельность носит добровольческий характер и призвана стать связующим звеном между институтами и проектами Организации и международным сообществом. Посланники мира и послы доброй воли являются одними из главных субъектов имиджа ООН. Публичность – главный критерий подобного рода деятельности, поэтому на них налагается большая ответственность. Информационную составляющую публичной дипломатии Организация реализует путем привлечения всемирно известных людей – деятелей культуры, искусства и спорта.

Причины использования такого ресурса публичной дипломатии следующие: 1) глобальной по содержанию и видам деятельности организации требуется и глобальный спикер – личность, которая должна и может выступать перед реальной и виртуальной широкой аудиторией с основными идеями и новостями о ее деятельности; 2) организация, реализующая крупномасштабные гуманитарные мероприятия, не должна и не может игнорировать действия со стороны других активных участников и отдельно взятых лиц – принцип сотрудничества с людьми, близкими по духу, отлично вписывается и в систему ценностей ООН; 3) пропаганда идей проще реализуется, когда ее субъектом становятся люди, завоевавшие славу и уважение в своей профессии, а поэтому к ним приковано внимание и по вопросам, не связанным с их профессиональной деятельностью; 4) сотрудничество со знаменитостями взаимовыгодно, известные люди реализовывают свой публичный потенциал и желание кому-то помогать, а ООН предлагает площадку для выступлений и общественно значимые темы.

Исходя из перечисленных причин, мы можем сделать вывод, что популярность – это одно из базовых требований к выбору послов ООН. Однако именно выбор известной личности является предметом длительного анализа и размышлений работников Организации. В ООН понимают, что выбранный человек станет носителем не просто имиджа, но и репутации Организации, что подразумевает определенные нравственные установки и профессиональные способности. Кандидат на такой престижный

пост должен работать на благо имиджа именно ООН, а не продвигать в первую очередь свой собственный имидж. Перед Секретариатом ООН стоит достаточно сложная проблема выбора кандидатов. Помимо того что должны учитываться морально-нравственные установки человека, необходимо проанализировать его путь к достижению высот в карьере (репутация не должна противоречить основным ценностям, которые пропагандирует Организация) и нацеленность на активную работу: целеустремленность, смелость, стрессоустойчивость – это основные психофизические требования, предъявляемые к кандидатам.

Такое внимание к выбору отдельно взятых людей в рамках публичной дипломатии можно объяснить именно ролью и статусом на предлагаемом посту. Известны примеры наиболее успешных и не справившихся со своей ролью посланников мира и послов доброй воли. У некоторых личностей, создавших свои модели поведения в рамках добровольческой миссии, даже появились подражатели.

Одри Хепбёрн, известная актриса, посол доброй воли ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН), предложила консервативный тип посла доброй воли ООН. Основные характеристики такой модели – безупречная репутация во время профессиональной деятельности, элегантность, благородство, следование правилам игры. Хепбёрн не критиковала деятельность ООН и избегала политической полемики, апеллируя к гуманитарной деятельности Организации и идеям международного сотрудничества и помощи страждущим. Ее личные качества, такие как смелость, невероятная трудоспособность и полная отдача новой профессии, вызывали восхищение и доверие со стороны общественности. Из незначительных минусов деятельности Хепбёрн можно назвать то, что ее основной целевой группой являлись представители политической и культурной элиты, а из широких слоев населения за ее деятельностью следили лишь люди среднего и старшего возраста, которые придерживались консервативных взглядов.

Анджелина Джоли, также актриса, представляет другую модель поведения на посту посла доброй воли УВКБ (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев), поскольку в отличие от Одри Хепбёрн она совмещает дея-

тельность в ООН с работой в киноиндустрии, используя тем самым наибольший арсенал средств воздействия на публику. Личные качества Джоли не уступают качествам Одри Хепбёрн, но консервативным ее подход назвать никак нельзя, поскольку она апеллирует не просто к ценностям и идеалам ООН, но именно к стилю поведения. Джоли настаивает на идее личной заинтересованности, решительности в борьбе с проблемами. Основной целевой группой ее являются прогрессивно мыслящие представители элиты и более молодая часть широких слоев населения. Такая модель несет в себе больше опасностей имиджу ООН, поскольку она действует достаточно независимо и вероятность влияния ошибки на имидж Организации возрастает. Экстравагантное поведение также может быть воспринято общественностью по-разному. Таким образом, риски возрастают, но и успехи становятся значительнее.

Одри Хепбёрн и Анджелина Джоли представляют собой яркие примеры успешных послов доброй воли, но на них список не заканчивается, что и определяет приверженность ООН к сотрудничеству со знаменитыми людьми.

К неудачным примерам назначения послов доброй воли можно отнести людей, которые ограничились лишь формальным зачислением в списки ООН и не сотрудничали активно с Организацией. Однако это положительное безразличие со стороны таких представителей в принципе устраивает ООН, что и является очередным поводом для критики.

Э. Купер в книге «Дипломатия знаменитостей» приводит пример Джери Холлиуэлл, которая не справилась с ролью посла доброй воли ЮНФПА (Фонд ООН в области народонаселения), поскольку не смогла с достаточной ответственностью и приверженностью идеям ООН совершать поездки по миру. После единственной поездки на Филиппины Холлиуэлл прекратила свою деятельность в Организации, поскольку не могла продвигать идеи планирования семьи [10, с. 29]. Ставший послом доброй воли ЮНИСЕФ Дэвид Бекхэм, однако, больше известен широкой общественности как лицо Олимпиады в Лондоне, нежели носитель идей ООН. Эти люди явились примером того, что сотрудничество ООН со знаменитостями может начинаться успешно, но впоследствии процесс может зайти в тупик.

Есть и примеры обострения отношений знаменитых людей с ООН. Интересна история взаимоотношений с Организацией известного общественного деятеля и киноактера Ричарда Гира, чей активный стиль поведения имеет много общего с моделью поведения Анджелины Джоли, но отличается агрессивностью и твердыми политическими установками. Гир известен своей активной политической борьбой за права и свободу народа Тибета, им создан фонд «The Gere Foundation», который проводит кампании за его независимость. Это классический тип пропагандиста. Поначалу Гир активно поддерживал инициативы ООН. Он был лично знаком с Кофи Аннаном (Генеральный секретарь ООН в 1997–2006 гг.) и участвовал в нескольких мероприятиях Организации как приглашенный гость. Однако именно тибетский вопрос стал камнем преткновения. Гир был не согласен с политикой ООН по данному вопросу [11]. Это пример того, как твердая жизненная позиция известного человека может нанести вред имиджу ООН. Работа со знаменитостями вместе с успехами несет и определенные риски.

Таким образом, можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, деятельность ООН в рамках концепции новой публичной дипломатии предполагает расширение круга ее субъектов от уровня государств к другим акторам международных отношений и появление новых средств реализации целей публичной дипломатии, т. е. конструирования и продвиже-

ния имиджа, от информационной модели к выстраиванию отношений с целевыми группами и мировой общественностью в целом. Во-вторых, признавая значительный вклад в информационно-пропагандистскую работу Секретариата ООН, мы считаем немаловажным выстраивание отношений с международным сообществом через институт посланников мира и послов доброй воли. Роль всемирно известных деятелей культуры, спорта и общественной жизни в продвижении идеалов и имиджа ООН велика. Известны примеры удачного и неудачного сотрудничества, тем не менее привлечение известных людей повышает уровень доверия между ООН и общественностью. На наш взгляд, доверие – это самый важный критерий успешного имиджа ООН, поэтому использование института посланников мира и послов доброй воли как перспективное и многообещающее средство публичной дипломатии требует взвешенного подхода к выбору кандидатов на этот престижный пост и серьезного анализа рисков для имиджа Организации во время их непосредственной деятельности.

Понимая, что имидж и репутация ООН подвергаются рискам из-за ее внутренних проблем, мы приходим к следующему выводу: в публичной дипломатии основной упор должен быть сделан на развитии методов реактивной, или кризисной, публичной дипломатии, с постоянным апеллированием к основным ценностям и идеалам ООН во время ее гуманитарной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nye J.S. Jr. *Soft power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004.
2. Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public diplomacy*. L.: The Foreign Policy Centre, 2002.
3. Kelley J.R. *Situational Aspects of Public Diplomacy // Routledge handbook of public diplomacy / ed. N. Snow, P. Taylor*. Taylor & Francis, 2009.
4. Cooper A.F. *Celebrity Diplomacy*. Boulder, L.: Paradigm Publishers, 2007.
5. Zaharna R.S. *Information and Relational Communication Frameworks // Routledge handbook of public diplomacy / ed. by N. Snow, P. Taylor*. Taylor & Francis, 2009.
6. Электронный ресурс. Информационно-пропагандистский отдел. Департамент обществ. информации ООН. URL: <http://www.un.org/ru/hq/dpi/od.shtml>.
7. Электронный ресурс. Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/>.
8. Еще один удар по репутации ООН на Гаити: миротворцев обвиняют в изнасиловании // InoPressa. URL: <https://www.inopressa.ru> (дата обращения: 06.09.2011).
9. Персонал ООН взбунтовался против Кофи Аннана // Известия. 29 ноября 2004. URL: <http://www.izvestia.ru/news/296991>.
10. Cooper A.F. *Celebrity Diplomacy*. Boulder, L.: Paradigm Publishers, 2007.
11. Ричард Гир защищает голодающих тибетцев. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=12670>.

КОВАЛЕНКО Виктор Андреевич – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: kov-vito@mail.ru

V.A. Kovalenko

FEATURES OF DIPLOMACY MESSENGER OF PEACE AND GOODWILL AMBASSADORS

The article deals with the organization of diplomatic envoys of peace and goodwill ambassadors. The activities of these organizations on the principles of peace and cooperation developed by the United Nations. The main challenge facing these organizations is active implementation of an information direction of public diplomacy. An important means for its implementation are the modern means of communication. The analysis of the creation and promotion of the image of confidence in international relations. Creating an atmosphere of trust in the international audience is the main objective of the Institute of Messengers of Peace and Goodwill Ambassadors.

DIPLOMACY; PUBLIC DIPLOMACY; DIPLOMACY OF CELEBRITIES; IMAGE; MESSENGERS OF PEACE; GOODWILL AMBASSADORS.

REFERENCES

1. Nye J.S. Jr. *Soft power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004.
2. Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public diplomacy*. London, The Foreign Policy Centre, 2002.
3. Kelley J.R. *Situational Aspects of Public Diplomacy*. Routledge handbook of public diplomacy. Ed. Snow N., Taylor P. Taylor & Francis, 2009.
4. Cooper A.F. *Celebrity Diplomacy*. Boulder, London, Paradigm Publishers, 2007.
5. Zaharna R.S. *Information and Relational Communication Frameworks*. Routledge handbook of public diplomacy. Ed. by Snow N., Taylor P. Taylor & Francis, 2009.
6. Electronic resource. [Outreach Division. Department of Public Information of the United Nations]. Available at: <http://www.un.org/ru/hq/dpi/od.shtml>.
7. Electronic resource. [Newline. UN News Centre]. Available at: <http://www.un.org/russian/news/>.
8. *Yeshche odin udar po reputatsii OON na Gaiti: mirotvortsev obvinyayut v iznasilovanii* [Another strike to reputation of UN at Haiti: peacekeepers accused of rape]. InoPressa. Available at: <https://www.inopressa.ru> (accessed 06.09.2011).
9. *Personal OON vzbuntovalsya protiv Kofi Annana* [UN staff rebelled against Kofi Annan]. *Izvestiya*. 2004. Nov. 29. Available at: <http://www.izvestia.ru/news/296991>.
10. Cooper A.F. *Celebrity Diplomacy*. Boulder, London, Paradigm Publishers, 2007.
11. *Richard Gir zashchishchayet golodayushchikh tibetsev* [Richard Gere protects starving Tibetans]. Available at: <http://www.newlookmedia.ru/?p=12670>.

KOVALENKO Viktor A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kov-vito@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.6

УДК 329

Ван Цзюньтао

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В АРКТИКЕ

Рассматривается политика КНР в Арктическом регионе. На данный момент китайское руководство не приняло ни одного официального документа, в котором была бы четко прописана китайская стратегия в Арктике. Эта стратегия находится в стадии разработки. В статье выделены следующие основные направления китайской арктической стратегии: изучение природных ресурсов, их геологоразведка и технологии промышленного освоения; освоение морских путей и транспортных перевозок; научные экспедиции; участие в международных научно-экспертных дискуссиях по проблемам Арктики; участие в международном законодательстве, международно-правовой деятельности по уточнению и институализации юридического статуса Арктики; политика и дипломатия в отношении Арктики и поиск стран – партнеров по освоению региона; обсуждение военно-стратегической ситуации, перспектив и форм военного присутствия КНР в Арктике.

АРКТИКА; КИТАЙ; ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ; ОСВОЕНИЕ РЕГИОНА; ОСВОЕНИЕ МОРСКИХ ПУТЕЙ; НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ; МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

На XVIII съезде Коммунистической партии Китая, состоявшемся в ноябре 2012 г., руководство страны провозгласило КНР великой морской державой, в результате чего были начаты различные проекты и программы по освоению новых морских путей и акваторий, в число которых вошел и Северный Ледовитый океан. Несколько позже в структуре органов власти появилась Арктическая и Антарктическая администрация (КУАА), которая призвана отвечать за выполнение различных программ в полярных зонах. При этом на данный момент китайское руководство не приняло ни одного официального документа, в котором была бы четко прописана китайская стратегия в Арктике. Попробуем проанализировать существующие практические шаги КНР в Арктике, чтобы сделать выводы об основных направлениях китайской арктической стратегии.

Китайская арктическая политика и стратегия освоения Арктического региона на данный момент находится в стадии разработки, тем не менее, по мнению российского исследователя В.В. Карлусова, можно назвать главные направления китайской арктической стратегии [1, с. 237–238]:

1. *Изучение, геологоразведка и технологии промышленного освоения природных ресурсов*

Арктики. Экономический интерес является приоритетным в арктической стратегии Китая. Арктика сегодня рассматривается как последняя мировая кладовая сырья с огромным потенциалом, содержащая, по прогнозным оценкам, около 1/4 мирового запаса углеводородов и других полезных ископаемых. Она чрезвычайно богата практически всеми видами природных ресурсов. Еще в 2000 г. Геологическая служба США сообщила, что подо льдами Северного Ледовитого океана скрыто до 25 % планетарных запасов углеводородов, что составляет 400 млрд баррелей в нефтяном эквиваленте. Однако, согласно последним исследованиям, объемы в 2 раза меньше – около 14 % еще не обнаруженных мировых запасов, из которых 2/3 составляют запасы газа и 1/3 – нефти [2]. В 2009 г. журнал «Science» опубликовал исследование природных богатств Арктики, согласно которому под ее льдами залегают около 83 млрд баррелей нефти, что составляет 13 % от мировых неразведанных запасов, а природного газа в Арктике около 1550 трлн кубометров [3].

Кроме того, Арктика обладает богатыми биологическими ресурсами. По словам академика РАН, заместителя директора Института географии РАН профессора А. Тишкова, «ос-

новными богатствами Арктического региона являются биологические ресурсы, в том числе ресурсы водоемов с уникальнейшей рыбой и невероятнейшие ресурсы морской фауны» [4]. Арктическая морская среда – ареал распространения множества уникальных видов животных, среди которых наиболее редкими являются белый медведь, нарвал, морж и белуха. Более 150 видов рыб населяют арктические и субарктические воды, в том числе важнейшие для рыбного промысла треска и американская камбала. Более того, Арктика играет особую роль в глобальных процессах, определяющих климат нашей планеты. Северный Ледовитый океан сильно влияет на циркуляцию воды в Мировом океане и движение воздушных масс [5].

2. *Морские пути и транспортные перевозки в Арктическом регионе.* Северный Ледовитый океан и воздушное пространство над ним представляют собой уникальное коммуникационное поле, способное связать практически все наиболее развитые и динамичные регионы нашей планеты, что является принципиально важным для современной интенсивно развивающейся экономики Китая, чьи интересы носят глобальный характер. Северный морской путь (Россия) и Северо-Западный проход (Канада) – транспортные магистрали выдающегося регионального и мирового значения, связывающие самым коротким путем Китай с развитыми странами Европы и Северной Америки. По прогнозам, к 2030 г. Арктика может оказаться практически свободной ото льдов [6], в результате чего станет возможным круглогодичное использование арктических транспортных путей. Уже сегодня китайские товары начали перевозиться по Северному морскому пути. В конце лета 2013 г. по нему началась китайская навигация.

Первый китайский коммерческий контейнеровоз «Yong Sheng» покинул порт Тайцан близ Шанхая с 20 тыс. тонн металлических изделий на борту. Конечным пунктом судна был голландский порт Роттердам. Это был первый коммерческий рейс китайского судна из Китая в Европу не через Суэцкий канал, а по Северному морскому пути.

Китай, на долю которого приходится более 20 % общего объема мировой торговли, при этом свыше 70 % импорта и 55 % экспорта – морским транспортом, активно развивает

судоходство, считая весьма перспективными грузоперевозки именно по арктическому Северному морскому пути [7]. Объективными причинами интереса Китая к арктическим перевозкам являются:

- проблема пиратства в Арабском и Южно-Китайском морях;
- проблема перегруженности в Суэцком и Панамском каналах, что напрямую угрожает безопасности межконтинентального судоходства и повышает себестоимость международной торговли;
- важное экономическое преимущество Северного морского пути – его меньшая протяженность в сравнении с традиционными южными маршрутами: расстояние, проходимое судами из порта Мурманск в порт Иокогама (Япония) через Суэцкий канал, составляет 12 840 морских миль, а по Северному морскому пути только 5770 морских миль, т. е. приблизительно в 2 раза меньше.

Говоря о перспективах китайской навигации в российской Арктике, можно сослаться на информацию, представленную на сайте Администрации СМП при Министерстве транспорта РФ [8]. Так, на нем размещена информация о трех разрешениях на плавание «Yong Sheng» в акватории СМП. Кроме того, в 2013 г. были также выданы разрешения на прохождение китайского судна «Da Cai Yun» и судна «Hong Xing», принадлежащего китайско-польской компании. Разрешение получено также для судна «Nordic Bothnia», следующего под флагом Гонконга. Важно также отметить, что по СМП собираются направить свои суда Индия и Сингапур.

3. *Арктические экспедиции Китая.* Исторически это первая форма участия Китая в арктических делах. Так, еще в 1981 г. Китай запустил программу полярных исследований. Первая экспедиция китайских полярников в Арктику состоялась в 1999 г. С тех пор китайскими учеными было осуществлено 23 экспедиции в Антарктиду и 3 в Арктику.

В 2004 г. на архипелаге Шпицберген в Баренцевом море у Китая появилась первая собственная арктическая исследовательская станция – «Хуанхэ чжань», предназначенная для изучения океана и климата.

В 2012 г. китайский ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон») доставил первую китай-

скую полярную экспедицию в Баренцево море. На обратном пути ледокол прошел напрямик из Исландии через Северный полюс по так называемому будущему центральному арктическому морскому пути [9]. В ходе арктической экспедиции китайские ученые получили данные о состоянии арктических льдов, процессах изменения морской системы «вода – лед – пар», а также об изменении арктической морской среды и его влиянии на мировой климат и климат Китая. Таким образом, они провели комплексное изучение морских ресурсов и атмосферы в Арктике.

Китайские власти считают важным и необходимым популяризировать тему арктических исследований среди населения страны. Государственное океанологическое управление Китая совместно с местными властями проводит различные мероприятия по распространению научных и технических знаний об Арктике. Так, жители города Циндао с большим интересом осмотрели ледокольное судно «Сюэлу», стоявшее в порту перед отправлением в Арктику [10].

Анализируя в целом китайскую научную программу в Арктике, следует назвать комплексный проект «Арктическая экспедиция», который включает в себя:

- осуществление в летний период (с мая по сентябрь) регулярных экспедиций на собственном ледоколе в Северный Ледовитый океан (такие экспедиции состоялись в 1999, 2003, 2008 и 2010 гг. и запланированы на 2012 г. и далее с частотой в среднем не менее одного раза в 2 года);
- работу на постоянно действующей китайской полярной исследовательской станции.

4. *Участие в международных научно-экспертных дискуссиях по проблемам Арктики.* В последние годы научное сообщество Китая принимает активное участие в международных форумах, посвященных различным проблемам освоения Арктики, где знакомит мировое сообщество с основами своей арктической стратегии. Китай также активно участвует в различных международных научно-исследовательских структурах, являясь членом Международного научного арктического комитета (с 1996 г.), Ny-Elesund Science Managers Committee (NySMAC) и Тихоокеанской арктической группы (Pacific and Arctic Group).

Что касается основных направлений китайских арктических исследований, то на пер-

вом месте стоят вопросы охраны окружающей среды, среди которых наибольшее значение придается климатическим изменениям, мониторингу состояния арктической окружающей среды, исследованиям проблем водных ресурсов Арктики и состояния льдов, а также вопросам арктического устойчивого развития. Кроме того, китайские ученые ведут научные исследования в области создания безопасных условий и технического оснащения судоходства в акватории Северного Ледовитого океана.

5. *Международно-правовая деятельность Китая по уточнению и институализации юридического статуса Арктики.* Стратегическим направлением арктической политики Китая в отношении определения международно-правового статуса Арктики является политика ее интернационализации. В положениях Конвенции по морскому праву 1982 г. за Мировым океаном закреплён статус общего наследия человечества, что даёт основания китайской стороне настаивать на их расширительном толковании. Кроме того, в этих вопросах КНР ссылается на Договор по Антарктике, считая, что полярные зоны должны иметь одинаковый международно-правовой статус.

6. *Политика и дипломатия в отношении Арктики и полярных стран, поиск стран – партнеров по освоению региона.* XXI в. стал для Китая веком арктической дипломатии, что проявляется в развитии как двустороннего формата дипломатических взаимодействий с арктическими государствами (в первую очередь с малыми североевропейскими странами), так и многостороннего формата. Главным и самым важным на данном этапе достижением китайской арктической дипломатии стало получение Китаем в 2013 г. статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете (АС) – ведущей арктической организации. Хотя статус наблюдателя не даёт ему права решающего голоса, но совещательный голос у Китая, согласно регламенту организации, теперь есть. «Присутствие в АС имеет для Китая лишь символическое значение. Он рассчитывает, что будет принимать посильное участие в формировании и реализации региональной повестки дня. При этом вовлечение Китая в проекты будет зависеть от выстраивания двусторонних партнерских отношений с каждой циркумполярной державой в отдельности» [11].

7. *Военно-стратегическая ситуация, перспективы и формы военного присутствия КНР в Арктике.* Теоретически деятельность Китая в Арктике может стать причиной возникновения конфликтов в регионе, что определяется острой потребностью в любых природных ресурсах и готовностью их захватывать. Тем не менее военно-морские силы Китая, несмотря на быстрый рост их потенциала, пока не способны к проведению сколько-нибудь значительных боевых операций в Арктике. Кроме того, получив статус наблюдателя в Арктическом совете, Китай официально подтвердил готовность следовать принципам уважения суверенитета и суверенных прав арктических государств. Мирные намерения КНР в отношении Арктики под-

тверждает также его стремление внести вклад в укрепление мира и безопасности в регионе, что следует из заявлений официальных лиц Китая. Это косвенно свидетельствует о низком уровне китайских военно-политических амбиций.

Таким образом, китайская арктическая стратегия находится в стадии формирования. Однако активные действия Китая в Арктике в последние несколько лет дают основания говорить о его приоритетах в исследовании и освоении Арктики в XXI в. – это экономическая сфера (освоение транспортных и торговых путей, получение доступа к арктическим ресурсам) и область охраны окружающей среды (главным образом проблема изменения климата и последствия его для Китая).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Карлусов В.В.** Арктический вектор глобализации Китая // Арктический регион: проблемы междунар. сотрудничества: хрест. В 3 т. Т. 1 / сост. И.Н. Тимофеев и др.; гл. ред. И.С. Иванов. М.: Аспект Пресс, 2013. 357 с.

2. **Ильинский М.** Шкура нерожденного медведя: мировые державы в борьбе за ресурсы Арктики. URL: http://n-europe.eu/article/2009/04/21/shkura_nerozhennogo_medvedya_mirovye_derzhavy_v_borbe_za_resursy_arktiki.

3. **Природные ресурсы Арктики.** URL: http://www.rian.ru/arctic_spravka/20100415/220120223.html.

4. **Биологические ресурсы Арктики способны принести такой же доход, как нефть и газ.** URL: <http://gia.ru/discovery/20091109/192683683.html>.

5. **Арктика: перспективы развития.** URL: http://www.prospekts.ru/rus/ekob/arktika_perspektivy_razvitiya_2009-3-25-0-58.htm.

6. **Пан Ги Мун.** Ветер перемен. URL: <http://www.un.org/russian/sg/articles/2009/180909.shtml>.

7. **Китайцы** начали коммерческое освоение Северного морского пути. URL: <http://www.newsru.com/arch/finance/10sep2013/nrthmpssgecnship.html>.

8. Электронный ресурс. Официальный сайт Администрации СМП. URL: <http://www.morflot.ru/sevmorput/>.

9. **Петерсен Т.** Китай будет поддерживать свое присутствие в Арктике и в 2013 году планирует отправить уже шестую экспедицию в этот регион планеты. URL: <http://barentsobserver.com/ru/arktika/2013/01/kitay-planiruet-novuyu-arkticheskuyu-ekspediciyu-15-01>.

10. **Китай** снарядил пятую арктическую экспедицию. URL: <http://www.arctic-info.ru/News/Page/kitai-snaradil-patyu-arkticheskuyu-ekspediciu>.

11. **Ананьева М., Грачёв П.** Арктику можно сделать российско-китайской. URL: http://www.ng.ru/economics/2014-03-20/3_kartblansh.html.

ВАН Цзюньтао – преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: juntao2013@yandex.ru

Wang Juntao

MODERN CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE ARCTIC

The article examines the policy of China in the Arctic region. At the moment, the Chinese government has not taken any official document, which would be clearly spelled out the Chinese strategy in the Arctic. This strategy is being developed. The following main directions of China's Arctic strategy: natural resources, their exploration and technology industrial development, the development of sea routes and transportation, scientific expeditions, participation in international scientific and expert discussions on Arctic issues, participation in international law, international legal activities clarify and institutionalize the legal status of the Arctic, politicians and diplomats in the Arctic and the search of partners for the development of the region, to discuss the military-strategic situation, prospects and forms of military presence of China in the Arctic.

ARCTIC; CHINA; NATURAL RESOURCES; THE DEVELOPMENT OF THE REGION; DEVELOPMENT OF SEA ROUTES; SCIENTIFIC EXPEDITIONS; INTERNATIONAL ACTIVITIES.

REFERENCES

1. Karlusov V.V. Arkticheskiy vektor globalizatsii Kitaya. *Arkticheskiy region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva*. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, Aspekt Press Publ., 2013. 357 p. (In Russ.)
2. Ilinskiy M. Shkura nerozhdennoy medvedya: mirovyye derzhavy v borbe za resursy Arktiki. Available at: http://n-europe.eu/article/2009/04/21/shkura_nerozhdennoy_medvedya_mirovyye_derzhavy_v_borbe_za_resursy_arktiki.
3. Prirodnyye resursy Arktiki. Available at: http://www.rian.ru/arctic_spravka/20100415/220120223.html.
4. Biologicheskiye resursy Arktiki sposobny prinesti takoy zhe dokhod, kak neft' i gaz. Available at: <http://ria.ru/discovery/20091109/192683683.html>.
5. Arktika: perspektivy razvitiya. Available at: http://www.prospekts.ru/rus/ekob/arktika_perspektivy_razvitiya_2009-3-25-0-58.htm.
6. Pan Gi Mun. Veter peremen. Available at: <http://www.un.org/russian/sg/articles/2009/180909.shtml>.
7. Kitaytsy nachali kommercheskoye osvoyeniye Severnogo morskogo puti. Available at: <http://www.newsru.com/arch/finance/10sep2013/nrthmpssgecnship.html>.
8. Electronic resource. Ofitsialnyy sayt Administratsii SMP. Available at: <http://www.morflot.ru/sevmorput/>.
9. Petersen T. Kitay budet podderzivat svoje prisutstviye v Arktike i v 2013 godu planiruyet otpravit uzhe shestuyu ekspeditsiyu v etot region planety. Available at: <http://barentsobserver.com/ru/arktika/2013/01/kitay-planiruet-novuyu-arkticheskuyu-ekspeditsiyu-15-01>.
10. Kitay snaryadil pyatuyu arkticheskuyu ekspeditsiyu. Available at: <http://www.arctic-info.ru/News/Page/kitai-snaradil-patyu-arkticeskyu-ekspediciu>.
11. Ananyeva M., Grachev P. Arktiku mozjno sdelat' rossiysko-kitayskoy. Available at: http://www.ng.ru/economics/2014-03-20/3_kartblansh.html.

WANG Juntao – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: juntao2013@yandex.ru

ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ В 50-Х ГОДАХ XX ВЕКА

В статье дана характеристика социально-политических преобразований в Швеции в 50-х годах XX века. Шведская модель рассмотрена с точки зрения функционирования трудовых отношений (Saltsjöbadsandan), политической системы, в которой все заинтересованные группы играют важную роль (Harpundsdemokrati), и государства всеобщего благосостояния (Folkhemmet). Особое внимание уделено деятельности в это десятилетие выдающегося политика, премьер-министра Швеции Таге Эрландера, дана оценка работе Улофа Пальме в качестве его референта.

ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ; СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ; БУРЖУАЗИЯ; ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА; ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ; РЕФОРМЫ; ТАГЕ ЭРЛАНДЕР; УЛОФ ПАЛЬМЕ.

50-е годы XX века – это послевоенные годы, за которые выросло новое поколение. Спустя всего лишь десятилетие после окончания Второй мировой войны в большинстве стран мира наблюдался беспрецедентный экономический рост. Этот период вошел в экономическую историю как «золотые годы» или «Славное Тридцатилетие» – «фордизм» (создателем данной теории считается Г. Форд, один из основателей американского автомобилестроения).

Произошли изменения и на национальном уровне восприятия государства. Стало принято считать, что государство может играть более активную роль в предотвращении слишком резких сдвигов в экономике.

Теория Дж. Кейнса также «сыграла важную роль в трансформации капиталистической экономической системы, в формировании в странах современной смешанной экономики, в которой государственное регулирование могло эффективно взаимодействовать с механизмами рынка» [1, с. 366].

В то же время государство должно было взять на себя большую роль в формировании инфраструктуры, чего требовала индустрия того времени. Это строительство дорог и жилищ для рабочих, организация медицинской помощи и ухода за детьми и престарелыми, создание сети образовательных учреждений и т.д. Всё это могло быть обеспечено путем быстрого роста

государственного сектора, финансируемого за счет повышения налогов.

Возникновение послевоенного шведского государства всеобщего благосостояния, в основе которого лежало усиление государственного вмешательства в экономическую политику страны, было связано не только со шведской социал-демократией, но и с немецкой христианской демократией, английскими тори, японскими либерал-демократами и, частично, с американскими демократами.

Дух холодной войны, который доминировал с конца 1940-х годов, обуславливал участие открытого шведского общества в западной демократии и рыночной экономике и в то же время отказ от коммунизма и других форм сильного радикализма. Так, например, главный редактор «Dagens Nyheter» Г. Тигстен утверждал, что консерватизм, либерализм, социализм уже не актуальны, что существует консенсус по основным политическим вопросам в различных границах политических партий. Это касается понимания демократии, нации и вооруженных сил, национализации и социальной политики, церкви, религии, а также областей, где возможно объединение государственного вмешательства и индивидуальной свободы.

Следует напомнить, что во время Второй мировой войны в нейтральной Швеции сильнее всего пострадали самые обездоленные. В стране нарастало социальное недовольство.

Именно поэтому в первые послевоенные годы в Швеции нарастало и коммунистическое влияние. Забастовки на заводах металлообработки в 1945 году, организованные левыми, парализовали большую часть экспортной индустрии страны в тот момент, когда считалось, что индустрия развивается.

Для социал-демократов настало время переосмысления, ведь, согласно программе 1944 года, рабочее движение пыталось перехватить у них инициативу. Пришло время для образования социалистического или, по крайней мере, социал-демократического союза. Основными задачами, стоящими перед социал-демократами, были продолжение кейнсианской политики и проведение социальных реформ, которые обеспечили бы большее равенство среди населения Швеции. Однако огромное внимание в своей программе они уделяли усилению государственного контроля над экономикой. Государство должно было взять на себя больше ответственности за рационализацию бизнеса и ряд комиссий по национализации.

Выборы 1948 года для социал-демократов стали одними из самых драматических в XX веке в Швеции. Благодаря поддержке бизнес-сообщества буржуазия пошла в атаку против введения в стране плановой экономики социал-демократов (*planhushållningsmotståndet*). Противостояние плановой экономике социал-демократов вскоре стало популярным лозунгом кампании. Буржуазия считала, что усиление государственного влияния на экономику Швеции неэффективно. Шведский экономист Ф.А. Хайек утверждал, что это приведет к социализму и развалу демократии.

Социал-демократы проиграли на выборах 1948 года с минимальным отрывом. Но противостояние сторонников и противников плановой экономики не прошло незамеченным. Далеко идущие планы по национализации постепенно сошли на нет. Однако во времена нового министра финансов П.Э. Щёльда (P.E. Sköld) правительство приняло ряд мер для восстановления доверия бизнес-сообщества. Большую роль в этом сыграл так называемый «Клуб четверга», в котором представители правительства и промышленности регулярно встречались для обсуждения экономических вопросов.

Надо отметить, что в среде буржуазии произошли кардинальные изменения. Смени-

лись поколения, ушли многие из тех, кто жил во время жесткого либерализма. Новое поколение нашло более прагматичный подход к государственному вмешательству и сотрудничеству с государством, используя большинство идей из американского менеджмента и социальных наук.

У социал-демократов также произошла смена поколений. Осенью 1946 года умер П.А. Ханссон. Через несколько лет покинули правительство Э. Вигфорш (E. Wigforss) и Г. Мюллер. Таким образом, ушли последние представители поколения, которое с 1910 года было подвержено идеологическому влиянию марксизма.

Преемником П.А. Ханссона стал Т. Эрландер, занимавшийся последние десять лет социальной и образовательной политикой в Государственной канцелярии в Стокгольме. Другой последователь – П.Э. Щёльд также был представителем партии социал-демократов. На данном этапе это было хорошо для социалистического правительства.

Следует сказать, что до 50-х годов XX века шведская экономика росла медленно. Ее рост составлял 5–6 %, а уровень безработицы всё продолжал повышаться. Проблема заключалась в инфляции, низкой заработной плате и трудовом дефиците квалифицированных рабочих в промышленности.

Именно поэтому в 1950-х годах перед социал-демократами стояла задача заставить капиталистическую экономику работать эффективнее. Э. Хобсбоум (E. Hobsbawm) отмечал: «То, что социалистические партии и рабочие движения, которые были так велики в Европе, легко адаптировались к новому, реформированному капитализму, означает, что на практике они не имели своей экономической политики» [2, с. 310–311].

1950-е годы для Швеции – это десятилетие, которое часто характеризуется такими терминами, как «взаимопонимание», «смерть идеологии», «Харпсундская демократия», «консенсус», «блестящие дни шведской модели».

Если рассматривать альтернативный образ этих лет, то на первый план выходят изоляция инакомыслящих, ограничение дебатов, наблюдение за диссидентами и т. д. В то же время социал-демократы пытались вести идеологическую войну против коммунизма через профсоюзы.

В эти годы в международном сообществе сложился миф о Швеции: «срединный путь: шведская модель — образец или устрашающий пример».

В период с 1950 по 1970 годы ВВП Швеции на душу населения рос более чем на 3 % в год, а уровень безработицы был довольно низкий, даже во время экономических спадов — около 2 %. За два десятилетия (за одно поколение) масштабы потребления населения увеличились в 2 раза. Всё это способствовало развитию экономики, которая впоследствии получила название шведской модели.

Шведская модель включала в себя три пункта: 1) хорошо функционирующие трудовые отношения, «Дух Сальтшёбадена» (Saltjöbadsandan); 2) политическая система, в которой все заинтересованные группы играют важную роль, «Харпсундская демократия» (Harpundsdemokrati); 3) государство всеобщего благосостояния, «Дом народа» (Folkhemmet).

Условия, созданные на рынке труда в Швеции, произвели хорошее впечатление на мировое сообщество. Ученые и политики со всего мира приезжали сюда, чтобы изучить страну, в которой забастовки практически исчезли, а лидеры профсоюзной организации (Landsorganisationen) и Шведского объединения работодателей (Svenska Arbetsgivareföreningen) могли вместе отправиться в турне по США, чтобы подчеркнуть, что между ними существует хорошее сотрудничество. В середине 1960-х годов в Швеции было 0,2 % бастующих на 100 тыс. работников против, например, 6,2 % в США и 14 % в Италии [3, с. 49].

Но шведская модель трудового рынка состояла не только из хороших отношений между работодателями и профсоюзами. Основным нововведением в 1950-е годы стала теория Р. Мейднера, который считал, что надо быть осторожным в отношении быстро растущей экономики из-за опасности ее «перегрева» [4, с. 70]. Главная социально-экономическая проблема заключалась в том, чтобы убедить сотрудников не требовать повышения заработной платы тогда, когда экспортная отрасль принесет рекордные прибыли. Одним из главных политических решений, совместно с профсоюзами, стала «солидарная политика» по заработной плате.

Перераспределение прибыли с более производительных экспортных отраслей на менее

прибыльные отрасли хозяйств Швеции сыграло решающую роль и в итоге привело к снижению диспропорций по заработной плате. Однако неизбежным следствием этой политики стало закрытие фирм с низкой рентабельностью. «Солидарная политика» имела и другую сторону. Уволенные с предприятий рабочие вынуждены были переезжать в другие лёны (области) страны в поисках работы. Именно в это время норрландские юмористы стали расшифровывать аббревиатуру AMS (Arbetsmarknadsstyrelsen) не как «управление рынка рабочих», а как «все должны (ехать) на юг».

Рассмотрим понятие «Харпсундская демократия» в шведской модели. «Харпсундская демократия» — это одна из форм классового сотрудничества. Она получила свое название после серии конференций, проведенных премьер-министром Т. Эрландером, который один раз в год приглашал представителей крупного бизнеса, профсоюзов и ряда других заинтересованных организаций для консультаций и обмена информацией по ключевым общественным вопросам. Заседания были по достоинству оценены обществом. Они показали, что между правительством, представителями промышленности, членами различных ассоциаций существует тесное сотрудничество.

Экономический рост и укрепление системы государственных финансов создали условия для расширения политики социального обеспечения, третьего этапа шведской модели. Вера в течение продолжительного времени в возможность роста экономики Швеции наконец воплотилась в жизнь в 1950-х годах.

В 1955 году социал-демократы провели конференцию «Технология и общество завтрашнего дня», учредителем которой по праву считается У. Пальме. Основной темой обсуждения стали взаимосвязи между научным исследованием, технологическим развитием и более высоким материальным и духовным уровнем жизни.

Однако существовал ряд причин, которые препятствовали развитию социального государства («Дома народа»). В 1950 году буржуазные партии, укрепив свои позиции в парламенте, выступили против дальнейшего роста государственного сектора. Следует отметить, что правые на парламентских выборах 1956 года получили на 2,6 % больше, чем социал-демо-

краты, и впервые с 1930 года составили буржуазное большинство в парламенте [5, с. 439].

Борьба шла не только в шведском парламенте. Итоги дискуссии в начале 1950 годов по поводу роли третьих стран в мире подтверждают это. Горстка интеллектуалов левого толка поставила под сомнение официальную точку зрения о войне в Корее. Они считали, что американская политика не была настолько мирной и демократической, как это утверждалось. Под руководством Г. Тингстена началась атака с главных страниц ежедневных газет. Тингстен считал также, что Швеция как страна третьего мира, занимающая свою особую позицию между Востоком и Западом, в конечном итоге может скатиться к коммунизму. Однако вскоре эту тему пришлось закрыть, она стала считаться инакомыслием.

Впоследствии Тингстен и И. Хидениус попытались сформулировать идейную основу шведской модели. По их мнению, шведское общество было «проникнуто поиском консенсуса и убеждено, что рациональное решение социальных проблем возможно и желательно». За основу нужно брать техническую эффективность, утилитаризм и повышение уровня жизни. «Традиции и другой иррациональный подход должны уступить место новому, развивающемуся обществу (и новому человеку)» [6, с. 249]. Даже У. Пальме, который в 50-х и 60-х годах XX века много раз ставил вопрос об «идеологической смерти» Тингстена, соглашался, что в его идеологии наконец-то появился здравый смысл.

По мнению Тингстена, после дискредитации нацизма и фашизма из правых идей осталось неразведанным только «поле культурного радикализма». Это было важно, так как означало идейное наследие правых: религию, королевский дом и национализм.

Осень 1952 года стала для Т. Эрландера временем неудач. На муниципальных выборах того года партия социал-демократов потеряла 2,5 % по сравнению с 1950 годом. В своем дневнике Т. Эрландер описывал этот период очень мрачно. Предвыборная кампания была убогой: «...свинские премии, реформа выборов, черная ржавчина. Отвратительно. Можно ли найти свежие идеи или мы движемся к катастрофе с интеллектуальной точки зрения? Программа партии слаба, нет никакой идеологической дискуссии в социал-демократии».

Немного позднее, после «скучных» дебатов с социал-демократическим студенческим союзом, которому, по мнению Эрландера, не хватало собственных идей и в котором больше «ходили по пятам за либералами в Dagens Nyheter», он возвращается к теме выборов. Эрландер был недоволен своими собственными усилиями. Дебаты на выборах прошли плохо, и «у меня нет никакой программы, которую я хотел бы реализовать, как в политике для населения, так и в области образования». Он рассматривает возможность отставки и продолжает: «Трудность сейчас состоит в том, что интеллектуально никто не справляется. Нужно что-то делать, о чем-то говорить для того, чтобы думать и убеждать» [7, с. 159].

В этот сложный для Эрландера период ему как никогда не хватало идейного соратника, способного вдохнуть новую жизнь в партию социал-демократов. Конечно, в правительственных кругах были люди, с которыми он мог обсудить долгосрочные вопросы, например министр финансов Щёльд. Но этого Эрландеру было мало, он искал интеллектуального соратника.

В правительстве Швеции на всех уровнях до и после Второй мировой войны преобладали чиновники с буржуазными ценностями. Это стало огромной проблемой для социал-демократического правительства. Партии необходимо было набирать своих последователей в министерствах и ведомствах, так как существовал риск, что реформы, которые она хотела провести, будут тормозиться.

Таге Эрландер сплотил вокруг себя соратников. Они вошли в специальную исследовательскую группу, которая была названа «Бандой клязников» (Kvegulansgänget). Состав группы менялся, но в ней всегда оставались П. Экеберг, П. Нюстрём, П. Осбринк, А. Лундберг, Г. Экдаль. Даже экономисты профсоюзных организаций, такие как Й. Рен и Р. Мейднер, являлись участниками группы. У. Пальме также был включен в нее. Предметы обсуждения были разнообразными, но с акцентом на экономику и занятость.

И всё же Эрландер не чувствовал надлежащей поддержки. Канцелярия премьер-министра в начале 1950-х годов была небольшой. Она состояла из секретаря, сторожа и личного секретаря, который писал выступления, корреспонден-

денции и т. д. Эрландер считал своего личного секретаря, унаследованного им от П.А. Ханссона, некомпетентным, но не мог уволить его, так как тот был зятем Ханссона и сыном архиепископа Сёдерблума. Возможность избавиться от секретаря Эрландер получил только тогда, когда тот начал воровать деньги с его личной сберегательной книжки и подделывать подписи [7, с. 19, 133].

Довольно долго Эрландеру не удавалось найти подходящего референта. Р. Эдемман, государственный секретарь по делам религий (ecklesiastikministeriet; после 1967 года – министерство образования), имевший хорошие связи со студенческим союзом, порекомендовал на эту должность Улофа Пальме, молодого политолога, и Бу Йоханссона. Так как Пальме только что отправился в путешествие, Эрландер начал знакомство с Йоханссона.

В жизни Улофа Пальме осень 1953 года стала одним из переломных моментов. После трехмесячного путешествия по Азии 2 сентября он вернулся в Стокгольм. Рапорт об этой поездке содержал около сотни страниц, написанных убористым почерком. 18 сентября Пальме вступил в должность секретаря разведывательного бюро Швеции. В это же время им было получено письмо от премьер-министра Эрландера, который назначил Пальме встречу.

Эрландер впоследствии писал в своем дневнике: «Пальме. Хорошо. Может быть, даже лучше, чем Бу. Но, к сожалению, он уже вовлечен на военную службу». В мае 1954 года Пальме попросил отпуск в штабе обороны и больше уже не возвращался на службу. Эрландер решил эту проблему, и Пальме был приглашен в Харпсунд для продолжения разговора. Эрландер по-прежнему был заинтересован взять Пальме на должность личного секретаря, однако позднее в дневнике он записал: «Пальме вчера произвел не такое хорошее впечатление, как в прошлый раз, когда мы встретились. Очень умный, конечно, но как насчет моральной устойчивости, которая необходима политику?» [8, с. 164].

Некоторое время спустя Пальме устроился работать в канцелярию Эрландера на неполный рабочий день. В своем дневнике Эрландер писал: «Пальме проницательный и станет, безусловно, отличным... Рад, что Пальме показал себя эффективным сотрудником... Пальме был превосходен».

Наконец Эрландер получил такого спичрайтера (референта), которого искал. Он получил сотрудника, знающего несколько иностранных языков, который мог стать неоценимым для международной работы.

Итак, 26-летний Пальме завершил первую фазу своего образования. В студенческие годы он осмысливал такие вопросы современности, как борьба между Востоком и Западом, между коммунизмом и западной демократией, и открыл в себе талант организатора, умение эффективно критиковать своих противников. Не в последнюю очередь Пальме интересовала и международная политика. 1950-е годы станут для него новой «образовательной программой» в сфере политических тайн и рабочего движения.

В 1954 году Эрландер пригласил немецких, английских и датских партийных лидеров, чтобы в рамках Социалистического интернационала обсудить сложный вопрос по Германии. Пальме присутствовал в качестве секретаря и переводчика, и его вклад был «грандиозным». Он был также переводчиком Эрландера, когда Социалистический интернационал собрался в Берлине и когда Эрландер посетил лейбористов в Англии.

Уже в ходе избирательной кампании 1954 года Пальме упоминается как один из тех, кто «был наиболее значим для концептуального планирования кампании» [9, с. 98].

В своем дневнике Эрландер представляет Пальме в самых разнообразных контекстах: на собрании в Харпсунде по высшему образованию «Пальме был абсолютно великолепен»; на конференции, в которой участвовали многие ведущие писатели страны и деятели культуры, «Пальме произнес триумфальную речь, где показал класс»; «Пальме также присутствовал при обсуждении таможенного вопроса, кредитной политики и атомной бомбы» [10, с. 65, 87].

Это была «интеллектуальная любовь». Эрландер прощал Пальме ошибки, которые не прощал другим. Выступление перед парламентской группой часто не завершалось вовремя. «И я этого, по правде говоря, не требовал», – писал Эрландер [9, с. 159]. В партийной работе они вели себя на равных. «Пальме, видимо, имел основания быть недовольным моей утренней речью и выказал желание приехать и сделать замечания», – писал Эрландер в Харпсунде [10, с. 148].

В конце июня 1954 года Пальме и Эрландер вернулись в Харпсунд. К этому времени было подготовлено семь речей для выступления Эрландера. Вместо обычных причитаний по поводу мучений при написании речей в его дневнике можно было прочитать: «День был действительно успешным. В 11 часов Пальме и я оставили большую часть того, что хотели сделать для госпожи Нюстрём; с этих пор я мог в спокойствии размышлять и общаться».

И большего удовольствия невозможно было представить, когда Эрландер после дня продолжительных встреч с упрямыми партийными омбудсменами, сложных межправительственных переговоров с аграриями и неудобных разговоров с муниципальными политиками и профсоюзными деятелями о вынужденной экономии средств мог написать вечером: «А теперь долгий разговор с Пальме о серьезности жизни» [10, с. 215].

Осенью 1954 года Эрландер предпринял длительное путешествие в США. Пальме в этот раз остался в Швеции. Премьер-министр начал с Лос-Анджелеса, где он и М. Валленберг встретились с Д. Дугласом, чтобы вести переговоры по поводу закупок самолетов. Позднее Эрландер написал в своем дневнике: «Жаль, что я не взял Айну и мальчиков сюда. И Пальме тоже» [9, с. 155].

Всего лишь год назад Пальме начал работать с Эрландером, но из вышеизложенного можно сделать вывод, что он стал почти членом семьи Эрландера.

В 1954 году в журнале Социалистической студенческой ассоциации «Либертас» была опубликована статья, в которой Пальме и А. Линдбек, его друг и соратник по штабу обороны, дали характеристику главных направлений внутрипартийной деятельности социал-демократов. «„Верхушка” партии, — писали они, — сделала тотальную „безыдейность” своей политической идеологией». Для многих партийцев социализм не имеет никакого смысла. Но с другой стороны, стремятся ли те немногие «к преобразованию общества в социалистическом направлении»? Многие из них придерживаются своего рода фатализма. «Только правящая социал-демократия, продолжающая свою административную деятельность, приведет в конечном счете к более социалистическому обществу, которое, в свою очередь, будет

тесно связано с технологическим развитием». Проблема этой «веры в судьбу» (фатализма) заключается в том, что она не требует участия населения. «Нет ощущения убежденности в том, что социал-демократическая партия Швеции, согласно этой теории, должна объяснять людям, что есть развитие общества, к которому стремится партия».

Фактически в статье приводятся доводы за отказ от фатализма. Риском считается только перенос позиций экономической мощи на различные формы центральной бюрократии, в то время как народный контроль утрачивает свое значение.

Какие же вопросы должна решать партия, чтобы обойти как безыдейность, так и фатализм? На этот вопрос Пальме и Линдбек отвечают в статье «Политические реформы на распутье», опубликованной весной 1955 года в партийной газете «Тиден» («Tiden»).

Статья представляет собой обсуждение политики благосостояния общества, которая в течение последних нескольких лет проводилась в Швеции. Будет ли социальная политика доступна для всех граждан или она будет в первую очередь нацелена на наиболее нуждающихся?

В статье не затрагивалась важность социальной политики в реформах социал-демократов. По мнению и авторов, «этому предавалось слишком большое значение».

Авторы статьи находят преимущества в социальной политике, которая была в 1930–1940-х годах. В ситуации, когда большинство шведов жили в бедности, защищенность должна была стать хорошей политикой, которая согласовывалась с социалистическими ценностями. «Но теперь ситуация изменилась. Однако налоги по-прежнему высокие», — отмечал Пальме. «Это как „вдова” на знаменитом плакате ЕВК на Эстермальме, где говорится, что снижение налогов — это наша самая важная социальная реформа. Дагенс Нюхетер и Свенска Дагбладет заручились мнением не только у „вдовы”, но также среди политиков социал-демократов», — писал он. Экономист Линдбек дополнил: «Если вы не хотите, чтобы увеличились инфляционные риски, тогда возросшие государственные расходы должны... компенсироваться налогами». «Однако налоговое бремя в основном связано с общими субсидиями и расходами на оборону и достигло такого уров-

ня, который вызывает озабоченность у многих социал-демократов», — отмечали Пальме и Линдбек в 1955 году, когда налоги в Швеции достигли 25 %. Следует сказать, что в середине 1980-х годов, когда премьер-министром стал Улоф Пальме, налоги были увеличены более чем в 2 раза — до 53 %.

«Многие теперь требуют общих реформ, таких как снижение налогов, дополнительных услуг после выхода на пенсию, сокращения рабочих часов, повышения пособий на детей», — констатировали Пальме и Линдбек. «Но есть и другие неотложные реформы. Некоторые группы меньшинств остались обделенными: инвалиды, частично трудоспособные, хронически и психически больные, а также... одинокие матери, вдовы, молодые студенты, художники, бездомные и многие другие меньшинства в обществе».

Авторы утверждали, что вместо проводимой государством целевой политики реформ, которая помогает «дискриминированным меньшинствам» и делает надлежащие инвестиции в образование и научные исследования, был бы отдан приоритет общим субсидиям и снижению налогов. «Нет нужды в нашей социалистической идеологии, с ее призывом к солидарности по отношению к дискриминированным группам общества, чтобы помочь привести эти запущенные группы к стандарту, прежде чем мы разрешим себе повысить стандарты посредством снижения налогов, сокращения рабочих часов, обслуживания после ухода на пенсию или увеличения общего пособия на детей» [11].

Формулировки, данные У. Пальме и А. Линдбеком с перспективой на несколько лет, поразительны. Не в последнюю очередь интересен аргумент против льготного обслуживания населения после выхода на пенсию (данный пункт вскоре будет обсуждаться в пенсионной реформе — пенсионный коэффициент — *allmän tilläggspension*). Но в тот период, видимо, это было верно. Через несколько лет та политика социального обеспечения, которую защищали Пальме и Линдбек, устареет.

Одним из самых известных и цитируемых высказываний Пальме стала фраза: «Политика — это желание». Но она была произнесена в радикальные 1960-е годы. В 1956 году вместо этого было: политика — «это вопрос выбора между большим количеством, несомненно, желаемых вещей. Кажется, что чем богаче, слож-

нее и неоднороднее становится общество, тем сложнее становится выбор... При полной занятости и перманентных инфляционных рисках каждая реформа ставит общество перед угрозой смещения социально-экономического баланса. Любая реформа, следовательно, требует жертв, а именно воздержания от всего того, что хотелось бы сделать».

Статьи, написанные с Линдбеком, не единственные доказательства того, что Пальме в то время придерживался умеренного крыла. «Когда-то в 1955 году Улоф Пальме начал дискуссию со мной об отношении к бизнес-сообществу», — писал Т. Эрландер в своих мемуарах [12, с. 110]. Пальме написал свои ключевые позиции в короткой докладной записке, которую Эрландер, к сожалению, не нашел. Основная идея Пальме состояла в том, что было необходимо дать бизнесу хорошие возможности для развития, насколько это возможно. Не в меньшей мере это касалось научно-технических исследований, где бизнес и общество имели общий интерес.

Такое восприятие в социал-демократической партии в 1950-х годах не считалось уникальным. Конечно, были более радикальные течения, которые хотели навязать партийную борьбу. Но то, что буржуазные партии заявляли, было также высказано и социал-демократами, которые сочувствовали бизнесу. Министр финансов Щёльд в своих речах часто возвращался к этому вопросу. Однако существовало мнение группы людей, которые требовали, чтобы партия больше прислушивалась к бизнес-сообществу. К этому направлению и присоединился Пальме.

Эрландер неожиданно подхватил его дружественное настроение по отношению к бизнесу. «Пальме уловил течение времени и показал, как идейное сотрудничество должно переплетаться с нашей позицией по технологическому развитию. Уже много лет ход мыслей, представленный Пальме, привлекает и очаровывает меня, как никогда. Если бы я мог, если бы у меня были силы Щёльда 10 лет назад! Теперь я поеду в Харпсунд и буду размышлять. Обдумывать», — писал он.

Эрландер везде презентовал «гениальные идеи» Пальме. «Всё очень хорошо прошло на Боммерсви́ке», — отмечал он. Однако «Пальме выглядел обеспокоенным. Он считал, что я упрощал, говорил более грубо и тем самым

всё уничтожил. Но это, наверное, не так уж плохо». Собралась исследовательская группа, чтобы обсудить новую идеологию Пальме [10, с. 78, 184, 197].

Более подробных описаний предложений Пальме Эрландер никогда не давал, но ясно, что идеи Пальме вдохновили его инициировать известную конференцию в кинозале «Риголетто». И Эрландер, и Пальме считали, что вопрос о поддержке промышленного технологического развития страны должен стать центральным.

В середине ноября 1955 года 500 ведущих политиков, инженеров, ученых и глав компаний собрались в зале кинотеатра «Риголетто» в центре Стокгольма, чтобы обсудить темы: «Технология и общество завтрашнего дня», «Атомная энергетика и будущее» и «Автоматизация и рационализация».

Редко случалось так, чтобы конференция была настолько своевременной. Именно техническое развитие могло бы привести общество к светлому будущему. Кроме того, конференция имела последствия и для внутреннего развития партии. Отныне основополагающее научное развитие становится центральной частью идеологической базы партии.

Программа «Политика прогресса», разработанная Пальме перед партийным конгрессом 1956 года, стала продолжением упомянутой конференции, в которой также прослеживалась взаимосвязь между техническим развитием и благополучием страны. В программе содержалось некое послание, которое должно было стать наиболее важным для партии социал-демократов. Технический прогресс не приходит сам по себе, нужна активная поддержка процесса развития со стороны государства. В то же время развитие технологий должно быть принято в качестве предлога для дальнейшего вмешательства государства в этот процесс.

В ретроспективе легко увидеть 1950-е годы как период, когда социал-демократы стремились занять позиции в направлении сильного государства благосостояния. Больших успехов они сумели добиться в разработке в конце 1950-х годов пенсионной реформы (АТР-refofmen), которая стала одной из самых успешных проектов социал-демократической партии Швеции. Но, как отмечали Б. Строт (B. Stråth) и Т. Эрландер, это едва ли была идеологическая политика, характерная для

партии в то время. Назвать того, кто первым предложил использовать в качестве рычага пенсионный вопрос, сейчас вряд ли возможно [13, с. 35]. Однако Пальме был среди тех, кто понимал механизм пенсионной реформы.

Итак, можно констатировать, что социал-демократическая партия в 50-е годы XX века на практике не имела собственной политики. Например, соратник Пальме по партии Р. Полссон (R. Pålssons) говорил: «Мы с надеждой ждали, что после войны социализм окажется единственной и очевидной альтернативой, но через несколько лет после начала холодной войны его программы и лозунги были приостановлены» [14, с. 9].

Критика «плановой экономики» и «скрытой национализации» исходила от народной партии и правых, когда правительство Швеции приняло решение об увеличении налогов и более активном, чем ранее, вмешательстве в инвестиционное управление.

Следует отметить, что с 1951 по 1957 год социал-демократы были в коалиции с аграрным союзом – партией с буржуазными ценностями, главным критерием которой являлась бережливость, а не экономическая экспансия. В тот период буржуазные партии, находившиеся в парламенте, противились росту общественного сектора. Возможность окончания правления социал-демократов видели не только буржуазные партии. «Если бы Олин (Ohlin) и Яльмарсон (Hjalmarson) имели хоть какую-то политическую ловкость и умение рассуждать, они смогли бы взять власть в течение года», – писал Эрландер в своем дневнике после выборов 1956 года [12, с. 149].

Объединение буржуазных партий вызывало обеспокоенность у социал-демократов, так как оно происходило в то время, когда экономика Швеции была на подъеме.

При анализе парламентских выборов 1956 года Пальме и Эрландер отмечали, что партия имела успех среди рабочих. Но этого оказалось недостаточно, «чтобы сохранить доминирующее положение в шведской политике».

Буржуазные партии выявили причины поражения социал-демократов в 1956 году. Социализм и социалистические идеи потеряли свою полезность. Лидер народной партии Б. Олин писал: «Это был последний шанс для „социалистической Швеции“. Стандарты поднимаются, люди становятся „буржуазными“».

Налоги становятся осязаемыми для всех. Возрастает уровень образования. Интерес к социализму стихает».

Молодой социолог и будущий шеф Шведского института исследования общественного мнения (Svenska institutet för opinionsundersökningar) Х. Цеттерберг (H. Zetterberg) подкрепил это высказывание жесткими научными фактами: «Чиновники, которые приходят из рабочего класса, голосуют за социал-демократов, если они живут примерно как прежде; но если они живут как средний класс и накопили денег на автомобиль или яхту, то они голосуют за буржуазию».

Надо отметить, что вопрос о роли государства был одним из самых обсуждаемых в 1950-е годы. По мнению социал-демократов, усиление государства неизбежно приведет к социализму и распаду демократии. Они никогда не говорили серьезно о послевоенной национализации и систематически проводили либерализацию экономики и рынка. Тем не менее бизнес-сообщество и оппозиция не были удовлетворены действиями социал-демократов, они считали, что дерегулирование идет слиш-

ком медленно, и обвиняли правительство в попытке тайной национализации [15].

Отправной точкой для социал-демократов в 1950-е годы стала политика заработной платы, способствующая экономической эффективности промышленного производства. Другая часть этой модели — налоговая политика. Профсоюзное движение приняло высокие налоги относительно спокойно, считая их эффективным способом борьбы с инфляцией. Между тем высокие налоговые поступления означали возможность проведения социальных реформ. Для шведской системы социального страхования были выбраны государственное финансирование, управление и распределение. В 1955 году была проведена комплексная реформа медицинского страхования. В 1959 году изменения коснулись также пенсионной системы. Пенсионная реформа дала государству еще один важный инструмент управления — пенсионные фонды стали играть важную роль для государственных инвестиций в течение следующего десятилетия. Шведская модель государства всеобщего благосостояния доказала свою эффективность в управлении экономикой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schön L. En modern svensk ekonomisk historia. Stockholm: SNS, 2000.
2. Hobsbawm E. Ytterligheternas tidseålder. Stockholm: Raben/Prisma, 1997.
3. Thörnqvist C. Arbetarna lämnar fabriken: strejkrörelser i Sverige under efterkrigstiden, deras bakgrund, förlopp och följder / Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg. Göteborg, 1994.
4. Ekdahl L. Mot en tredje väg. Lund: Arkiv förlag : A-Z förlag, 2005.
5. Uddhammar E. Partierna och den stora staten: en analys av statsteorier och svensk politik under 1900-talet. Stockholm: City Univ. Press, 1993.
6. Sigurdson O. Den lyckliga filosofin: etik och politik hos Hägerström. Tingsten, makarna Myrdal och Hedenius, B. Östlings bokförl. Symposium, Eslöv, 2000.
7. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora: Gidlunds förlag, 2002.
8. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora: Gidlunds förlag, 2003.
9. Erlander T. Dagböcker 1954. Hedemora: Gidlunds förlag, 2004.
10. Erlander T. Dagböcker 1955. Hedemora: Gidlunds förlag, 2005.
11. Assar Lindbäck och Olof Palme. Reformpolitik vid skiljevägen // Tiden. URL: <http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/tiden-1955-3-reformpolitik-vid-skiljevagen.pdf> (дата обращения: 13.02.2015).
12. Erlander T. Tage Erlander 1949–1954. Stockholm: Utgiven av Tidens förlag, 1974.
13. Stråth B. Mellan två fonder: LO och den svenska modellen. Stockholm: Atlas, 1998.
14. Pålsson R. Inför 60-talet: debattbok om socialismens framtid. Stockholm: Raben & Sjögren, 1959.
15. Nationalencyklopedin. “Avreglering”. URL: <http://www.ne.se/artikel/121421> (дата обращения: 15.02.2015).

ГУЛЯКИН Святослав Сергеевич — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

S.S. Gulyakin

POLITICS OF SWEDEN IN THE 1950S

The article presents the characteristics of the social and political reforms in Sweden in the 1950s. This article analyzes the “Nordic model” in Sweden from the point of functioning of labor relations (Saltsjöbadsandan), political system where all relevant groups play an important role (Harpundsdemokrati), and the welfare state (Folkhemmet). Special attention is paid to the activities of the outstanding politician Swedish Prime Minister Tage Erlander. The author issues activities of the personal secretary Olof Palme.

“NORDIC MODEL”; SOCIAL DEMOCRATIC PARTY; BOURGEOISIE; PLANNED ECONOMY; PARLIAMENTARY ELECTIONS; REFORMS; TAGE ERLANDER; OLOF PALME.

REFERENCES

1. Schön L. En modern svensk ekonomisk historia. Stockholm, SNS, 2000.
2. Hobsbawm E. Ytterligheternas tidseålder. Stockholm, Raben/Prisma, 1997.
3. Thörnqvist C. Arbetarna lämnar fabriken: strejkrörelser i Sverige under efterkrigstiden, deras bakgrund, förlopp och följder. Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg. Göteborg, 1994.
4. Ekdahl L. Mot en tredje väg. Lund, Arkiv förlag/A-Z förlag, 2005.
5. Uddhammar E. Partierna och den stora staten: en analys av statsteorier och svensk politik under 1900-talet. Stockholm, City Univ. Press, 1993.
6. Sigurdson O. Den lyckliga filosofin: etik och politik hos Hägerström. Tingsten, makarna Myrdal och Hedenius, B. Östlings bokförl. Symposion, Eslöv, 2000.
7. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora, Gidlunds förlag, 2002.
8. Erlander T. Dagböcker 1952. Hedemora, Gidlunds förlag, 2003.
9. Erlander T. Dagböcker 1954. Hedemora, Gidlunds förlag, 2004.
10. Erlander T. Dagböcker 1955. Hedemora, Gidlunds förlag, 2005.
11. Assar Lindbäck och Olof Palme. Reformpolitik vid skiljevägen. *Tiden*. Available at: <http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/tiden-1955-3-reformpolitik-vid-skiljevagen.pdf> (accessed 13.02.2015).
12. Erlander T. Tage Erlander 1949–1954. Stockholm, Utgiven av Tidens förlag, 1974.
13. Stråth B. Mellan två fonder: LO och den svenska modellen. Stockholm, Atlas, 1998.
14. Pålsson R. Inför 60-talet: debattbok om socialismens framtid. Stockholm, Raben & Sjögren, 1959.
15. Nationalencyklopedin. “Avreglering”. Available at: <http://www.ne.se/artikel/121421> (accessed 15.02.2015).

GULYAKIN Svyatoslav S. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: fortunat.kermak@rambler.ru

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

В статье анализируется деятельность Шанхайской организации сотрудничества – постоянно действующей межправительственной региональной международной организации. В ее состав входят восемь государств: Индия, Казахстан, Киргизия, КНР, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Исследуются основополагающие документы: Декларация о создании ШОС и Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Рассмотрены основные цели деятельности организации: укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами; содействие стран их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды и др.; совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе; продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС); ИНДИЯ; КАЗАХСТАН; КИТАЙ; КИРГИЗИЯ; ПАКИСТАН; РОССИЯ; ТАДЖИКИСТАН; УЗБЕКИСТАН; ДЕКЛАРАЦИЯ О СОЗДАНИИ ШОС; ХАРТИЯ ШОС.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная 15 июня 2001 года, является постоянно действующей межправительственной региональной международной организацией. В нее входят восемь государств-членов: Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Общая территория стран – участниц ШОС составляет 60 % территории Евразии, на ней проживает вторая часть населения земли – 3 млрд 40 млн человек [1]. Официальными рабочими языками являются русский и китайский. Штаб-квартира организации находится в Пекине.

Кроме государств – членов организации, в ШОС входят четыре государства-наблюдателя (Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия), три кандидата в государства-наблюдатели (Бангладеш, Египет, Сирия) и шесть государств со статусом «партнер по диалогу» (Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка). К государствам-наблюдателям относятся государства, которые активно поддерживают деятельность организации и стремятся стать ее полноправными членами. Монголия стала первой страной, получившей этот статус (на саммите в Ташкенте

в 2004 году) [2]. Партнер по диалогу – это государство, не входящее в регион, но имеющее возможность принимать участие в саммитах организации. Ранее других этот статус получили Шри-Ланка и Белоруссия (на саммите в Екатеринбурге в 2009 году) [3].

Для комплексной оценки ШОС как региональной организации необходимо рассмотреть ее основополагающие документы – Декларацию о создании ШОС, подписанную в 2001 году в Шанхае, и Хартию Шанхайской организации сотрудничества, принятую в 2002 году в Санкт-Петербурге [1]. В них провозглашены основные цели деятельности организации:

1) укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами;

2) содействие стран их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды и др.;

3) совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе;

4) продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового

международного политического и экономического порядка.

За более чем четырнадцатилетний период существования ШОС стала эффективной площадкой равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между странами-участницами, объединенными общими стремлениями к обеспечению мира и стабильности в регионе. ШОС – это не замкнутый альянс и не союз стран, направленный против других государств и регионов, а открытая организация, ориентированная на широкое международное сотрудничество.

Страны ШОС строят свои отношения в рамках многополярной системы международных отношений и считают, что миропорядок в XXI веке должен базироваться на коллективном решении ключевых проблем, верховенстве права и демократизации международных отношений [1]. Вопросы, определяющие региональную безопасность стран – участниц организации, нашли отражение в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, т. е. с резкой активизацией дестабилизирующих сил в регионе – «трех сил» [4, с. 119].

Наряду с борьбой с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом приоритетным направлением деятельности организации является обеспечение устойчивого и сбалансированного экономического роста, социального и культурного развития в регионе на основе равноправного партнерства. Основопологающим в экономическом сотрудничестве стран организации является объединение усилий по повышению уровня жизни народов. Важнейшими направлениями выступают осуществление крупных инвестиционных проектов и формирование единого энергетического рынка в рамках ШОС. По оценкам Международного энергетического агентства, рост потребления нефти в странах Азиатско-Тихоокеанского региона до 2025 года будет на четверть опережать общемировую, а спрос на газ – превышать в 1,8 раза [5]. Важнейшим залогом успеха ШОС является мощная экономика, огромный природно-ресурсный потенциал стран-участниц и объем взаимного инвестирования. В 2006 году в рамках регионального сотрудничества было реализовано инвестиционных проектов на общую сумму около 734 млн долларов [6].

Энергетическая промышленность и экспорт продуктов энергетики занимают важное место в развитии национальных экономик России, Казахстана и Узбекистана. Китай выступает крупным импортером, представляя собой огромный рынок. По последним данным, разведанные запасы нефти в КНР составляют 24,8 млрд тонн, природного газа – 4,4 трлн кубометров, угля – более 1 трлн тонн [7]. Хотя в стране обеспечен устойчивый рост их добычи, это не уменьшит потребность в импорте большого количества энергоресурсов. А Россия и Центральная Азия являются важными их источниками.

Перспективные возможности для экономического сотрудничества в регионе и расширения интеграционных процессов связываются с привлечением наблюдателей при ШОС. Важно обеспечить участие государств-наблюдателей в экономических программах и проектах организации на основе их собственных инициатив. В организации активно прорабатывают подходы к налаживанию практического взаимодействия с наблюдателями в сфере экономики, исходя из их встречного интереса. В этом отношении следует обратить внимание на взаимное стремление к сотрудничеству ШОС и Ирана, рассматриваемого в качестве влиятельного политического игрока в данном регионе и, несомненно, энергетической сверхдержавы [8]. С другой стороны, Иран стремится заручиться поддержкой влиятельной международной организации для решения своих международных вопросов.

Энергетическая отрасль стала очень важной для развития ШОС, потому что в ней участвуют крупнейшие производители энергоресурсов. Энергетическое взаимодействие в рамках этой организации выгодно всем. России оно дает возможность более эффективно использовать свою инфраструктуру, ресурсные и технологические преимущества, а Казахстану, Узбекистану и иным странам, располагающим энергоресурсами, – средства, технологии и рынки других государств. Китаю это позволит увеличить импорт нефти и газа из соседних стран и тем самым диверсифицировать каналы импорта, остальным участникам ШОС – ускорить экономическое развитие и решение острых социальных проблем. Как представляется, целесообразно именно энергетику использовать как источник развития всего региона.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что ШОС по территории своего влияния – крупнейшая региональная организация в мире. Приоритетной задачей стран – участниц ШОС является решение широкого спектра проблем: от обеспечения безопасности границ и борьбы с терроризмом в регионе до укрепления экономического сотрудничества не только между странами Центральной Азии, но и с другими международными региональными организациями.

Наблюдается усиление политического и экономического влияния ШОС за пределами региона. Страны Центрального региона активно привлекаются в качестве партнеров по политическим и экономическим вопросам. Необходимо отметить стремление ШОС к обеспечению равноправного диалога с международными организациями и входящими в них странами. ШОС можно по праву назвать влиятельной региональной организацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Электронный ресурс. Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.sectSCO.org/RU/brief.asp>.
2. **Досье** о ШОС с 1996 года. Саммит в Ташкенте. URL: <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm>.
3. **Екатеринбургский** саммит в 2009. URL: <http://www.shos2009welcome.ru/>.
4. **Комиссина И.Н., Куртов А.А.** Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. Е.М. Кожокина. М.: Изд-во РИСИ, 2005. 117 с.
5. **Деловой совет ШОС.** Энергетический клуб ШОС: каким ему быть? URL: <http://bc-sco.org/?level=8&id=29&lng=ru>.
6. **Сумма** инвестиционных проектов. URL: <http://infoshos.ru/ru/print.php?idn=5227>.
7. **Инфо ШОС.** URL: <http://infoshos.ru/ru/print.php?idn=5227>.
8. Электронный ресурс. URL: <http://wapedia.mobi/ru/Иран?t=8>.

ЧЖОУ Цзюнь – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

Zhou Jun

SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: HISTORY

The article analyzes the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The organization is a permanent intergovernmental international organization of regional it is composed of 6 states Kazakhstan, China, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan and Uzbekistan. We study the basic documents: “Declaration on the establishment of the SCO” and “Hartiya the Shanghai Cooperation Organization”. The main purpose of the organization: strengthening mutual trust and good neighborly relations between the member countries; assist countries in their effective cooperation in political, trade-economic, scientific-technical and cultural spheres, as well as in education, energy, transport, tourism, environmental protection and others; joint security and the maintenance of peace, security and stability in the region; progress towards a democratic, just and rational new international political and economic order.

THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO); KAZAKHSTAN; CHINA; KYRGYZSTAN; RUSSIA; TAJIKISTAN; UZBEKISTAN; THE DECLARATION ON THE ESTABLISHMENT OF THE SCO; HARTIYA SCO.

REFERENCES

1. Electronic resource. Ofitsialnyy sayt Shankhayskoy Organizatsii Sotrudnichestva. Available at: <http://www.sectsko.org/RU/brief.asp>.
2. Dosye o ShOS s 1996 goda. Sammit v Tashkente. Available at: <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm>.
3. Yekaterinburgskiy sammit v 2009. Available at: <http://www.shos2009welcome.ru/>.
4. Komissina I.N., Kurtov A.A. Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: stanovleniye novoy real'nosti. Moscow, RISI Publ., 2005. 117 p. (In Russ.)
5. Delovoy sovet ShOS. Energeticheskiy klub ShOS: kakim yemu byt'? Available at: <http://bc-sco.org/?level=8&id=29&lng=ru>.
6. Summa investitsionnykh proyektov. Available at: <http://infoshos.ru/ru/print.php?idn=5227>.
7. Info ShOS. Available at: <http://infoshos.ru/ru/print.php?idn=5227>.
8. Electronic resource. Available at: <http://wapedia.mobi/ru/Iran?t=8>.

ZHOU Jun – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В ИНДИИ

В статье рассмотрен многовековой опыт взаимодействия Индии с путешественниками из различных регионов Европы и Азии. Анализ исторического материала по путешествиям в Индию и развитию въездного туризма в стране позволяет выделить три крупных исторических этапа этой деятельности: доколониальный, колониальный и современный. Выявлены и рассмотрены основные специфические особенности путешествий в Индию в каждом из этих периодов. Проанализировано состояние туристской отрасли Индии на современном этапе, выявлено место страны в современной мировой индустрии туризма, а также причины ограниченного интереса иностранных туристов к этой хорошо обеспеченной туристскими ресурсами стране (в 2013 году Индия занимала всего лишь 42-е место в списке наиболее посещаемых иностранными туристами стран).

ИНДИЯ; ТУРИЗМ; ПУТЕШЕСТВИЯ; ГЕОГРАФИЯ ТУРИЗМА; ИСТОРИЯ ТУРИЗМА; ТУРИСТСКАЯ ИНДУСТРИЯ.

Одним из важнейших условий возникновения современной туристской индустрии Индии является длительный опыт взаимодействия страны с путешественниками из разных регионов Европы и Азии, стремившимися на полуостров Индостан с различными целями. Исторический опыт организации туристских поездок закладывался в период правления в Индии британской колониальной администрации, в особенности с приходом в страну английских туристских компаний. Этот опыт стал немаловажной исторической предпосылкой становления индийской национальной туристской индустрии и ее интеграции в международное сообщество в период независимого развития страны.

В целом можно утверждать, что въездной туризм в Индии имеет многовековую историю. Анализ исторического материала по путешествиям в Индию и развитию в ней въездного туризма позволяет выделить три крупных исторических этапа: доколониальный, колониальный и современный.

Доколониальный этап (до XVII в.). Исходя из современного, достаточно широкого, определения слова «туризм», принятого Всемирной туристской организацией (UNWTO), можно с полным основанием говорить о том, что въездной туризм на территории современной Индии имеет давнюю историю — не менее 25 веков.

В древнеиндийских литературных источниках — «Ригведе», «Атхарваведе», упанишадах, а также в эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна» — есть множество описаний торговых путей и религиозных маршрутов, рассказывается о посетителях страны, большинство из которых приобрели мифологический образ.

С древних времен в эту экзотическую страну стремились путешественники из Европы, стран Ближнего Востока, Центральной Азии и других регионов мира. Такие поездки всегда являлись важной составляющей межкультурного общения и оказывали большое воздействие на социально-культурную жизнь и традиции Индии, иногда влекли за собой политические изменения. Вслед за путешественниками и купцами, используя их маршруты, на полуостров часто проникали миссионеры и завоеватели.

В древности маршруты путешественников, направлявшихся в Индию, пролегли либо по суше, либо по морю. Основной сухопутный путь в нее из Европы и Центральной Азии лежал через Хайберский проход в горном хребте Сафедкох, расположенный на территории современного Пакистана, рядом с афганской границей. Именно этим путем пришли в Индию арии, позднее — армии Александра Македонского и завоевателей-мусульман. Этот же маршрут соединял Индию с Великим шелковым путем.

Важнейший морской торговый путь древности пролегал через Аравийское и Красное моря и далее по суше либо на запад в Египет, либо на север к средиземноморским портам Сидон, Тир и Александрия. Другим важным морским путем из Древней Индии было направление в Юго-Восточную Азию.

Самое раннее сообщение между полуостровом Индостан и Египтом относят к периоду существования Хараппской цивилизации (III–II тыс. до н. э.). На это указывают многие археологические находки, как в долине Инда, так и в Египте. Одно из первых путешествий по Индии, упоминаемых историками древности, совершил в VI в. до н. э. греческий мореплаватель и географ Скилак Кариандский. По приказу Дария I он прошел вниз по реке Инд и далее к Персидскому заливу. Сочинения Скилака до нас не дошли, однако на них ссылаются Гекатей и Геродот.

В дальнейшем важным толчком к развитию широких торговых и культурных связей в Азии стал поход в Индию Александра Македонского (IV в. до н. э.). Египет периода династии Птолемея имел прямое сообщение с империей Ашоки (III в. до н. э.), что нашло отражение в ряде источников, в том числе в одном из дошедших до нашего времени эдиктов индийского императора. Также важным свидетельством сообщения Европы с Индией являются выдержки из труда «Индика» древнегреческого путешественника Мегасфена, во второй половине III в. до н. э. по поручению Селевка I Никатора посетившего с дипломатическим заданием город Паталипутра (в настоящее время – город Патна в штате Бихар), столицу империи Чандрагупты.

Торговля с Индией в тот период осуществлялась преимущественно по морю через порт Миос Хормос на египетском побережье Красного моря [1, с. 37]. В исторических источниках, в том числе и у греческого историка и географа Страбона, указывается на наличие морских торговых путей в Индию. Ко II в. до н. э. морское сообщение между Египтом и Индостаном было достаточно регулярным.

Наибольшего расцвета культурные и торговые связи Средиземноморья и Индии достигли в начале нашей эры. Важным толчком к развитию сообщения с Индией по морю стало открытие в середине I в. н. э. такого природного явления, как муссоны. Учет направления и

регулярности смены ветров в Индийском океане в течение года позволил морякам не прибегать к обычному в те времена прибрежному плаванию, а пересекать Аравийское море по прямой линии. Это сделало путешествия более безопасными и быстрыми. По свидетельствам источников, до открытия муссонов из Египта в Индию отплывало не более 20 кораблей в год, после открытия – по меньшей мере один в день (очевидно, что в благоприятный для путешествий период года) [2, с. 18]. Существовал даже составленный в конце I в. н. э. путеводитель на греческом языке – «Перипл Эритрейского моря», описывающий возможные пути в Индию и дающий ценную информацию о портах западного побережья полуострова Индостан.

Развитию морского транспортного сообщения между Европой и полуостровом Индостан значительно способствовали торговые интересы Римской империи, где предметы роскоши, пряности, экзотические животные и другие товары, привозимые с Востока, были очень востребованы. В обмен в Индию поступало в первую очередь золото. Помимо торговцев в страну приезжали и, возможно, поселялись в ней специалисты в военном деле и строительстве. В ранней тамильской литературе встречаются упоминания о «яванах» – выходцах из западного мира, служивших при дворах местных правителей. Свидетельством посещения Индии путешественниками могут быть также римские монеты, найденные во множестве в разных частях страны. С падением Римской империи связи Индии с Западом пришли в упадок [3].

Усиление влияния буддизма в Азии значительно способствовало развитию торговых путей и укреплению связей Индии с Аравией, Месопотамией, Египтом. Ко II в. эта религия распространилась на Шри-Ланке, на части полуострова Индокитай, в Центральной Азии, а на западе – вплоть до территории современной Сирии [4, с. 321]. В последующие века буддизм стал государственной религией ряда крупных государственных образований, и деятельность буддийских монахов стала важным фактором межкультурного взаимодействия в регионе. Также примерно ко II в. относится начало проникновения буддизма в Китай и Тибет. Укреплялись торговые, культурные и политические связи. В последующие века процветания буддизма на территорию Индии, в места, где

зародилась эта религия, пришло множество паломников и ученых-монахов из различных регионов Азии.

Буддизм значительно повлиял на традиции индийского общества, в частности способствовал в тот период «открытию» страны внешнему миру. Древний индуизм (брахманизм) запрещал дальние поездки за пределы полуострова, особенно это касалось представителей самого высокого сословия — брахманов, а пришельцы извне рассматривались как неприкасаемые. Буддизм же отрицает деление людей на касты, поощряет веротерпимость и контакты с другими народами. Эта перемена мировоззрения (в том числе и у последователей индуизма) значительно укрепила связи государств, расположенных на полуострове Индостан, с внешним миром и способствовала их колониальной политике в отношении островов Малайского архипелага и ряда территорий в Юго-Восточной Азии в I в. н. э. Причем впоследствии, с ослаблением буддизма и возрождением индуизма и, особенно, с началом нашествий завоевателей-мусульман в XI в., в индийское общество начинает возвращаться представление о том, что путешествия в заморские страны оскверняют представителей высших каст. Традиции мореходства, давшие в свое время возможность основать колонии от Сокотры до Калимантана, были практически утрачены, и индийцы превратились в сухопутную нацию [3].

Самые ранние контакты Индии с Юго-Восточной Азией, Южным Китаем и Малайским архипелагом относятся по меньшей мере к III в. до н. э., к периоду существования на полуострове Индостан крупной империи династии Маурья. Из-за труднопроходимого горного рельефа местности на полуострове Индокитай торговых путей на суше здесь практически не было, большинство из них пролегало по морю. С I в. н. э. в Юго-Восточной Азии возникают индийские колонии, а в последующие века — индуизированные государственные образования. Торговые и культурные связи между ними и Индией в течение последующих веков были стабильны, а после падения Римской империи Индокитай и Малайский архипелаг стали важнейшим направлением интересов государственных образований, располагавшихся на территории полуострова Индостан. Колонисты-индийцы оказали значительное влияние на

развитие культуры и государственности в этой части Азии. Очевидно, что при столь развитых связях с Юго-Восточной Азией Индию постоянно посещали путешественники, паломники и купцы из этого региона [5, с. 140].

Самая массовая категория посетителей Индии в древние времена — религиозные паломники (индуисты и буддисты). Последователи индуизма приезжали в первую очередь из Юго-Восточной Азии и направлялись в северные районы — к Гангу, священным местам и храмовым комплексам Варанаси, Харидвара, Ганготри, Матхуры, Удджайна, Чампы и т. д. Паломников-буддистов из Тибета, Юго-Восточной и Центральной Азии привлекали важнейшие буддийские святыни, связанные с жизнью и учением Будды и его последователей, — Сарнатх, Бодхгая, Раджагриху, Вайшали, Каушамби, а также университеты, многочисленные монастыри и многие другие места, расположенные преимущественно на севере Индии и в центре полуострова Индостан. До нашего времени дошли и некоторые литературные источники, подтверждающие посещение Индии монахами-буддистами из Китая. Наиболее известны труды и деятельность китайских монахов Фа Сяня (начало V в.), Сюаньцзяня и Ицзиня (VII в.), а также корейского монаха Хе Чхо (VIII в.).

Первые мусульманские посетители Индии стали прибывать в регион в VII в. Это были завоеватели и торговцы, приплывавшие из Аравии на западное побережье полуострова. В дальнейшем, начиная с X в., экспансия проходила по суше, со стороны Средней Азии. С распространением ислама на территории полуострова Индостан и появлением мусульманских святынь Индию стали посещать проповедники и паломники из арабского мира и стран Центральной Азии.

Христианские паломники также стремились посетить Индию, особенно после «открытия» европейцами древних христианских традиций региона. Главным объектом почитания являлось предполагаемое место погребения апостола Фомы, ныне расположенное в кафедральном соборе города Ченнаи (Мадрас).

В Средние века помимо купцов Индию посещали христианские миссионеры из европейских стран и путешественники-ученые из Центральной Азии. Некоторые из них оставили после себя труды, рассказывающие о путях

в Индию и содержащие много интересной информации о самой стране.

Причем мы располагаем сведениями лишь о путешественниках известных или же оставивших записи о своих поездках. Очевидно, что существовало также большое количество неизвестных людей, побывавших в Индии и не сохранивших свидетельств об этом.

Одним из первых арабских путешественников-ученых, посетивших Индию, был историк и географ Якуби. Он странствовал по региону во второй половине IX в. и оставил после себя сочинения, содержащие сведения по географии Азии.

Великий ученый Аль-Бируни из Хорезма в первой половине XI в. посетил страну и составил фундаментальный труд «Индия», в котором описал верования, искусства, науки, социальное и государственное устройство индийского общества.

Самым известным путешественником, побывавшим в Индии, является итальянский купец Марко Поло. На обратном пути из Китая в Европу через Индийский океан примерно в 1294 г. он посетил несколько мест на западном побережье полуострова Индостан и в своей знаменитой «Книге о разнообразии мира» дал описание региона.

Величайший арабский путешественник и купец Ибн Баттута в первой половине XIV в. по суше через Центральную Азию прибыл в Индию и провел там восемь лет при дворе султана Мухаммеда ибн Туглака. В книге «Подарок созерцающим о диковинках городов и о чудесах путешествий» Ибн Баттута описал свои странствования, в том числе и по Индии.

Среди множества европейских путешественников, посетивших Индию в XIV–XVI вв. и оставивших документальные свидетельства, можно отметить португальских мореплавателей Перо да Ковильяна и Васко да Гама, венецианского купца Никколо Конти, русского купца Афанасия Никитина, китайского флотоводца и исследователя Чжэн Хэ. Среди миссионеров наиболее известны католический монах Одорико Порденоне и монах ордена иезуитов Антони де Монсеррат [5, с. 142].

Колониальный этап (XVII в. – первая половина XX в.). Колониальный период, примерно хронологически совпадающий с колониальным правлением в регионе Португалии,

Нидерландов, Франции и прежде всего Великобритании, характеризуется увеличением числа посетителей Индии. Благодаря развитию морских транспортных путей сообщения регион стал более доступен. Индию посещали самостоятельные путешественники и ученые из многих стран, вели активную деятельность миссионеры, приезжало множество гражданских специалистов, рабочих, солдат, офицеров колониальных стран, а также членов их семей. Увеличилось количество посетителей Индии, прибывающих в страну с коммерческими и религиозными целями.

В XVII–XX вв. большинство посетителей Индии составляли англичане. Среди них наиболее известными исследователями-географами и историками региона были К. Маккензи, Дж. Реннелл, Ч. Рейнолдс, Дж. Эверест, В. Ламбтон, А. Каннингем. Большинство из них были служащими британской колониальной администрации и изучали страну по ее заданию.

Среди посетителей Индии в XVIII–XIX вв. были и россияне. Следует отметить русского путешественника, музыканта и первого русского индолога Герасима Лебедева, пробовавшего в Индии с 1785 по 1797 г. В XVIII в. ее посещали некоторые русские военные, например (еще до кругосветного путешествия) И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский, проходившие практику на английском флоте. В Индии побывали художник В.В. Верещагин, географ А.И. Воейков, индолог И.П. Минаев, врач Д.К. Заболотный. Цесаревич Николай со свитой посетил эту страну во время своего путешествия по странам Востока. С 11 по 31 декабря 1890 г. он совершил длительную поездку по маршруту Бомбей – Агра – Лахор – Амритсар – Бенарес (Варанаси) – Калькутта – Бомбей – Мадрас [6].

Интересным фактом является то, что путешествия в Индию россиян в XIX в. не были делом только высших слоев общества. Примером тому может служить длительное странствие крепостного крестьянина Рязанской губернии Д.И. Цикулина, посетившего некоторые районы Индии и опубликовавшего после возвращения свои «Необыкновенные похождения и путешествия...» [7].

Существуют литературные свидетельства о поездках других малоизвестных путешественников. Также есть свидетельства посещения России выходцами из Индии.

К середине XIX в. Индия становится вполне доступным туристским объектом. К этому времени страна была уже достаточно хорошо изучена, морское сообщение с ней было регулярным и достаточно удобным, внутри самой страны хорошее развитие получил железнодорожный транспорт. Открытие Суэцкого канала для судоходства в 1869 г. имело важное значение для сокращения времени, затрачиваемого на путь в Южную Азию. Индию начинают посещать группы туристов и индивидуальные путешественники-экскурсанты, преимущественно из Европы. В конце XIX в. возникают первые туристские компании, организующие поездки в эту страну. Вероятно, первой организованной группой туристов в Индии можно считать путешественников, посетивших страну в рамках кругосветного турне, которое в 1872 г. организовало агентство Т. Кука.

Европейских туристов в то время привлекали в первую очередь историко-культурные достопримечательности и охота на экзотических для европейцев животных.

В конце XIX в. подконтрольная английской администрации Индия становится одним из наиболее привлекательных с туристской точки зрения мест во всей Британской империи. Из Европы в Индию едет множество индивидуальных путешественников, в том числе ученых, деятелей искусств, политических деятелей.

В XIX в. появляются путеводители, посвященные Индии. Первый справочник, ориентированный на европейцев, — «Путеводитель по Восточной Индии» составил и опубликовал в 1810 г. писатель и капитан британской колониальной армии Т. Виллиамсон. Во второй половине XIX в. одним из важнейших подобных изданий для путешественников стала серия «путеводителей Мюррея», написанных британским ученым и политиком Э. Иствиком и посвященных Мадрасу, Бомбею (опубликованы в 1859 г.), Бенгалии (1882), Пенджабу и Северо-Западной пограничной провинции (1883) и всей Индии (1892). В дальнейшем, в начале XX в., важное значение для посетителей Индии имели справочники, выпускавшиеся агентством Т. Кука.

В первой половине XX в. туризм в странах Южной Азии, и в том числе в Индии, не получил серьезного развития. Политическая нестабильность в мире (две мировые войны) и регионе, национально-освободительное движение

в нем ограничивали возможность путешествий. Индия продолжала оставаться одной из колоний Великобритании, и для ее посещения требовалось специальное разрешение, получить которое в нестабильное время зачастую было очень непросто. В то время на территории страны начали развиваться некоторые экстремальные и специальные виды туризма, популярные в настоящее время, — альпинизм, пляжный и лечебный туризм. Важными объектами туризма стали возникавшие в различных районах Индии заповедники и национальные парки [8].

Меры к развитию туризма в Индии на заказе своего правления в регионе предпринимали англичане. В 1946 г. под началом руководителя департамента образования Дж. Сергента была создана комиссия для изучения вопроса перспектив туризма в Индии. В своих рекомендациях комиссия предлагала принять меры для развития туристской инфраструктуры и продвижения в мире рекламы страны в качестве объекта туризма [9].

Современный этап (со второй половины XX в.). После обретения Индией независимости в 1947 г. новое правительство почти сразу стало уделять внимание развитию туристской отрасли. В 1949 г. в структуре министерства транспорта Индии был организован отдел туризма, преобразованный в 1958 г. в департамент туризма.

Начиная со второго пятилетнего плана развития Индии (1956–1961) в стране реализуются программы и проекты по поддержке и развитию туристской отрасли. Осуществляются программы развития как въездного, так и внутреннего туризма на государственном уровне, на уровне штатов, союзных территорий и в ряде городов и районов штатов. Создаются благоприятные условия для развития туристской инфраструктуры, организуются специальные учебные заведения, занимающиеся подготовкой кадров для отрасли [10, с. 16].

В 1966 г. правительство Индии реорганизовало государственную систему управления туристской отраслью и создало корпорацию по развитию туризма в Индии и министерство туризма и гражданской авиации. В то же время на уровне правительств штатов и союзных территорий были учреждены министерства и ведомства, отвечавшие за развитие въездного туризма в регионах. При этом корпорациям по развитию туризма в штатах предписывалось не только за-

ниматься координацией развития отрасли, но и непосредственно участвовать в транспортном и гостиничном обслуживании туристов – создавались государственные транспортные компании и отели. Менее успешно шло развитие частных туристских компаний.

В начале 1990-х гг. Индия приступила к экономическим реформам. Развитие въездного туризма и увеличение доходов от него стали одной из приоритетных задач правительства страны. В 1992 г. была принята государственная программа действий в сфере туризма. В ней предусматривались значительные меры по развитию инфраструктуры, привлечению инвестиций, расширялись возможности частных и иностранных туристских компаний. Одним из аспектов программы стали реставрация и переоборудование в отели многих дворцов и фортов страны.

Формированию массового туризма в Индии в большой степени способствовало развитие в мире в 1950-е гг. авиационного транспорта. Значительная удаленность страны от Европы и других регионов – поставщиков туристов всегда затрудняла ее посещение. Регулярное авиационное сообщение предоставило возможность туристам из всех частей света не только совершать поездки непосредственно в Индию, но и делать ее частью большого путешествия.

Первые два десятилетия после обретения Индией независимости не были отмечены существенным притоком в нее иностранных туристов. И лишь в 1970-х гг. в связи с ростом международного авторитета страны, известности ее природного и историко-культурного наследия, а также развитием международных путей сообщения и прогрессом туристской инфраструктуры Индии возможность посещать эту страну получили не только состоятельные туристы, но и люди со средним достатком.

Во второй половине XX в. въездной туризм в Индии стремительно развивался, и экономические успехи страны создали предпосылки для дальнейшего развития этой сферы. К настоящему времени в целом туристская отрасль Индии сформировалась и успешно функционирует и развивается при поддержке правительства страны и правительств штатов и союзных территорий.

При успешном развитии туристской инфраструктуры и благоприятной конъюнктуры на

мировом рынке Индия как объект въездного туризма в ближайшем будущем может войти в число наиболее привлекательных и посещаемых стран Азии. Пока же в мировом рейтинге популярности у иностранных туристов Индия занимает очень скромное место. По оценкам специалистов Всемирной туристской организации, в 2013 г. общее количество туристов в мире составило 1,09 млрд человек. Лидером по числу въездных туристов была Франция (84,7 млн человек), на втором месте США (69,8 млн человек), на третьем – Испания (60,7 млн) [11, с. 6]. Количество туристов, посещающих Индию, на порядок меньше числа иностранных посетителей стран – лидеров туристской индустрии: в 2013 г. около 7 млн человек, что составляет 0,64 % от общемирового количества международных туристов. Примерно такое же число туристов ежегодно посещает Болгарию. Опережают Индию в этом отношении и некоторые азиатские страны (КНР, Таиланд, Малайзия, Индонезия и даже Сингапур и Вьетнам). В Китай, являющийся лидером туристской индустрии в Азии, туристов прибывает в 8 раз больше, чем в Индию: в 2013 г. 55,7 млн человек (4-е место в мире) [Там же. С. 8]. В 2013 году Индия занимала 42-е место в списке наиболее посещаемых иностранными туристами государств и 12-е место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время страна является одним из наиболее привлекательных объектов туризма и может предложить туристские продукты на любой вкус – от отдыха на побережье океана и поездок по историческим местам до сафари в национальных парках и горного туризма. В последние полвека в Индии почти каждый год наблюдается рост числа иностранных туристов (см. таблицу).

Непосредственно после обретения Индией независимости в 1947 г. посетителей из-за рубежа было крайне мало. В 1951 г. страну посетили всего около 16,8 тыс. путешественников. В первые два десятилетия самостоятельного развития Индии число въездных туристов увеличивалось очень медленно: чуть более 123 тыс. в 1960 г. и около 281 тыс. в 1970 г. Затем Индия становится все более популярным объектом для иностранных туристов. Наиболее стремительно ее туристская индустрия развивается с начала 1990-х гг. Если в 1990 г. страну посетило 1,7 млн туристов, то в 2000-м уже 2,64 млн человек. В период с 2003 по 2007 г. она переживала

Количество иностранных туристов, посетивших Индию в 1951–2014 гг. [12, с. 9]

Год	Количество иностранных туристов, чел.	Изменение по отношению к предыдущему году (периоду), %	Год	Количество иностранных туристов, чел.	Изменение по отношению к предыдущему году (периоду), %
1951	16 829	—	1987	1 484 290	2,3
1960	123 095	(24,7*)	1988	1 590 661	7,2
1961	139 800	11,9	1989	1 736 093	9,1
1962	134 360	–3,9	1990	1 707 158	–1,7 (3,1*)
1963	140 820	4,8	1991	1 677 508	–1,7
1964	156 670	11,3	1992	1 867 651	11,3
1965	147 900	–5,6	1993	1 764 830	–5,5
1966	159 600	7,9	1994	1 886 433	6,9
1967	179 570	12,5	1995	2 123 683	12,6
1968	188 820	5,2	1996	2 287 860	7,7
1969	244 720	19,6	1997	2 374 094	3,8
1970	280 821	14,75 (8,6*)	1998	2 358 629	–0,7
1971	301 000	7,2	1999	2 481 928	5,2
1972	342 950	13,9	2000	2 649 378	6,7 (4,6*)
1973	409 900	19,5	2001	2 537 282	–4,2
1974	423 160	3,2	2002	2 384 364	–6
1975	465 280	10	2003	2 726 214	14,3
1976	533 950	14,8	2004	3 457 477	26,8
1977	640 420	19,9	2005	3 918 610	13,3
1978	748 000	16,8	2006	4 447 167	13,5
1979	764 780	2,2	2007	5 081 504	14,3
1980	800 150	4,6 (16,1*)	2008	5 282 603	4,0
1981	1 279 210	2	2009	5 167 699	–2,2
1982	1 288 162	0,7	2010	5 775 692	11,8
1983	1 304 976	1,3	2011	6 309 222	9,2
1984	1 193 752	–8,5	2012	6 577 745	4,3
1985	1 259 384	5,5	2013	6 967 601	5,9
1986	1 451 076	15,2	2014	7 703 386**	10,6**

* Средний ежегодный прирост за прошедшие 10 лет.

** Предварительные данные.

туристский бум. Одним из наиболее успешных для туристской индустрии Индии стал 2004 г. – рост числа иностранных туристов, посетивших страну, по оценкам министерства туризма правительства Индии, составил 26,8 % по сравнению с предыдущим годом. В 2007 г. в стране с целью туризма побывало уже более 5 млн иностранных туристов, и даже мировой финансовый кризис 2008 г. незначительно отразился на их количестве. Стабильный рост числа туристов продолжается: в 2010 г. Индию посетило около

5,8 млн иностранцев, а в 2013 году число посетителей приблизилось к 7 млн человек.

В то же время, несмотря на отставание с развитием въездного туризма, Индия находится на 2-м (после КНР) месте по количеству внутренних, «домашних» туристов, путешествующих внутри страны. Причем количество таких туристов также стабильно растет. В 1991 г. было зарегистрировано 66,7 млн посещений индийцами иных штатов и территорий страны с целью туризма, в 2000-м – 220,1 млн, в 2005-м –

392 млн, в 2010-м – 747,7 млн, а в 2013 г. уже 1,15 млрд посещений [12, с. 89].

Заметно увеличивается и количество индийских туристов, выезжающих за пределы страны: в 1991 г. – 1,9 млн человек, в 1995-м – 3,1 млн, в 2000-м – 4,4 млн, в 2005-м – 7,2 млн, в 2010-м – 13 млн человек. В 2013 г. число граждан Индии, посетивших другие страны, составило 16,6 млн человек.

Итак, можно отметить, что Индия всегда, как магнит, притягивала различных путешественников – купцов, паломников, ученых, авантюристов. До нашего времени дошли единичные свидетельства о посещении этого региона в древности, однако есть все основания утверждать, что Индия отнюдь не была изолирована от остального мира, торговое и культурное общение с другими регионами, в первую очередь с Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией, было почти всегда достаточно интенсивным, как в период античности, так и в Средние века. Но настоящее открытие Индии для путешественников произошло с широким развитием мировых транспортных путей – в эпоху Великих географических открытий. Черты массового ту-

ризма путешествия в Индию стали приобретать только в середине XX в., после освобождения страны от статуса колонии Великобритании и начала самостоятельного политического и экономического развития.

Несмотря на некоторое отставание Индии на пути развития въездного туризма, обусловленное рядом факторов, в первую очередь сложностями социально-экономического развития, неразвитостью туристской инфраструктуры и наличием более успешных южноазиатских соседей, давно притягивающих основные потоки туристов, в стране сложилась и успешно развивается туристская отрасль. Значительный вклад в развитие туристской отрасли вносят правительство Индии и правительства ее штатов, не только законодательно регулирующие отрасль, но и непосредственно и широко участвующие в ее деятельности посредством государственных туристских компаний. Локомотивом роста в настоящее время стал стремительно развивающийся внутренний туризм, стимулирующий существенное улучшение туристской инфраструктуры и «прокладывающий дорогу» возрастающему потоку иностранных туристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rawlinson H.G. Intercourse between India and the Western World – From The Earliest Time To The Fall Of Rome. Delhi: Hesperides Press, 2006.
2. Singh A. Tourism in Ancient India. Serials Publications. Delhi, 2005. 181 p.
3. Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия. М.: Вост. лит., 2000. 614 с.
4. Sachau E. Alberuni's India. New Delhi: Rupa & Co., 2002. 820 p.
5. Каледин В.Н. Территориальная организация въездного туризма Индии: моногр. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publ., 2012.
6. Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 2. СПб.; Лейпциг, 1895.
7. Цикулин Д.И. Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 год, им самим описанные // Северный архив. 1825. № 8, 9.
8. Каледин В.Н. Рекреационные ресурсы Индии: национальные парки и заповедники // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 7. 2003. № 4. С. 81–87.
9. Kumar S.C. The Tourism Industry in India: Economic Significance and Emerging Issues // Kartik C. Roy, Clement A. Tisdell. Tourism in India and India's Economic Development. N. Y.: Nova Science Publ., 1998. P. 21–46.
10. Ranga M. Tourism Potential in India. Delhi: Abhijeet Publications, 2003. 240 p.
11. UNWTO Tourism Highlights 2014 Edition. Madrid: UNWTO, 2014. 16 p.
12. India Tourism statistics 2013. Ministry of Tourism, Market Research Division. New Delhi, 2014. 156 p.

КАЛЕДИН Владимир Николаевич – кандидат географических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: geoinfo@ya.ru

V.N. Kaledin

HISTORICAL PERIODS OF INBOUND TOURISM IN INDIA

The article provides an overview of the centuries-long experience of interaction of India with travelers from different regions. Analysis of historical material of travel and tourism to India identifies three historical periods of these activities: pre-colonial, colonial and modern. The article describes the main specifics of travel to India in each of these periods, analyzes the state of tourism industry of India in the modern period and defines the country's place in the modern world tourism industry. The article also study out the reason of the limited interest of foreign tourists to India, despite the fact that the country is well endowed with recreational resources (in 2013, India ranks only 42th place in the list of most visited countries by international tourist arrivals).

INDIA; TOURISM; TRAVEL; HISTORY OF TOURISM; GEOGRAPHY OF TOURISM; TOURIST INDUSTRY; INTERNATIONAL TOURIST ARRIVALS.

REFERENCES

1. Rawlinson H.G. Intercourse between India and the Western World – From The Earliest Time To The Fall Of Rome. Delhi, Hesperides Press, 2006.
2. Singh A. Tourism in Ancient India. Serials Publications. Delhi, 2005. 181 p.
3. Beshem A.L. *Chudo, kotorym byla Indiya* [The miracle that was India]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2000. 614 p. (In Russ.)
4. Sachau E. Alberuni's India. New Delhi, Rupa & Co., 2002. 820 p.
5. Kaledin V.N. *Territorial'naya organizatsiya vyezdno-go turizma Indii* [Territorial organization of tourism in India]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publ., 2012.
6. Ukhtomskiy E.E. *Puteshestviye na Vostok Ye. I. V. Gosudarya naslednika Tsesarevicha. 1890–1891* [Journey to the East of His Imperial Majesty the Emperor Tsarevich 1890–1891]. Of vol. 2. St. Petersburg, Leipzig, 1895. (In Russ.)
7. Tsikulin D.I. [Extraordinary adventures and travels of a Russian peasant Dementy Ivanov Tikulin in Asia, Egypt, Eastern India from 1808 to 1821, described by himself]. *Northen archive*, 1825, no. 8, 9. (In Russ.)
8. Kaledin V.N. [Recreational Resources of India: national parks and reserves]. *St. Petersburg State University Journal*. Ser. 7, 2003, no. 4, pp. 81–87. (In Russ.)
9. Kumar S.C. The Tourism Industry in India: Economic Significance and Emerging Issues. In: Kartik C. Roy, Clement A. Tisdell. *Tourism in India and India's Economic Development*. New York, Nova Science Publ., 1998. P. 21–46.
10. Ranga M. *Tourism Potential in India*. Delhi, Abhijeet Publications, 2003. 240 p.
11. UNWTO *Tourism Highlights 2014 Edition*. Madrid, UNWTO, 2014. 16 p.
12. *India Tourism statistics 2013*. Ministry of Tourism, Market Research Division. New Delhi, 2014. 156 p.

KALEDIN Vladimir N. – *St. Petersburg State University*.

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: geoinfo@ya.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.10
УДК 262.2:282

Е.А. Самыловская

**ИНСТИТУТЫ ЦЕРКОВНЫХ СОБРАНИЙ И СОВЕТОВ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В 1710–1760-Х ГОДАХ**

В статье исследуется вопрос учреждения и функционирования институтов церковных собраний и советов римско-католической общины Санкт-Петербурга в 1710–1760-х гг. На основе анализа недавно введенных в научный оборот архивных и опубликованных источников, а также отечественных и зарубежных публикаций рассмотрены условия формирования церковных собраний, структура и состав приходского совета, а также их функции. Определена роль постановлений петербургской римско-католической общины в разработке российского законодательства по отношению к католикам. Автор делает вывод о самостоятельности общины в вопросах разработки структуры и определения функций собственных церковных институтов, а также о влиянии ее решений на подготовку «Регламента, данного Санкт-Петербургской римско-католической церкви» (12 февраля 1769 г.).

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА; ЦЕРКОВНЫЕ СОВЕТЫ; ПРИХОДСКИЕ СОБРАНИЯ; «РЕГЛАМЕНТ» 1769 ГОДА; КОНГРЕГАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ ВЕРЫ.

В условиях ограничений власти Ватикана в сфере управления римско-католическими миссиями в России, налагавшихся российским правительством на протяжении всего XVIII в., деятельность приходских институтов римско-католической общины Санкт-Петербурга по организации собственной религиозной жизни приобретает особое значение. Отметим, что изучение истории формирования этих институтов является необходимым условием для того, чтобы иметь представление о жизни католической общины в городе.

Проблема изучения деятельности церковных институтов и собраний инославных общин в России в конце XVII – начале XVIII в. была выдвинута в 1990-х гг. в работе В.А. Ковригиной «Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в.» [10].

Инициатива разработки данного вопроса, но уже в отношении Санкт-Петербургских протестантских общин XVIII в., была продолжена А.Э. Алакшиным, который подробно изучил деятельность институтов церковных собраний, советов и патроната в протестантских общинах города [1, 2]. Однако в настоящее время не существует какого-либо целостного исследования по данному вопросу относительно петербургских католиков. Сложившийся историографический «вакуум» стоит связывать, с одной стороны, с тем, что до недавнего времени изучение деятельности римско-католических общин города в XVIII в. практически не осуществлялось и только в последние годы данная проблема стала активно разрабатываться и освещаться в отечественной историографии [4–7, 15–17]. С другой стороны, в связи

со скудностью имеющихся документальных сведений о приходских институтах петербургской католической общины в первой половине XVIII в. достаточно сложно предпринять комплексное исследование. И всё же обнаруженные нами отрывочные данные в архивных источниках и зарубежной литературе позволяют составить некоторое представление об их деятельности.

Очевидно, что обязательными элементами в структуре управления общиной являлись общее собрание членов прихода и церковный совет, в который входили настоятель и старосты. Собрание принимало решение по вопросам, касавшимся жизни прихода: постройка или ремонт церкви, сбор средств в пользу приходской казны, приглашение необходимого количества священников, проведение проповедей и школьных занятий. К сожалению, в источниках, которыми мы располагаем, не имеется сведений о функционировании данного церковного института в римско-католической общине Санкт-Петербурга до середины XVIII в.: первое упоминание о нем относится к 1755 г. Так, в январе 1755 г. было созвано общее собрание старейшин и глав семейств католического общества, на котором было решено оставить в Петербурге только 6 священников с той целью, чтобы была возможность проводить занятия и проповеди на немецком, итальянском и французском языках [20, с. 199]. Тем не менее смеем предположить, что институт церковных собраний начал функционировать гораздо раньше, так как уже в конце 1710-х гг. перед местными католиками встали вопросы, для решения которых необходимо было учитывать мнение всей общины, а именно: вопрос строительства новой церкви в Греческой слободе, проблема содержания священнослужителей и т. д. [5, 6, 15].

Основные функции управления жизнью католической общины города лежали на приходском церковном совете, который, по всей видимости, в начале XVIII в. избирался ежегодно на общем приходском собрании. В.А. Ковригина предположила, что совет избирался тайным голосованием выборщиков, представленных зажиточными прихожанами [10, с. 72]. Однако подтверждения данной точки зрения нами не было обнаружено. В свою очередь, в «Регламенте, данном Санкт-Петербургской римско-католической церкви» (12 февраля 1769 г.) речь

идет о выборах старост на общем церковном собрании [12, с. 836–837].

Согласно Кодексу канонического права (кан. 526–537), при приходе в обязательном порядке должен существовать совет по экономическим вопросам. В этот совет входят настоятель прихода, являющийся его председателем, и 3 члена совета, которые назначаются настоятелем прихода из числа прихожан. Задача совета – оказание помощи настоятелю прихода при распоряжении приходским имуществом. Кроме того, при приходе может быть организован пасторский совет, также возглавляемый настоятелем. В него входят лица, причастные к пасторскому попечительству. Задача этого совета – оказание помощи в пасторской деятельности. При этом по решению епископа эти два совета могут быть объединены [9, ст. 1785; 11, с. 238–239]. Заметим, что в условиях XVIII в. о существовании двух советов говорить не приходится. Стоит говорить об одном приходском совете, количество членов которого, вероятно, часто менялось в течение рассматриваемого периода.

Впервые о наличии в петербургской общине совета упоминает папский нунций в Варшаве Джироламо Гримальди в письме 1714 г. в Конгрегацию пропаганды веры. В этом письме, ссылаясь на разговор с архитектором Франческо Фонтаной, он сообщает об учреждении совета из 3 членов (архитектор Доменико Трезини, купец Джованни Занолини и архитектор Ф. Фонтана) [См.: 18, с. 51].

Согласно историку францисканской миссии в Санкт-Петербурге Ю. Райнхольду, в 1722 г. в совете насчитывалось 7 старейшин [19, с. 350]. Под прошением 1723 г. в пользу францисканцев в споре об управлении церкви, подписанным 15 прихожанами, в качестве церковных старост значатся Д. Трезини (первый в списке) и Джузеппе Мариотти (четвертый в списке). У остальных подписавшихся записей о занятии должности церковного старейшины нет. Однако обращает на себя внимание тот факт, что вторым и третьим в списке стоят имена вице-адмирала Матии Змаевича и секретаря военной коллегии Франца Вюста. Это позволяет нам сделать вывод о том, что эти два деятеля также были старостами общины. Исходя из сообщения Райнхольда, можно предположить, что в этом списке могут значиться также имена еще 3 старост общины, а именно прихожан,

подписавшихся под прошением после Дж. Мариотти: купца Пьетро Салучи (пятый в списке), некоего Ангиани (шестой в списке) и некоего И.Б. Шольца (Шульц (?) — седьмой). В подтверждение версии о том, что в 1723 г. среди старост общины мог быть П. Салучи, говорит тот факт, что в 1710-х гг. он наряду с Дж. Занолли принимал активное участие в строительстве и обустройстве первого католического храма в Греческой слободе [8, л. 7–8; 14, л. 20].

Уже в 1729 г. под петицией общины в Конгрегацию пропаганды веры с просьбой оказать поддержку миссионерам в связи с отъездом двора в Москву подписались 6 старост: полковник Пайтц, купец Дж. Мариотти, секретарь военной коллегии Ф. Вюст, архитектор Д. Трезини, купец Мартин де Ваал и некий Анбейвен [19, с. 350].

В 1735 г. в церковный совет входило минимум 5 старост, о чем свидетельствует письмо («*Capri della comunita*» — «Лидеры сообщества»), отправленное ими в Конгрегацию в благодарность за назначение о. Карло да Лука префектом миссии. Среди «лидеров» общины числились: Дж. Мариотти, М. де Ваал, Сигизмунд Вендлер, Николас Дум и некий Павел. Установить фамилию последнего не удалось: у Ю. Райнхольда он значится как Paul S. meg [Там же. С. 378].

К сожалению, данных о составе совета старейшин в 1740–1750-х гг. не имеется. Тем не менее уже из приведенных нами составов видно, что в него выбирались самые богатые, уважаемые и влиятельные члены общины. В функции старост входили ведение финансовых вопросов общины (сбор денег на строительство и содержание храма, священников, церковных служителей, школы и т. д.), забота о вдовах и сиротах, благотворительность, решение внутриобщинных и семейных дел, имущественных споров и т. д. [10, с. 72].

Представляется, что до второй половины XVIII в. решение о количестве старост и национальном составе совета принималось вполне произвольно самой общиной, без каких-либо санкций со стороны Рима или российского правительства. Судя по именам выявленных нами старост, за исключением начала 1710-х гг., в совет входили представители разных национальностей, в первую очередь итальянцы и немцы.

Ситуация меняется во второй половине XVIII в., когда общине спускаются директивы

о необходимости реформирования приходских институтов. Потребность в этом появилась вследствие острых разногласий между настоятелями церкви и частью католического общества в вопросах управления церковью, назначения священников, а также в финансовых вопросах. Например, конфликты общины с о. Антонио да Торино в 1750-х гг. и с о. Джироламо ла Доло в 1760-х гг. из-за финансов [7].

В исторической литературе сложилось устойчивое мнение о том, что установление четкой структуры церковных советов произошло в царствование Екатерины II и зафиксировано в «Регламенте, данном Санкт-Петербургской римско-католической церкви» (1769), т. е. было спущено «сверху» российским правительством [3, с. 229–230]. Так, в Именном указе императрицы от 6 ноября 1766 г. «О сочинении регламента...» говорилось, что настоятель прихода должен был не назначаться Ватиканом, а выбираться на общем собрании прихожан церкви. Приходской совет должен состоять из 4 старост, избираемых от каждой нации на два-три года из «лучших прихожан». В сферу их компетенции должны были войти экономические вопросы, касающиеся церковного строительства, содержания священников, контроля над сбором и расходованием средств и т. д. [12, с. 1033–1034]. «Регламент» закрепил эти положения, однако произошло изменение в количестве старост: их число увеличивалось с 4 до 8 (по 2 от каждой нации). При этом подчеркивалась роль Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел: выборы должностных лиц проходят с разрешения и под контролем коллегии, т. е. супериор¹, патеры и приходские институты находились в ее подчинении [13, с. 835–838].

Тем не менее нам представляется, что процесс становления четкой структуры приходских институтов и контроля над деятельностью супериоров шел не «сверху», от российского правительства, а «снизу», т. е. был разработан непосредственно в общине.

Обращает на себя внимание документ, приведенный в приложении к работе Ю. Райнхольда на языке оригинала (итальянском). Он называется «Статьи о церковном руководстве,

¹ Супериор (*лат.* superior — превосходящий, старший) — глава петербургской римско-католической миссии.

принятые 13 мая 1756 г.». Данный документ был выслушан и принят на общем собрании прихода [21, с. 138–139]. В его статьях речь идет об организации приходского совета. Статья 1 документа гласит о создании совета из старост четырех национальностей, который должен был избираться каждые два года на общем собрании общины. Статьи 2, 3 и 4 определяют область компетенций старост и суперiorsа: они должны следить за строительством церкви, распоряжением движимым и недвижимым имуществом [Там же. С. 138]. Статья 5 гласит о том, что каждые три месяца суперiorsа должен предоставлять старостам отчет о своих расходах и доходах [Там же]. (При обращении к указу «О сочинении регламента...» обнаруживаем в пункте 4 следующее положение: «...Патер-Супериор содержал бы счет всем приходам и расходам всякого звания церковным, но каждые три месяца Старшины бы принимали и свидетельствовали от него те отчеты...» [12, с. 1034]. Кроме того, в статье 38 главы VI «Регламента» также зафиксировано данное положение [13, с. 838].) В статье 6 говорится о том, что церковные документы, задолженности и деньги должны храниться в плотно закрытом сундуке, находящемся в церкви. Два ключа от него должны находиться у уполномоченного старосты и у суперiorsа. Сундук этот должен быть опечатан и без согласия настоятеля и старост не должен открываться [21, с. 138].

(В статье 31 главы VI «Регламента» читаем: «...Опись со всеми церковными документами, контрактами, обязательствами и прочими письмами, так как имеющиеся на лице церковные деньги и получаемые разновременно, хранить и содержать в крепком сундуке за печатью Суперiorsа и всех старост, и никто без ведома их не должен в оный ходить и что-либо оттуда брать» [13, с. 837].)

Следовательно, можно говорить о том, что разработка структуры приходского совета, определение его функций и компетенций происходили во второй половине 1750-х гг. в рамках прихода. Законодательные акты российского правительства 1760-х гг. закрепляли их, но при этом ставили приход под контроль Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел.

Очевидно, что до этого времени жесткого контроля над деятельностью приходских институтов католической общины города со стороны Рима и российского правительства не было. Община самостоятельно формировала приходской совет из своих наиболее уважаемых и состоятельных членов. При этом она пыталась оказать влияние на вопросы назначения священников и их количества, а также поставить под свой контроль настоятелей, хотя бы в области распоряжения церковным имуществом и финансами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алакшин А.Э. Институты церковных собраний, советов и патронатства в протестантских общинах в Петербурге в XVIII веке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. Вып. 20. С. 5–14.
2. Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. СПб.: Петрополис, 2012. 420 с.
3. Андреев А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России в XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011.
4. Андреев А.Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2007. 393 с.
5. Андреев А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 6–14.
6. Андреев А.Н. Римские католики в Петербурге при Петре Великом и их участие в общественной жизни России // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 77–83.
7. Андреев А.Н. Римско-католическое духовенство в Петербурге в 1740–1760-е гг. // Гуманитарные науч. исслед. 2014. № 5 (33). URL: <http://human.snauka.ru/2014/05/6914> (дата обращения: 17.06.2014).
8. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2.
9. Католическая энциклопедия. В 5 т. Т. 3. М.: Изд-во францисканцев, 2007. 1011 с.
10. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М.: Изд-во Археограф. центра, 1998. 434 с.
11. Кодекс канонического права. М.: Изд-во Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. Т. 17. СПб., 1830.

13. **Полное** собрание законов Российской империи. В 45 т. Т. 18. СПб., 1830.
14. **Российский** государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540.
15. **Самыловская Е.А.** Исторический анализ педагогической деятельности римско-католического духовенства в Петербурге в 1710–1760-е гг. // Учен. зап. 2014. № 4 (32). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/037-002.pdf> (дата обращения: 11.05.2015).
16. **Самыловская Е.А.** Метрические книги римско-католической церкви святой Екатерины Александрийской как исторический источник по истории католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 269–272.
17. **Самыловская Е.А.** Социальные связи петербургских католиков в первой половине XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35). В 2 ч. Ч. II. С. 153–158.
18. **D' Haarlem Z., OFM. Cap.** L' expedition des Capucins en Russie // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Histotrici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Rome, 1942. Vol. XII (1942). P. 41–65.
19. **Reinhold J., OFM.** Die St. Petersburg Mission-
prafektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. Rome, 1961. Vol. 54. P. 329–402.
20. **Reinhold J., OFM.** Die St. Petersburg Mission-
prafektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. Rome, 1962. Vol. 55. P. 193–251.
21. **Reinhold J., OFM.** Die St. Petersburg Mission-
prafektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schluß) // Archivum Franciscanum Historicum. Rome, 1963. Vol. 56. P. 91–156.

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – старший преподаватель Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Россия, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

E.A. Samylovskaya

INSTITUTES OF RELIGIOUS ASSEMBLIES AND COUNCILS OF THE ROMAN CATHOLIC COMMUNITY OF ST. PETERSBURG IN 1710–1760S

The article discusses the creation and functioning of the institutions of church meetings and parish council of the Roman Catholic community of St. Petersburg in 1710–1760s. On the basis of the analysis of the archival and published sources, as well as domestic and foreign works, the formation of church meetings, the structure of parish council, their composition and functions of Roman Catholic Community of St. Petersburg in 1710–1760s are examined. As a result the author has come to the conclusion that the Catholic Community worked up of a question of structure of religious institutes and their functions without assistance. Moreover its solution had an influence on the development of the Russian legislation on this issue.

ROMAN CATHOLIC COMMUNITY OF ST. PETERSBURG; CHURCH COUNCILS; PARISH MEETINGS; “REGULATIONS” IN 1769; THE CONGREGATION OF PROPAGANDA FIDE.

REFERENCES

1. Alakshin A.E. [Institutes of church meetings, councils and patronage in the Protestant Community in St. Petersburg in XVIII century]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, vol. 20, pp. 5–14. (In Russ.)
2. Alakshin A.E. *Protestantskie obshchiny v Peterburge XVIII veka* [Protestant Communities in St. Petersburg in XVIII century]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 420 p. (In Russ.)
3. Andreev A.N. *Zapadno-hristianskie veroispovedaniya i obshchestvo v Rossii v XVIII v.* Dokt. dis. [West-Christian denominations and society in Russia in the XVIII century. Doct. diss.]. Chelyabinsk, 2011. (In Russ.)
4. Andreev A.N. *Katolicizm i obshchestvo v Rossii XVIII v.* [Catholicism and Russian society in the XVIII century]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2007. 393 p. (In Russ.)
5. Andreev A.N. [Confessional life in St. Petersburg Catholics in the XVIII century]. *Bulletin of the South Ural State University: Social and Human Sciences*, 2014, vol. 14, pt. 1, pp. 6–14. (In Russ.)
6. Andreev A.N. [Roman Catholics in St. Petersburg under Peter the Great and their participation in public life of Russia]. *Bulletin of the South Ural State University: social sciences and humanities*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 77–83. (In Russ.)
7. Andreev A.N. [Roman Catholic priesthood in Petersburg in the 1740–1760th years]. *Humanitarian research*, 2014, no. 5 (33). Available at: <http://human.snauka.ru/2014/05/6914> (accessed 17.06.2014).
8. [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 10. Op. 10/1 (1724 g.). D. 2.
9. *Katolicheskaya entsiklopediya* [The Catholic Encyclopedia]. In 5 vol. Of vol. 3. Moscow, Publishing House of the Franciscans, 2007. 1011 p. (In Russ.)
10. Kovrigina V.A. *Nemetskaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v kontse XVII – pervoy chetverti XVIII v.* [The German settlement in Moscow and its inhabitants at the end of XVII – the first quarter of XVIII century]. Moscow, Archeograf. Center Publ., 1998. 434 p. (In Russ.)
11. *Kodeks kanonicheskogo prava* [Code of Canon Law]. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2007. 624 p. (In Russ.)
12. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. In 45 vol. Of vol. 17. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)
13. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. In 45 vol. Of vol. 18. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)
14. [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 4. D. 540.
15. Samylovskaya E.A. [Historical analysis of educational activities of the Roman Catholic clergy in St. Petersburg in 1710–1760s]. *Scientific notes: Electronic scientific journal of the Kursk State University*, 2014, no. 4 (32). Available at: <http://scientific-notes.ru/pdf/037-002.pdf> (accessed 11.05.2015).
16. Samylovskaya E.A. [The registers of births, deaths and marriages of the Roman Catholic church of St. Catherine Alexandrine's as a source on history of the catholic community in St. Petersburg in the first half of the 18th century]. *Humanities, social and economic and social sciences*, 2014, no. 1, pp. 269–272. (In Russ.)
17. Samylovskaya E.A. [Social Relations of Petersburg Catholics in the first half of the 18th century]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*. Tambov, Charter Publ., 2013, no. 9 (35), in 2 pt., of pt. 2, pp. 153–158. (In Russ.)
18. D' Haarlem Z., OFM. Cap. [The expedition of the Capuchins in Russia]. *Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Histotrici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum*. Rome, 1942, vol. XII (1942), pp. 41–65.
19. Reinhold J., OFM. [The St. Petersburg Missionprafektur the reformates in the 18th century (continued)]. *Archivum Franciscanum Historicum*. Rome, 1961, vol. 54, pp. 329–402.
20. Reinhold J., OFM. [The St. Petersburg Missionprafektur the reformates in the 18th century (continued)]. *Archivum Franciscanum Historicum*. Rome, 1962, vol. 55, pp. 193–251.
21. Reinhold J., OFM. [The St. Petersburg Missionprafektur the reformates in the 18th century (end)]. *Archivum Franciscanum Historicum*. Rome, 1963, vol. 56, pp. 91–156.

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. — *St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences.*

Ul. Fuchika, 15, St. Petersburg, 192238, Russia

e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.11
УДК 94(47)081.3,5

Н.В. Офицера

МАТЕРИАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ О ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ 1920-Х ГОДОВ*

В статье рассмотрены особенности политического поведения советских рабочих в 1920-е гг. На базе информационных материалов органов государственной безопасности и партийных комитетов проанализированы ключевые поведенческие реакции рабочих – протест и политическая лояльность, разные способы и формы их проявления. Рассмотрено формирование жизненных стратегий рабочих под влиянием комплекса внешних и внутренних факторов. Выделены устоявшиеся клише властного дискурса при описании поведения рабочих, обосновано сохранение традиции объяснения негативных реакций рабочих влиянием антисоветской агитации и недостаточным усвоением программы партии. Категория «политическая пассивность» рабочих интерпретируется как обозначение стратегий протеста, эскапизма и апатии. Отмечены изменение политической риторики рабочих, усиление «ритуальной» и демонстративной поддержки власти к концу 1920-х гг. Автор приходит к выводу, что политические и социальные факторы и личностные характеристики оказывали влияние на политическое поведение рабочего, которое отражалось на реализации советского политического проекта.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ; ПРОТЕСТ; ПАССИВНОСТЬ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ; ПОДДЕРЖКА ВЛАСТИ; ВЧК – ОГПУ; СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ.

К материалам политического контроля традиционно относят информационные документы ВЧК – ОГПУ, партийных комитетов РКП(б) – ВКП(б) разного уровня, профсоюзных и комсомольских комитетов. Сами документы хорошо изучены и используются исследователями раннего советского периода для изучения отношения к мероприятиям советской власти, событиям внутренней и внешней политики, общественных настроений населения, его протестных выступлений или, напротив, конформизма, взаимоотношений внутри различных сообществ. Тем не менее «за кадром» нередко остается важный вопрос – формирование жизненных стратегий советского рабочего, которое происходило в 1920-е гг. При подготовке и реализации советского индустриального политического проекта большевики нуждались в поддержке рабочих,

провозглашенных официальным дискурсом опорой и источником власти.

В современной психологической науке жизненная стратегия понимается как способ реализации жизненной позиции человека (социальной группы). К.А. Абульханова-Славская определяет жизненную стратегию как выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу – имею» и создание условий для самореализации, творческий поиск [1].

Мы рассматриваем формирование жизненной стратегии человека как длительный процесс, происходящий под влиянием его «типичных», повторяющихся реакций на кризисные ситуации. Эти реакции определяются комплексом физиологических, психологических и социальных причин. Французский социолог Г. Бажуа выявил четыре типа поведенческих реакций человека на кризисные ситуации: уход (эскапизм как самоустранение от ситуации), протест (как активная попытка влиять на ситуацию изнутри), лояльность (смирение с ситуацией и принятие ее как есть) и апатия (приспособление к ситуации и смирение с

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00383а «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации. 1920–1932»).

ней при ее неприятии или непонимании) [2, с. 154–156]. В тяжелое (по разным причинам) для рабочих время новой экономической политики сначала формируются основные поведенческие реакции, которые модифицируются в жизненные стратегии.

Все указанные реакции представлены в многочисленных материалах политического контроля, наиболее значимыми из которых являются информационные документы ВЧК – ОГПУ. Они составлялись как на основе информации других ведомств, так и благодаря расширившейся сети секретных агентов и информаторов на производстве. Информационная функция являлась одной из важнейших функций органов ВЧК – ОГПУ.

Стоит отметить, что настроения рабочих и положение советской промышленности практически всегда освещались в первой части информационных сводок всех уровней. Для сотрудников ВЧК – ОГПУ имели значение следующие позиции: недовольство рабочих и его причины, саботаж, участие в кампаниях, забастовки всех видов, контрреволюционная и/или антисоветская агитация, отношение к мероприятиям советской власти и т. д. Изучение информационных сводок позволяет выявить основные поведенческие реакции рабочих.

В документах политического контроля выделенными поведенческими реакциями рабочих являются «поддержка власти», «пассивность» и «протест». Первая поведенческая реакция, явно фиксируемая в документах, – это *протест*. Хотелось бы отметить, что рядом с описанием рабочего протеста всегда присутствуют следующие клише: «антисоветская агитация», «контрреволюционная агитация», «происки эсеров (меньшевиков и др.)», которые, по мнению чекистов, служат либо причиной забастовок, либо поводом к рабочему протесту. Так, например, в информационной сводке Петроградского губернского отдела ГПУ за март 1922 г. сообщалось: «Забастовка 9 марта на заводе быв. „Арсенал”. Весь день рабочие не работали из-за низких тарифных ставок, инициаторами являются лица эсеровского направления»; за июнь 1922 г.: «На заводе „Роберт Круг” вся администрация и рабочие (кроме 22 человек) выступили против подписания декларации о суде над эсерами, находятся под влиянием эсеров и меньшевиков» [3, л. 6, 24 и др.].

Активный протест советского рабочего был формой борьбы за нормальные условия жизни, достойную плату за свой труд и, частично, против нараставшей «большевизации» повседневной жизни. Политический, социально-политический протест рабочих объяснялся не только «контрреволюционной агитацией», но и «несознательностью / отсталостью рабочих», «крестьянскими настроениями». Так, например, в информационных сводках 1923 и 1927 гг. отрицательное отношение к возможной войне, распространение антисоветских листовок, срыв перевыборов фабрично-заводских комитетов объяснялись влиянием «отсталых рабочих, связанных с деревней», а также эсеров и меньшевиков (разгромленных в начале 1920-х гг. – *Н. О.*) [4, 5]. Остальные рабочие, по мнению чекистов, демонстрировали «революционно-сознательное отношение» к мероприятиям власти. Таким образом, клише начала 1920-х гг. продолжали использоваться сотрудниками ОГПУ и в конце исследуемого периода.

Во второй половине 1920-х гг. в связи с ужесточением политического контроля меняются и формы протестной жизненной стратегии. Всё чаще активный открытый протест рабочих заменяется скрытым, выражающимся в форме «антисоветских высказываний», росте проявлений антисемитизма и национализма на предприятиях, «провале коммунистических списков на выборах», отказе участвовать в мероприятиях власти: митингах, демонстрациях, выборах, акциях поддержки рабочих на Западе и т. д. При изучении данного вида протеста на помощь исследователю приходят тематические информационные сводки и докладные записки. Например, во время партийной дискуссии 1925–1926 гг. были отмечены такие антисоветские высказывания, как «наша компартия не на своем месте», «эксплуатация должна иметь устойчивое положение, а не дикий необузданный анархизм», «вот дерут с нас в разные общества» [6, л. 233–235].

С 1925 г. наблюдается и изменение протестной риторики рабочих. Ранние демагогические приемы в духе «Мы хозяева, а вы – наши приказчики» заменяются использованием клише, транслируемых властью. Например, во время любых избирательных кампаний (выборы в Советы, перевыборы фабрично-заводских комитетов, бюро коллективов ВКП(б), кооперации

и др.) рабочие «берут на вооружение» постановления партийных съездов и обвиняют власть в «игнорировании коммунистами принципов широкой демократии», повсеместно (но не массово! — *Н. О.*) требуют отмены «голосования списком», тайного голосования, отмены предварительного составления списков кандидатов в бюро коллективов и фракциях фабрично-заводских комитетов [7, с. 533; 8, с. 665–668]. В заводском пространстве фиксируется и протест рабочих по отношению к профсоюзам, которых обвиняют в «отходе от нужд рабочих», бюрократии, «отсутствии живой связи с массами», «недостаточной защите своих членов» [6, л. 32–37], т. е. фактически ставя вопрос о целесообразности их существования в силу невыполнения профсоюзами своих прямых обязанностей.

Таким образом, поведенческая реакция протеста на протяжении 1920-х гг. превращается в протестную жизненную стратегию ряда рабочих, не принимающих политическую власть в существующем виде. Советские рабочие переходят от забастовки как способа отстаивания своих интересов к собственно политическим действиям, прямо или косвенно указывающим власти на неприятие определенных событий или действий. К таким политическим действиям мы относим срыв советских мероприятий, участие в политических дискуссиях, антибольшевистскую риторику. Кстати, протестная реакция была более присуща старым, квалифицированным рабочим, осознававшим свою необходимость, нежели «новым рабочим», стремившимся закрепиться в городе и улучшить свое материальное положение.

Популярной поведенческой реакцией и жизненной стратегией рабочих в 1920-е гг. становится формирующаяся *политическая лояльность*. Обеспечение политической лояльности населения — одна из важнейших функций ГПУ — ОГПУ.

Политическая лояльность советских рабочих в начале 1920-х гг. была вызвана комплексом причин. Важнейшие из них, на наш взгляд, — это усталость от чрезвычайных условий жизни в 1914–1921 гг. и стремление к достойной жизни.

Одной из форм проявления лояльности рабочих становится «громкая», порой *демонстративная поддержка власти* и ее мероприятий, обязательно фиксируемая в сводках. Так,

например, во время процесса над эсерами в Петрограде прошла демонстрация, в которой участвовало более 75 тыс. рабочих. «Бодрое настроение... полная поддержка власти» [3, л. 25]. В 1923 г. успешно прошла антирелигиозная кампания, «в большинстве губерний принимались резолюции о закрытии церквей, расположенных в районе заводов, и об использовании их для культурно-просветительских целей» [4]. Стоит отметить, что к концу 1920-х гг. «громкая поддержка» мероприятий усиливается. Например, на выборах 1927 г. в Ленинграде появляются анонимные и авторские записки, которые мы относим к «ритуальной» поддержке власти [9, л. 2–67]. Такие действия могли быть вызваны и искренней верой в дискурсивные идеалы, и так называемыми «шкурными» интересами, стремлением к повышению своего статуса в советском обществе.

Другой формой проявления лояльности становится *искренняя поддержка власти* и ее мероприятий, стремление изжить временные трудности и недостатки на местах, особенно заметные при изучении личных документов, попавших в материалы перлюстрации. Так, сводка Ленинградского отдела ГПУ за прочитанную корреспонденцию 1924 г. фиксирует следующие высказывания: «Ты учишь, чтобы принести пользу пролетариату», «Троцкий — соглашатель, хочет заменить ленинизм», «Бог есть великий соглашатель, меньшевики, эсеры — великие мучители рабочих и крестьян, всего мира, хитрая механика буржуазии» и др. [10, л. 25, 27–29]. Искренняя поддержка власти отражена и в информационных обзорах ОГПУ: «кампания по режиму экономии встречена рабочими с большим удовлетворением», «отчисления на оборону проводились рабочими с готовностью», «лучше отдать месячный заработок, но не допустить войны» [11; 12]. Стоит отметить и резкое увеличение числа «деловых» записок, поданных на перевыборах 1927–1928 гг. В них предлагались конкретные меры для улучшения дел на местах, облегчения положения рабочих, усиления привлекательности образа власти. Сюда относятся и эгалитаристские устремления рабочих, и их предложения к ужесточению ответственности за хозяйственные и политические преступления.

Еще одной формой проявления политической лояльности рабочих становится участие в

мероприятиях власти (демонстрации и митинги; торжественные и траурные собрания; избирательные кампании; партийные, профсоюзные и комсомольские собрания, беспартийные рабочие конференции, производственные совещания; членство в общественных организациях; антирелигиозная деятельность; освоение новых досуговых практик; обучение политграмоте и повышение квалификации). С одной стороны, информационные документы демонстрируют рост участия рабочих в советских мероприятиях, с другой стороны, простое участие нередко упоминается как «пассивность», которая всегда несет негативную коннотацию.

«Пассивность» рабочих в материалах политического контроля на самом деле представляет собой проявление всех жизненных стратегий. Во-первых, «пассивность» — это политическая лояльность, которую выбирают для себя некоторые рабочие, считая, что «непротивление» власти и участие в ее мероприятиях обеспечат им возможность спокойного труда и быта.

Во-вторых, под «пассивностью» часто понимается *апатия* рабочих, их равнодушие к мероприятиям власти или понимание бессмысленности каких-то активных политических действий. Примерами такой пассивности являются факты, отмеченные во множестве закрытых писем секретарей губернских комитетов ВКП(б) во второй половине 1920-х гг.: «слабое участие рабочих в партийной жизни», простое «присутствие на собраниях членов и кандидатов Ленинского призыва», «большинство рабочих на фабрике „Скороход“ во время доклада Ленсовета разбрелись по углам и занимались посторонними разговорами», «Зачем мы здесь сидим? Всех, кого надо, и без нас выберут» [13, л. 205–210; 14, л. 3].

В-третьих, «пассивность» представляла собой *эскапизм* как уход от проблемы. Здесь мы можем увидеть два варианта: с одной стороны, это активный уход от не устраивающих рабочего обстоятельств, например переход на другое место работы. (В период нэпа таким решением мог быть выбор частной сферы экономики. Например, в конце 1925 г. сложилось тяжелое

положение на Путиловском заводе, откуда высококвалифицированные рабочие из-за низкой заработной платы уходили на другие предприятия, увлекая за собой остальных [15, с. 235–237]). С другой стороны, эскапизм проявлялся в форме перекладывания ответственности на членов своей семьи, друзей и родственников.

Кроме того, «пассивность» в информационных сводках нередко представляла собой протест. В материалах политического контроля нередко отмечается, например, «пассивное отношение» к выборам в Советы. На самом деле на протяжении 1920-х гг. избирательные кампании всегда находились в фокусе внимания граждан, в том числе и как способ приобщения к государственной политике, а «пассивное отношение» означало чаще всего провал партийных списков на выборах (или, как минимум, провал некоторых кандидатур из списка). По нашему мнению, такая ситуация была обусловлена как экономическими трудностями нэпа, так и некоторым ослаблением политического контроля в начале 1920-х гг., связанным с реорганизацией государственной безопасности, борьбой в высших и средних эшелонах власти.

Таким образом, в информационных документах политического контроля нам встретились все поведенческие реакции на кризисные ситуации, определившие к концу 1920-х гг. формирование жизненных стратегий советских рабочих, — протест, политическая лояльность, эскапизм и апатия. Выбор стратегии и формы ее проявления был обусловлен как внутренними, личностными характеристиками рабочего, так и внешними факторами: наличием или отсутствием семьи, происхождением, длительностью рабочего стажа, ужесточением политического контроля после 1925 г., социальным контролем на предприятии, реакцией власти на те или иные поведенческие реакции рабочих. Тщательная фиксация всех негативных для власти проявлений жизненных стратегий рабочих помогала своевременно реагировать на трудности, возникавшие в процессе реализации советского индустриального политического проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абульханова-Славская К.А.** Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. **Нормы** и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / под общ. ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Нева, 2000. 479 с.
3. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
4. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за апрель – май 1923 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/24546> (дата обращения: 01.08.2014).
5. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за 1927 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/25639> (дата обращения: 01.08.2014).
6. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 17. Оп. 85. Д. 169.
7. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за сентябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1925 г. Т. 3, ч. 2. М., 2002. С. 497–566.
8. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за ноябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1925 г. Т. 3, ч. 2. М., 2002. С. 650–705.
9. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 16. Оп. 8. Д. 8616.
10. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 16. Оп. 5. Д. 5916.
11. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за апрель 1926 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/25582> (дата обращения: 02.08.2014).
12. **Обзор** политического состояния СССР за июль 1927 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/25671> (дата обращения: 03.08.2014).
13. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 17. Оп. 60. Д. 826.
14. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 16. Оп. 8. Д. 8437.
15. **Рабочий** класс и рабочее движение России: история и современность / под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце; Фонд Ф. Эберга, Фонд «Альтернативы». М.: [РИГ-ИЗДАТ], 2002. 252 с.

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: oficernv@mail.ru

N.V. Ofitserova

MATERIALS OF THE POLITICAL CONTROL ABOUT SOVIET WORKERS LIFE STRATEGIES OF THE 1920S

The article is devoted to the peculiarities of political behavior of Soviet workers in the 1920s. On the basis of information materials of the state security agencies and party committees analyzes key behavioral responses of Soviet workers: protest and political loyalty, different methods and forms of their manifestation. Discusses the formation of life strategies of workers under the influence of external and internal factors. Highlighted the well-established clichés of the power of discourse in the description of the behavior of workers, the preservation of traditions explaining the negative reactions of the workers the influence of anti-Soviet agitation and lack of assimilation of the party program. The phenomenon of “political passivity” of the workers is interpreted as referring to the strategies of protest, escapism and apathy. It is

noted the change in the political rhetoric of workers, strengthening “ritual” and demonstrative support to the authorities by the end of the 1920s. The conclusion about the influence of political and social factors and personal characteristics on political behavior working, which has affected the implementation of the Soviet political project.

LIFE STRATEGIES; PROTEST; PASSIVITY; POLITICAL LOYALTY; SUPPORT OF AUTHORITIES; THE CHEKA; OGPU; SOVIETPOLITICAL PROJECT.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow, Myisl Publ., 1991. 299 p. (In Russ.)
2. *Normy i tsennosti povsednevnoy zhizni: Stanovleniye sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-e gody* [The norms and values of everyday life: the formation of the socialist way of life in Russia, 1920–1930-ies]. St. Petersburg, Neva Publ., 2000. 479 p. (In Russ.)
3. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 9. Op. 1. D. 460. (In Russ.)
4. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za aprel – may 1923 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1923 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1923]. Available at: <http://istmat.info/node/24546> (accessed 01.08.2014).
5. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za 1927 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1927 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1927]. Available at: <http://istmat.info/node/25639> (accessed 01.08.2014).
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 85. D. 169. (In Russ.)
7. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za sentyabr' 1925 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1925 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1925]. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 2002. Pp. 497–566. (In Russ.)
8. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za noyabr' 1925 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1925 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1925]. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 2002. Pp. 650–705. (In Russ.)
9. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 8. D. 8616. (In Russ.)
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 5. D. 5916. (In Russ.)
11. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za aprel 1926 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1926 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1926]. Available at: <http://istmat.info/node/25582> (accessed 02.08.2014).
12. Obzor politicheskogo sostoyaniya SSSR za iyul 1927 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1927 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1927]. Available at: <http://istmat.info/node/25582> (accessed 02.08.2014).
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 60. D. 826. (In Russ.)
14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 8. D. 8437. (In Russ.)
15. *Rabochiy klass i rabocheye dvizheniye Rossii: istoriya i sovremennost'* [The working class and the labour movement in Russia: History and modernity]. Moscow, [RIG-IZDAT] Publ., 2002. 252 p. (In Russ.)

OFITSEROVA Natalya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: oficernv@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.12

УДК 17:316.7

В.В. Кузнецов, В.Ю. Климов

НАРОД-ОПОЛЧЕНЕЦ ПРОТИВ «РАСЫ ГОСПОД» В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Статья посвящена противоборству традиционного русского способа исторического существования и политической практики «сверхчеловеков», в основе которой лежит идея расового превосходства. Целью работы является исследование человеческого типа, одержавшего победу в Великой Отечественной войне. Показаны некоторые истоки его формирования. Ключевую роль в Победе сыграли моральные факторы, прежде всего честь и достоинство народа-победителя. В качестве методов исследования выступают метод системного анализа, принцип единства исторического и логического, метод культурно-исторического сравнения. Наш народ в результате длительного исторического развития приобрел качества народа-ополченца. Данный концепт является сущностной характеристикой отечественного способа цивилизационного бытия. Понятие «народ-ополченец» характеризует историческое достоинство нашего Отечества. Это достоинство проявилось как на общенациональном, так и на личностном уровне – в судьбах конкретных защитников Родины, среди которых заметную роль сыграли политехники. Противостояние народа-ополченца «расе господ» рассматривается в аспекте духовного противоборства. Именно «дух войска», по справедливому суждению Л.Н. Толстого, определяет исход вооруженной борьбы. Не стала исключением и советская эпоха. Результатом данного исследования является определение роли исторического достоинства нашего народа в формировании «духа войска», ставшего одним из существенных оснований великой Победы.

НАРОД-ОПОЛЧЕНЕЦ; ДОСТОИНСТВО; ЧЕСТЬ; СОВЕТСКАЯ ЭПОХА; «РАСА ГОСПОД»; «ДУХ ВОЙСКА».

Вся более чем тысячелетняя история России – это история войн, которые вынужден был вести наш народ, защищая свое Отечество. Поэтому в русском народе сформировалась постоянная готовность к вооруженной борьбе с врагами. В этих условиях мы не стали народом-армией, как народ Монгольской империи. Армия – это профессиональные воины, для которых война становится главным делом всей жизни. Но Россия, для того чтобы выжить и выстоять в этой суровой борьбе, сумела стать страной-ополчением, а народ – народом-ополченцем. «Ополчение» в отличие от «полка», собственно войска, как оно именовалось в Древней Руси, есть мирный народ, который берет в руки оружие только тогда, когда это жизненно необходимо для спасения страны. Именно так были одержаны победы в Ледовом побоище (1242), на Куликовом поле (1380). Великую роль народное ополчение сыграло в

событиях 1612 года, с его помощью в 1812 году была повержена армия Наполеона. Таким образом, ополчение стало способом жизни России.

Жизнь народа в условиях постоянных угроз подчинялась *принципу чести и достоинства*. Этот принцип стал определяющим для ополчения как российского способа существования. Он стал законом жизни военной империи. Принцип достойного существования человека – это система мер, культивирующих доблестное и героическое поведение. Наряду с воздаянием почестей данная система осуждает недостойное поведение. Недолжное поведение, с одной стороны, предается позору, т. е. публичному презрению (так работает механизм чести), с другой – подлежит проклятию (здесь свою роль играет религиозная традиция). В целом принцип достойного существования можно охарактеризовать как воздающую справедливость. Это принцип справедливости по заслу-

гам. Менталитетная сфера социума закрепляет и культивирует данный принцип как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Героическое поведение культивируется в обществе благодаря существованию многовекового пантеона героев-воинов, мучеников, пожертвовавших своей жизнью за Родину, правду, свободу и справедливость.

Рассмотрим философские основания западной антропологической модели (радикальный вариант ее проявился в нацистской практике) и отечественной модели человека. В нацизме получили воплощение идеи воли к власти «расы господ» и рабства недочеловеков, к которым были отнесены славянские народы. Всему этому противостояла русская идея создания общества без деления на избранных и отверженных. А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и «философия жизни» в целом исходили из того, что коллективный способ жизни людей объясняется слабостью отдельного человека. Сама идея коллективности возникла, по мысли Ницше, как стратегия спасения и выживания слабых людей. К слабым людям могут быть отнесены ребенок, женщина, больной человек и социально незащищенные группы населения в целом [7, с. 44]. Вывод Ницше был выражен в афоризме «Помогай себе сам: тогда поможет тебе и каждый. Принцип любви к ближнему» [5, с. 6]. Но человеческий младенец в отличие от детенышей большинства животных не в состоянии существовать без помощи родителей. Аналогично и человеческое достоинство условием своего формирования имеет деятельную и строгую родительскую любовь и воспитание. Духовная сила человека укрепляется заботой близких, друзей, чувством своей нужности (В.П. Эфроимсон). Человечество иначе просто не смогло бы выжить, не говоря уже о достойном существовании.

Независимо от Ницше данную проблематику разрабатывал русский философ Н.Ф. Фёдоров. Актуальной является мысль философа, что человек должен, прежде чем противопоставлять себя природному миру, «сад Эдемский возделывать и хранить» (Бытие 2:15). Данный подход Фёдорова соответствует духу мировых религий, отличительной чертой которых является органичность, естественность, связь с космосом. Органична и естественна и связь человека с солидарной общностью.

Прозванный московским Сократом, Н.Ф. Фёдоров считал проблему солидарности, взаимопомощи и братства главным вопросом жизни человечества [6, с. 183]. В отличие от Ч. Дарвина, Г.Ф.В. Гегеля и того же Ф. Ницше, Фёдоров полагал, что развитие человека — результат солидарности и любви, а не борьбы. Всякий родившийся человек непременно погиб бы, если бы о нем не позаботились. В отличие от Ницше, Фёдоров видел здесь не исходную человеческую неполноценность, а неповторимое своеобразие человека, ставшее основанием развития культуры [Там же. С. 72].

Идеи социал-дарвинизма, основанные на жесткой конкуренции в борьбе за существование, ведут человечество к взаимоуничтожению. «Человек сделал, по-видимому, всё зло, какое только мог, относительно природы, относительно друг друга». Остановить это зло может общее дело регуляции природы, но без единства, без братства это недостижимо. Человек будет продолжать не регулировать, а эксплуатировать природу для вражды, для братоубийственных войн, «для расхищения ее богатств блудными сынами ради жен» [Там же].

Взаимопомощь, самоотверженность и жертвенность имеют архетип в жертве Иисуса Христа, принесенной во имя спасения всех людей. Потому-то последователи Христа — христиане свое достоинство полагают в способности ответить на дар — добровольную жертву Христа своим добровольным даром самоотверженного служения. Несмотря на все катаклизмы русской революции, советское общество унаследовало от старой России такие черты, как солидарность и ответственность. Ополчение как способ жизни народа основано на коллективизме, взаимопомощи и взаимовыручке.

Доведенный до предела принцип социал-дарвинизма и идея человеческой солидарности столкнулись в XX веке в грандиозном противоборстве. В великой войне нам противостояла сильнейшая за всю историю мира армия. Нацистские поэты называли эсэсовцев «женихами смерти». По свидетельствам наших ветеранов войны, СС были «нечеловечески храброй армией». Мужество врага было основано на безблагодатной нордической мистике Третьего рейха. В фильмах Лени Рифеншталь «Олимпия» и «Триумф воли» показано, как формировался в Германии нацистский дух.

Идея расового превосходства арийцев была крепко вбита в головы миллионов гитлеровских солдат и офицеров. Ветераны войны свидетельствуют, что по-настоящему остревенная борьба с захватчиками началась после того, как они увидели следующее: немецкие солдаты на оккупированной территории открыто справляли нужду, не стесняясь присутствия советских женщин.

Наши ветераны вспоминают: «В первые месяцы войны немецкие солдаты, в своих касках, зеленых шинелях, со своими автоматами, танками, господством в небе, внушали страх. Они казались неодолимыми. Отступление во многом объяснялось этим чувством. У них было превосходство в оружии, но был еще и ореол воина-профессионала. Мы же, ополченцы, выглядели жалко: синие кавалерийские галифе, вместо сапог – ботинки и обмотки. Шинель не по росту, на голове пилотка...

Во время блокады военное мастерство сравнялось. Наши солдаты, голодные, плохо обеспеченные снарядами, удерживали позиции в течение всех 900 дней против сытого, хорошо вооруженного врага уже в силу превосходства духа» [См.: 2, с. 18].

Что же помогло победить в этой войне? Индустриализация и коллективизация явились величайшей ломкой традиционного русского уклада и попыткой радикальной трансформации самого ядра русской культуры. Это имело для страны трагические последствия. Репрессивная система ответственна за большие жертвы.

Но с другой стороны, в течение 10 лет был создан тип современного человека, который характеризуется такими качествами, как точность, дисциплина и ответственность. Индустриализация, коллективизация и создание новой армии были частями большой программы модернизации СССР. Главным в этой модернизации было «превращение человека с крестьянским типом мышления, восприятием времени, стилем труда и поведением – в человека, оперирующего точными отрезками пространства и времени, способного быть включенным в координированные, высокоорганизованные усилия огромных масс людей. То есть в человека, сходного по ряду признаков с человеком современного индустриального общества, способного быть оператором сложной производственной и военной техники» [4, с. 385].

Особенностью советской эпохи явилось то, что советский коллектив пытался взять на себя ответственность за достоинство своих членов. Вспомним яркий эпизод известного кинофильма «А зори здесь тихие» (кстати, в одноименной повести Б. Васильева этого эпизода нет). После того как девушки гневно осудили семнадцатилетнюю Галю Четвертак, проявившую растерянность в своем первом бою, старшина Васков собирается в разведку. Происходит примечательный диалог старшины и Риты Осяниной, много говорящий о самой сути советского уклада. На вопрос Риты, кого он возьмет с собой в разведку, старшина отвечает: «Хороший ты боец, Осянина, а устава не знаешь. А устав говорит о том, что командир еще и воспитателем быть обязан». Рита сразу поняла, что старшина хочет взять с собой Галю, и решительно возразила: «Не надо! Лучше с Женькой». «Конечно, лучше, – со вздохом соглашается Васков и, тем не менее, добавляет: – **Не можем мы допустить, чтобы человек уважать себя перестал**». Эпизод заканчивается трагически: Галя погибает, не сумев преодолеть непереносимый ужас. Этот эпизод показывает границы возможностей солидарной общности: человек есть дух. Сильный дух может помочь более слабому, но заменить его и совершить за него поступок он не может. Именно в этом заключается принцип духовной автономии, выявленный И. Кантом, а в русской философии подробно разработанный И.А. Ильиным. Человек может совершить духовное усилие лишь самостоятельно, основываясь на ценности, которую он добровольно принимает и делает своей. Но помочь другому человеку человек может и должен. Советский опыт дал множество примеров, когда солидарная поддержка всё же помогла. Вспомним, как презрительный окрик Гули Королёвой, героини книги Е. Ильиной «Четвертая высота», помог молодому оробевшему красноармейцу справиться со своим страхом. До сих пор малоисследованным остается удивительное соединение императива сталинской эпохи, который проявился в диктатуре «надо», т. е. приказ должен быть выполнен любой ценой, и личного духовного усилия советского человека, осознавшего этот приказ как свой долг. Может быть, именно в этом один из секретов великой Победы.

Советский уклад культивировал именно личность, способную к сверхчеловеческому

служению, способную на предельное усилие во имя общего дела. Именно на такую личность опирался советский строй в самые критические годы своего существования: Гражданская война, индустриализация и коллективизация, наконец, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление в условиях начавшегося противоборства двух сверхдержав. Но человек, способный к сверхчеловеческому служению, по определению есть человек незаурядный. Он никак не может быть бездумным исполнителем, послушным «винтиком» государственного механизма. Это человек свободный и самостоятельный, способный при любых обстоятельствах отстоять свое достоинство, даже если при этом необходимо пойти против общего мнения коллектива и даже власти. Такие люди воевали в народном ополчении во время Великой Отечественной войны. Писатель-фронтовик Д.А. Гранин, воевавший в Первой дивизии народного ополчения, приводит воспоминания своего боевого друга В. Бескончина: «Ополченцы исключительный был народ... они лучше всяких солдат... Сколько потом воевал в разных частях, таких не видал» [См.: 3, с. 22–23]. С ними было трудно кадровым командирам Красной армии, которые не всегда понимали, что ополченцы еще не привыкли к военной иерархии. Для них совещания у командира части были как производственные совещания, на которых командиры-ополченцы высказывали свое мнение, не считаясь ни с какими авторитетами. Идея создания народного ополчения родилась в Ленинграде. Предполагалось формирование гражданской армии из добровольцев, которая после прохождения общей подготовки будет направлена на фронт или использована для обеспечения безопасности в нашем тылу. Ополченцы понесли огромные потери при обороне Лужского рубежа, но сумели вместе с частями Красной армии задержать немецкое наступление.

Власти был необходим человеческий тип, способный к жертвенному служению, которое приобрело в советскую эпоху поистине сверхчеловеческий характер. От советского человека часто требовалось выполнение невозможного. Героев всегда немного, но «если страна прикажет, у нас героем становится любой». В предельных ситуациях существования советского строя положение спасал не «новый человек», а скорее традиционный служилый человек «московско-

го типа» (Г.П. Федотов), способный к безграничному терпению и жертвенности. На людях подобного типа держалась Россия в самые трагические периоды своего существования.

Воздействие советского уклада на личность человека советской эпохи являлось антиномичным. С одной стороны, тоталитарная система стремилась к подавлению личности, унификации и нивелированию. Именно незаурядный человек в сталинские годы подвергался наибольшей опасности. Парадокс существования советского человека заключался в следующем: чтобы стать личностью нового типа, нужно было отказаться от всего личного, т. е. от личности (А.Д. Синявский).

С другой стороны, сживая со света личность, тоталитарная система на личность в первую очередь и опиралась в критические моменты своего существования. Всячески культивировался тип советского героя, на котором воспитывались поколения, выигравшие войну и создавшие мировую сверхдержаву. В религиозном смысле это был тип подвижника и страстотерпца (А.Л. Казин).

Ни с чем не сравнимые трагизм и мужество проявились в судьбе Ленинграда. Предполагалось окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей... В этой войне, ведущейся за право на существование, фашисты не были заинтересованы в сохранении хотя бы части населения. В суровых испытаниях блокады в полной мере проявилось человеческое достоинство ленинградцев. Для защитников Ленинграда и его жителей стала жестокой необходимостью готовность совершить невозможное. Жители блокадного города сумели преодолеть в себе всё низменное, оставаясь людьми в нечеловеческих условиях.

Поколение, победившее в Великой Отечественной войне, выросло с сознанием **главной ценности** в своей душе. Этим главным было чувство осмысленности собственной жизни, в которой были ценности более значимые, чем покой, благополучие и даже сама жизнь.

Народ-ополченец ведет элита, которая рождается при ответе на исторический вызов. Она должна быть способна сформулировать ответ и осуществить его. Элита (в подлинном смысле данного понятия) предполагает жест-

кое следование принципу чести и достоинства, который в пределе требует жертвенности. В боевых действиях в годы Великой Отечественной войны участвовали 3 тыс. политехников, из них около 500 человек не вернулись с фронта. 17 политехников стали Героями Советского Союза, и среди них знаменитый летчик И.А. Лакеев, воевавший в небе над Ленинградом. Будущий Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза П.С. Кутахов воевал на Карельском фронте.

В Петроградском политехническом институте в 1916 году учился будущий Маршал Советского Союза Л.А. Говоров, командующий Ленинградским фронтом во время Великой Отечественной войны. Он сыграл большую роль в операциях по прорыву фашистской блокады в январе 1943 года и полному освобождению от

нее Ленинграда в 1944 году. Разведчик Ленинградского фронта Г.И. Филиппов выжил после тяжелейшего ранения головы. Осколок отделил всю верхушку черепа, и хирург при осмотре видел его мозг, который тоже был задет. Но герой не только выжил, но и вернулся в строй и снова воевал [1, с. 56–57].

Пример политехников – героев войны и жителей блокадного Ленинграда – это основа для формирования нового поколения российской интеллигенции как интеллигенции великих свершений. Это основа для формирования новой элиты, которая поведет страну в XXI веке. Тип человека, создавшего страну, бывшую мировым лидером в XX веке, победившего в великой войне, пронесшего в себе трагизм и величие своей эпохи, заслуживает безусловного внимания, интереса и уважения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Воспоминания** политехников – ветеранов Великой Отечественной войны / сост. А.А. Бочаров, С.Л. Чечурин. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. 464 с.
2. **Гранин Д.А.** Мой лейтенант. СПб.: Амфора, 2015. 320 с.
3. **Гранин Д.А.** Человек не отсюда. СПб.: Лениздат, 2014. 347 с.
4. **Кара-Мурза С.Г.** Советская цивилизация. В 2 т. Т. 1. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 640 с.
5. **Ницше Ф.** Сумерки идолов или как философствуют молотом. СПб., 1901. 362 с.
6. **Фёдоров Н.Ф.** Сочинения. В 4 т. Т. 1 / предисл. С.Г. Семёновой, сост., коммент. и науч. подготовка текста С.Г. Семёновой и А.Г. Гачёвой. М.: Прогресс, 1995. 518 с.
7. **Чечулин А.В.** Негативная антропология: моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 1999. 159 с.

КУЗНЕЦОВ Владимир Викторович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

КЛИМОВ Валерий Юрьевич – кандидат исторических наук, директор Историко-технического музея Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: klimov.vu@mail.ru

V.V. Kuznetsov, V.Yu. Klimov

THE PEOPLE-MILITIA AGAINST THE "MASTER RACE" IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article deals with a confrontation of traditional Russian method of historical existence, and the political practice of "superman", which is based on the idea of racial superiority. The aim is to study the human type, who won the Great Patriotic War. Showing some of the sources of its formation. A key role in the victory played a moral factors, above all, honor and dignity of the people-winner. As research methods are the method of system analysis, the principle of the unity of the historical and logical method of cultural and historical comparison. Our people as a result of a long historical development has got quality people-volunteer. This concept is an essential characteristic of the domestic ways of civilized existence. The concept of "people-militia" characterizes the historical dignity of our homeland. This advantage is manifested both on the national and on a personal level in the fate of specific defenders of the homeland, among them a prominent role played by polytechnics. Confronting people's militias "master race" is seen in the aspect of spiritual warfare. It is the "spirit of the army", according to the just judgment of Leo Tolstoy, determines the outcome of the armed struggle. I was no exception and the Soviet era. The result of this study is to identify the role of the historic dignity of our people in the formation of the "spirit of the troops," which has become one of the essential foundations of the Great Victory.

PEOPLE-MILITIA; THE DIGNITY; THE HONOR; THE SOVIET ERA; "MASTER RACE"; THE "SPIRIT OF THE TROOPS".

REFERENCES

1. [Memoirs of politechniks – veterans of the Great Patriotic War]. St. Petersburg, Publishing house Polytechnic Univ., 2010. 464 p. (In Russ.)
2. Granin D.A. *Moy leytenant* [My lieutenant]. St. Petersburg, Amphora Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
3. Granin D.A. *Chelovek ne otsyuda*. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2014. 347 p. (In Russ.)
4. Kara-murza S.G. *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2002. 640 p. (In Russ.)
5. Nitsche F. *Sumerki idolov ili kak filosofstvuyut molotom*. St. Petersburg, 1901. 362 p. (In Russ.)
6. Feodorov N.F. [Works]. In 4 vol. Of vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1995. 518 p. (In Russ.)
7. Chechulin A.V. *Negativnaya antropologiya* [Negative anthropology]. St. Petersburg, Publishing house RSPU of A.I. Herzen. 1999. 159 p. (In Russ.)

KUZNETSOV Vladimir V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

KLIMOV Valeriy Yu. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: klimov.vu@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.13

УДК 94(47) «1905»

Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1905 ГОДУ*

Статья посвящена истории Санкт-Петербургского университета в период революционных потрясений 1905 г. На основе анализа широкого круга источников, и прежде всего периодической печати, являвшейся мощнейшим средством формирования общественного мнения среди различных слоев населения страны, исследован вопрос о роли профессорской корпорации университета в революционных событиях. Авторы пришли к выводу, что идея автономии, за которую боролась профессура, оказалась поддержанной не только либеральной, но и правой прессой, утверждавшей в общественном мнении прямую связь между университетской свободой и стабильностью. При этом, получив автономию по Временным университетским правилам 27 августа, профессура лишь расширила список своих требований к власти, но не смогла дать отпор более радикально настроенному по отношению к правящему режиму студенчеству, что привело к закрытию университета.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА; ИСТОРИЯ НАУКИ; РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГГ.; РЕВОЛЮЦИОННОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Роль Санкт-Петербургского университета в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг., равно как и высшей школы в целом, регулярно привлекает внимание исследователей [См., например: 1–13]. Одновременно источниковая база большинства подобных работ не включает в себя целый ряд важных материалов. Исследователи традиционно опираются на труды участников происходивших событий – А. Дьяконова, В. Горохова и Г. Энгеля [14, 15], либо на хронику, представленную во внутри-университетской документации [16]. Существенную роль играют и многочисленные архивные источники – документы Министерства народного просвещения (МНП), Министерства внутренних дел (МВД), различных политических партий, отдельных участников событий. При подобном многообразии используемых в исследованиях материалов остается практически без внимания еще один важнейший источник – периодическая печать. В рассматриваемый период пресса являлась основным средством про-

паганды тех или иных политических взглядов и формирования общественного мнения. Не случайно как П.Н. Милюков, так и В.И. Ленин признавали решающую роль в успехе пропаганды идей своих партий за их печатными органами – соответственно газетами «Речь» и «Правда» [17, с. 25]. Только пресса могла транслировать достаточно значительной аудитории информацию о происходящих в стране событиях, именно она была мощнейшим источником формирования общественного мнения среди различных слоев населения страны.

Наиболее интересным и неоднозначно трактуемым является вопрос участия членов университетской корпорации в революционных событиях. Долгое время в отечественной историографии он оставался в тени центральной темы университетской истории – студенческого движения. Одновременно отношение к роли профессуры слишком часто подвергалось изменениям, зависевшим от идеологической конъюнктуры. Так, если для исторической науки 1930-х гг. характерен образ «реакционной профессуры», саботирующей революцию, то в 1960–1970-х гг. начинают подчеркиваться антиправительственные и либеральные взгляды подавляющего большинства представителей

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00218 «Санкт-Петербургский университет в Революции 1905–1907 гг.»).

корпорации. Попробуем преимущественно на основе материалов прессы выявить роль в революционных событиях 1905 г. различных акторов — профессуры, власти, общественности и студенчества.

Среди членов преподавательской корпорации, равно как и среди студенчества, доминировало оппозиционное отношение к власти. Наиболее ярким примером в этом плане является партия кадетов, которую иногда даже называли «профессорской». Из 54 членов ее ЦК первого созыва 22 человека (40,7 %) были представителями высшей школы, элиты русской интеллигенции. За всю историю партии в составе ее руководящего органа доля представителей академической корпорации в среднем составляла около одной трети [18].

Накануне революции трибуна университетского преподавателя всё больше становилась местом общественной пропаганды. В этом смысле, например, особенно показательны публичные лекции о Французской революции приват-доцента Е.В. Тарле, которые он читал в 1904–1905 гг. Эти лекции собирали огромную аудиторию в актовом зале Петербургского университета [19, с. 3; 20, с. 29–30]. Как известно, члены университетской корпорации приняли участие (хотя и весьма ограниченное в сравнении с членами московской профессорской коллегии) в целом ряде либеральных общественных проектов начала XX в. [См.: 21; 22, с. 64–66; 7, с. 214–219]. Например, профессор И.М. Гревс, наряду с другими деятелями русской радикально-либеральной интеллигенции, был одним из организаторов созданного в 1903 г. в Швейцарии так называемого «Союза освобождения» [См., например: 23, с. 31]. Петербургские профессора в большинстве своем подписали (или впоследствии присоединились) известную «Записку 342» о нуждах просвещения. В ней декларировались либеральные принципы, в том числе идея «академической свободы», которая, по словам авторов «Записки», «несовместима с современным государственным строем России» [24].

Несмотря на определенные расхождения в политических взглядах, научное сообщество неизменно сохраняло способность к консолидации, особенно когда речь шла об общекорпоративных интересах. Ярким примером этого являются события 1905 г., когда в условиях не-

обходимости постоянного лавирования между требованиями властей и революционного студенчества университетское ученое сообщество последовательно отстаивало требование автономии высшей школы.

В годы революции профессура Петербургского университета воспринимала себя не только как интеллектуальную, но отчасти и как общественно-политическую элиту. В связи с этим она не могла не сочувствовать антиправительственным настроениям, охватившим значительную часть общества. Так, Профессорский совет Петроградского университета выступил с публичными заявлениями в защиту студентов, подвергнутых «избиениям полиции» 9 января и в последующие дни [16, с. 17–18]. Одновременно он постоянно откладывал решение вопроса о возобновлении чтения лекций в университете, на чем настаивала власть [16, с. 12, 16–17, 22–23, 26–31], тем самым фактически поощряя студентов к продолжению протестов и пытаясь использовать их для решения своих задач. Намного более радикальной позиции придерживались младшие преподаватели. Они были основной силой Санкт-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов и доцентов высших учебных заведений, принявшего на собрании 16 января 1905 г. крайне резкую и почти революционную по тону резолюцию в адрес власти, организовавшей 9 января «бойню мирных граждан» [См.: 25, л. 62]. Именно приват-доценты А.Ф. Мейендорф, М.Н. Сперанский и Е.В. Тарле приняли активное участие в крупнейшей политической забастовке в университете 7 февраля, а последний был избран ее почетным председателем.

Обзор прессы показывает, что университетский вопрос находился в центре внимания прежде всего правой печати — газет «Свет» и «Новое время». В частности, в хронике «Нового времени» первой прошла информация о сходке 7 февраля [26, с. 3], в то время как официальный «Правительственный вестник» ее вообще «не заметил». На следующий день редактор «Нового времени» А.С. Суворин выразил в статье свое отношение к забастовке, отметив, что самыми замечательными там были песни и что было бы «совсем превосходно, если б студенты пели во все время сходки и ничего не говорили» [27, с. 3]. Также публиковались письма в редакцию от представителей университета, выступав-

ших против забастовки. Так, было напечатано письмо профессора Б.М. Мелиоранского [28, с. 3] — точнее, перепечатано опубликованное в предыдущий день без подписи, подтверждающее мнение А.С. Суворина о произошедшем [29, с. 4–5].

Либеральная печать, ретранслировавшая взгляды большей части профессуры, события в университете описывала очень скудно. Из столичных газет наибольшую активность демонстрировал умеренный «Петербургский листок». Так, 26 января он сообщил о том, что некоторые профессора университета обратились к министру народного просвещения с просьбой о возвращении в университеты студентов, уволенных после 19 февраля 1904 г., ссылаясь на высочайший манифест 11 августа 1904 г. [30, с. 4]. В «Петербургском листке» информация о студенческих сходках и волнениях подавалась так, что педагогическое начальство высших учебных заведений идет навстречу желанию студентов прекратить занятия, т. е. студенты являются инициаторами данного решения, а университетская администрация всего лишь согласовывает его [31, с. 3].

В правой печати активно начал формироваться образ преподавательской корпорации, подогревающей волнения молодежи. 19 января «Свет» сообщил, что начало занятий в весеннем семестре было отложено на неопределенное время [32, с. 4], а на следующий день уже отметил, что занятия в 1905 г. вовсе не возобновятся, связывая это с заявлением профессоров в университетском совете [33, с. 4]. «Новое время» поместило информацию о собрании 105 приват-доцентов и лаборантов университета в Физическом институте 3 февраля, на котором большинством голосов было принято решение о прекращении занятий до 1 сентября [26, с. 2]. 9 февраля А. Суворин вновь обрушился на интеллигенцию с критикой: «Вся надежда молодежи и взрослых на лучшее будущее заключается в забастовках и ничего не делании. Такова уж наша интеллигенция: она хочет получить революцию или конституцию при помощи забастовок» [27, с. 3]. Подобная позиция была характерна для всех правых публицистов и политиков. Их целью было показать, что университет есть враждебное порядку учреждение, а профессура и студенчество должны быть поставлены под жесткий полицейский контроль,

как это было в 1880–1890-е гг. Наиболее ярко эти идеи выразил лидер правых В.М. Пуришкевич. Причины масштабности студенческих волнений 1905 г. он видел в поддержке студентов со стороны профессуры, которая и после событий 9 января симпатизировала радикальному студенческому движению [34, с. 27].

Постоянно менявшаяся обстановка в стране заставляла власть идти на всё большие уступки обществу и вынуждала к большей умеренности в своих «карательных» действиях¹. В итоге ректор А.М. Жданов и инспектор студентов М.П. Лыцов получили лишь «высочайший выговор», а всему университету было объявлено «высочайшее неудовольствие» [36, с. 189–190], что, в свою очередь, вновь было воспринято университетской корпорацией как давление властей. В этих условиях администрация университета, и прежде всего А.М. Жданов, оказалась в трудном положении, будучи вынужденной лавировать между корпорацией и министерством. Так, с одной стороны, Жданов предпринял меры к прекращению деятельности «Санкт-Петербургского общества лаборантов и доцентов высших учебных заведений» в стенах университета, которая в январе — феврале 1905 г. стала носить откровенно антиправительственный характер², с другой стороны, в целом не отклонялся от общей позиции большинства Профессорского совета. В середине февраля 23 профессора Петербургского университета выступили с публичным заявлением о том, что они «не сочувствуют забастовке против науки, но признают нравственно невозможными для себя занятия при нынешних обстоятельствах» [Цит. по: 3, с. 118]. Ответом правительства стал высочайший указ от 16 апреля, который угрожал увольнением не только студентам, но и профессорам в том случае, если занятия не будут возобновлены осенью [39]. В правительственных сферах обсуждение этой меры носило вполне серьезный характер [40, с. 58–59].

¹ Р.Ш. Ганелин полагает, что от репрессий университет спасло изменение обстановки в стране, связанное с изданием известного рескрипта 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о созыве народного представительства [35].

² См. переписку по этому поводу между ректором и попечителем и председателем Общества приват-доцентом Н.О. Лосским [37, л. 61–74; 38].

Итак, в течение всего весеннего семестра 1904/05 учебного года университет был закрыт и «передовое студенчество с головой окунулось в революционную работу» [41, с. 164], чему профессорско-преподавательская корпорация нимало не мешала. С одной стороны, ее позиция, равно как и позиция либеральной прессы, объяснялась идеалами «университетской автономии», ставившими университет над социальными и политическими конфликтами, с другой — колебаниями, вызванными боязнью возможных последствий радикализации ситуации.

В период относительного затишья — с конца марта по июнь — интенсивность сообщений в прессе об университетской жизни существенно снижается. Дискуссии об оценке роли профессорско-преподавательской корпорации заменяются сообщениями об обсуждении возможности принятия нового университетского устава, чего явно хотела профессура. При этом наиболее активно этот вопрос вновь освещался на страницах правой печати. «Новое время» 9 марта сообщило о состоявшемся двумя днями ранее у министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова частном совещании министров, в ведомстве которых находятся высшие учебные заведения, и о том, что в настоящее время все университетские советы единогласно ответили, что они не считают «достаточно обеспеченным правильное течение академической жизни» и что окончательное решение будет принято на следующей неделе особым совещанием министров. Возможно, полагали они, тогда университеты вернутся к уставу 1863 г., дающему профессорам свободу в распределении внутреннего распорядка академической жизни [42, с. 3]. В одном из писем в редакцию «Нового времени» высказывались размышления об исходных точках реформы высшей школы — дать истинную академическую автономию, а не ту, которая была в уставе 1863 г., организовать наилучшим образом именно учебно-воспитательную часть [43, с. 3].

27 марта в либеральных «Русских ведомостях» был проанонсирован съезд представителей университетов в Петербурге [44, с. 2]. 30 марта «Новое время» рассказало о состоявшемся съезде профессоров высших учебных заведений России — было до 200 человек, большинство высказалось отрицательно о студенческих забастовках

в качестве средства политической борьбы, но при этом нашло невозможным открыть университеты до вступления политической жизни страны в нормальную колею [45, с. 3–4].

В июне 1905 г. МНП, не будучи в силах в сложившейся общественной обстановке контролировать высшую школу, выработало план введения ограниченной университетской автономии [46, с. 4]. В этом оно видело способ не только успокоить ситуацию, но и переложить ответственность за последующие события на профессуру. При этом профессорская корпорация во многом по-иному трактовала предполагаемые правила, видя в них лишь получение долгожданной свободы, самостоятельности в решении научных, учебных и административно-хозяйственных вопросов, но никак не новые обязательства. В центристской «Петербургской газете» в середине июля была опубликована заметка о ходе работы над новым уставом, однако подробности не разглашались в связи с указом министра [47, с. 5]. В заметке приводился комментарий университетского профессора, академика А.С. Фаминцына: «Университету должна быть дана полная автономия по устройству учебной и учебной части с достаточным бюджетом на потребные расходы и с ученым персоналом, настолько обеспеченным, чтобы он мог посвящать все свои силы просвещению, члены учебной университетской корпорации должны быть избавлены от ответственности за студенческие беспорядки, а равно и от надзора за студенческими учреждениями. В университете должна быть введена свобода обучения и свобода учения» [Там же].

18 августа предложения министерства были одобрены императором, 26 августа новые «Временные правила об управлении университетами» были приняты Советом министров, а на следующий день вышел высочайший указ, вводивший их в действие [См. об этом, например: 1, с. 157–158; 3, с. 126]. Эти правила восстанавливали основы университетского самоуправления, утраченные в 1884 г., включая выборность ректора и деканов [48, с. 3]. Началась эпоха «автономного университета», ставшего одним из основных центров революции в Петербурге. Во многом именно благодаря прессе во всех политических кругах это приняли с радостью. Вот что писало по этому поводу «Новое время»: «Умиротворяющая сила новых университетских

правил сказала с быстротой, какой нельзя было ожидать: очевидно, что отсутствие самостоятельности профессорской коллегии стояло постоянным раздражителем перед студенчеством, дразнило его, как красное сукно быка. Не уважался учитель, и в этом видели себя оскорбленными ученики» [49, с. 3].

Тем не менее вопреки ожиданиям успокоения не произошло. Добившись долгожданной автономии, профессура стала активно пропагандировать идею о том, что это лишь часть реформ, необходимых как высшей школе, так и стране в целом. Либеральная пресса положительно оценивала указ от 27 августа [См., например: 50, с. 2], но одновременно замечала, что автономия не поможет, если не будет «умиротворения общественного» [См.: 51, с. 1; 52, с. 4; 53, с. 3; 54, с. 3]. Как подчеркивал новый декан юридического факультета Л.И. Петражицкий, «занятия прерывались, как вам известно, не только вследствие дефектов университетского строя. Нормальная жизнь и деятельность университетов были главным образом нарушены по причинам более глубоким, имеющим отношение ко всей политической жизни страны... От политической жизни страны, вероятно, будет зависеть и жизнь университета» [55, с. 2].

Не хотели довольствоваться лишь автономией и радикальные круги, особенно студенчество и ряд младших преподавателей, так и не допущенных к управлению университетом. Они настаивали на том, что реформа должна продолжаться и углубляться [См.: 51, с. 1; 56, с. 2; 57, с. 1; 58, с. 3; 59, с. 2–3].

Профессура, на словах сочувствуя студентам [60, с. 4; 61, с. 3], не стремилась к радикализации обстановки. В частности, серьезные опасения с ее стороны вызывал вопрос о списках профессоров, подлежащих увольнению из университета по решению революционно настроенной студенческой молодежи, и прогрессивных деятелей, которых надо было пригласить в университет. Студенты просто срывали лекции не понравившихся им профессоров. В частности, «Петербургский листок» сообщал: «20 сентября в С.-Петербургском университете на лекции профессора Георгиевского разыгрался следующий инцидент. Когда профессор явился в аудиторию и вышел на кафедру, раздались возгласы собравшихся студентов: „Бойкот! Бойкот! Бойкот!“ Профессор стал объясняться,

указывая, что он не понят студентами, что он никогда не был противником прогрессивных веяний и т. д. Тем не менее ввиду решительного протеста со стороны студентов профессор покинул аудиторию» [62, с. 2]. Похожая ситуация произошла и с философом А.И. Введенским, которому пришлось оправдываться перед студентами [63, с. 4]. Некоторым из опальных профессоров удавалось приступить к чтению лекций без последствий, некоторым не повезло, и их лекции всё равно срывали.

Либеральная печать первоначально благожелательно сообщала о политических сдвигках в университетских стенах [См., например: 64, с. 3; 65, с. 4; 66, с. 3]. Однако уже с середины сентября тон публикаций становится более осторожным. Начиная с 20-х чисел сентября в либеральных газетах появляются заявления о необходимости «беречь университет». Например, «Биржевые ведомости» 21 сентября дали изложение речи проф. Л.И. Петражицкого: «Нет никакого сомнения, что без лекций невозможно существование университета. Я знаю, что в сферах, от которых зависит управление университетом, существует решимость не допустить до прекращения лекций. Не касаясь мотивов, вызвавших такое решение, я, как ученый, должен сказать, что усматриваю здесь отсутствие уважения к науке. Однако не всегда наши планы осуществляются. Участие посторонних лиц в сдвигках заставляет меня выразить опасение за дальнейшую судьбу университета. Начальство принуждено будет закрыть его» [67, с. 2]. Профессор закончил свою речь пожеланием, чтобы этого перерыва не было, а студенчество постаралось не вызвать его, помня всегда о необходимой осторожности.

Заигрывание профессуры с радикально настроенными студентами привело к тому, что многие из членов корпорации сами оказались под ударом. Аудитории превращались в места митингов, в которых помимо студентов принимали участие другие слои городского населения, в частности рабочие. Студенчество открыто заявляло о своем требовании стать хозяином в университете, и помешать этому «освобожденная» профессура оказалась не в состоянии.

Таким образом, именно правая печать, нагнетая атмосферу вокруг университетов, в итоге, сама того не желая, оказала профессорско-преподавательской корпорации большую

услугу. Власть увидела в предоставлении долгожданной автономии путь выхода не только из университетского, но и в определенной степени из социально-политического кризиса. Многолетняя борьба за свободу от вмешательства власти, которую вело университетское сообщество, окончилась успехом благодаря тому, что оно оставалось «в тени» в период революционных потрясений 1905 г. Идея университета «вне политики» поддерживалась как либеральной, так и правой прессой. Последняя, критикуя корпорацию за поддержку революционного студенчества и отказ восстанавливать занятия в университете, способствовала утверждению в общественном мнении прямой связи меж-

ду автономией и стабильностью [См. более подробный анализ прессы: 68]. Значительное влияние она оказала и на власть, в итоге пожелавшую путем предоставления автономии переложить ответственность за происходящее в университетах на профессию, что было закреплено Временными университетскими правилами 27 августа. В результате профессура лишь расширяла список своих требований к власти, но не смогла (да, вероятно, и не хотела) дать отпор революционному студенчеству. Итогом развития этой ситуации стал революционный хаос, охвативший университет в 1905 г., что привело к его закрытию властью почти на год — до осени 1906 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Яковлев В.П.** Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестн. ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157–164.
2. **Гусятников П.С.** Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971.
3. **Иванов А.Е.** Университеты в России в 1905 г. // Истор. зап. Т. 88. М., 1971. С. 114–149.
4. **Бондаревская Т.П.** Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975.
5. **Петербургский университет и революционное движение в России** / отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Л., 1979.
6. **Рогозин Н.И.** Политическая борьба за молодежь России. 1903–1917. М., 1989.
7. **Kassow S.D.** Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.
8. **Morrissey S.K.** Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N. Y., 1991.
9. **Шевырев А.П.** Праздники непослушания: студенческие беспорядки в городском пространстве Петербурга в 1861–1905 гг. // Санкт-Петерб. ун-т в XVIII–XX вв.: европ. традиции и рос. контекст. Мат. междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 148–162.
10. **Павлицкая Н.И.** Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестн. ЛГУ. 1948. № 11. С. 138–156.
11. **Сладкевич Н.Г.** Петербургский университет в 1905 г. // Вестн. ЛГУ. 1955. № 3. С. 23–35.
12. **Энгель Г.А.** 1905 год и студенческое движение в Петербурге // Ленингр. ун-т в воспом. соврем. В 3 т. Т. 2 / под ред. В.В. Мавродина, В.А. Ежова. Л., 1982. С. 68–79.
13. **Яковлев В.П.** Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестн. ЛГУ. 1980. № 2. История, языковедение, литература. Вып. 1. С. 19–25.
14. **Горохов В., Энгель Г.** Из истории студенческого движения 1899–1906 гг. СПб., 1906.
15. **Дьяконов А.** 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907.
16. **Журналы заседаний Совета Имп. Санкт-Петерб. ун-та за 1905 г.** СПб., 1907.
17. **Daly J.W.** Government, Press, and Subversion in Russia, 1906–1917 // J. of The Historical Society. Vol. 9. Iss. 1. 2009. March. P. 23–65.
18. **Иванов А.** Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (44). Некоммерческий лит. интернет-проект «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/iv11.html> (дата обращения: 13.04.15).
19. **Каганович Б.С.** Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.
20. **Чапкевич Е.И.** Евгений Викторович Тарле. М., 1977.
21. **Либеральное движение в России. 1902–1905 гг.** Документы и материалы. М., 2001.
22. **Иванов А.Е.** Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX в.: общественно-политический обмен // История СССР. 1990. № 5. С. 60–76.
23. **Каганович Б.С.** Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.
24. **Наши дни.** 1905. 19 января.
25. **Резолюция** Общего собрания Санкт-Петерб. об-ва взаимопомощи лаборантов высш. учеб. заведений. 16 января 1905 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182.
26. **Хроника** // Новое время. 1905. 4 февраля.
27. **Суворин А.** Маленькие письма. DLXII // Новое время. 1905. 9 февраля.

28. **Мелиоранский Б.** О прекращении занятий в высших учебных заведениях. Письма в редакцию // Новое время. 1905. 10 февраля.
29. **О прекращении** занятий в высших учебных заведениях. Письмо в редакцию // Новое время. 1905. 9 февраля.
30. **Городские** дела. Ходатайство профессоров // Петерб. листок. 1905. 26 января.
31. **Городские** дела. В высших учебных заведениях // Петерб. листок. 1905. 29 января.
32. **Хроника** // Свет. 1905. 19 января.
33. **Хроника** // Свет. 1905. 20 января.
34. **Пуришкевич В.М.** Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.
35. **Ганелин Р.Ш.** Петербургский университет и правительственная политика: из истории студенческого движения // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Т. 6. Л., 1989. С. 119–128.
36. **Ленинградский** университет в воспоминаниях современников. В 3 т. Т. 2 / под ред. В.В. Мавродина, В.А. Ежова. Л., 1982.
37. **Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).** Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182.
38. **Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).** Ф. 14. Оп. 1. Д. 9947. По поводу постановления доцентов, лаборантов и проч. 3 февраля 1905 г.
39. **Яковлев В.П.** Николай Васильевич Крыленко // Петерб. ун-т и революц. движение в России. Л., 1979. С. 153–161.
40. **Киреев А.А.** Дневник. 1905–1910. М., 2010.
41. **История** Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969.
42. **Прекращение** академических занятий до 1 сентября // Новое время. 1905. 9 марта.
43. **Реформа** наших университетов // Новое время. 1905. 21 марта.
44. **Внутренние** известия // Русские ведомости. 1905. 27 марта.
45. **Хроника** // Новое время. 1905. 30 марта.
46. **Листок.** Университетский устав // Петерб. листок. 1905. 23 июня.
47. **Интересы** дня. К университетскому вопросу // Петерб. газ. 1905. 16 июля.
48. **Правительственные** известия // Петерб. газ. 1905. 29 августа.
49. **Розанов В.** К университетской реформе // Новое время. 1905. 7 сентября.
50. **В высших** учебных заведениях // Петерб. листок. 1905. 3 сентября.
51. **В совете** профессоров // Бирж. вед. 1905. 3 сентября.
52. **Из газет.** Наиважнейший принцип университетской реформы // Бирж. вед. 1905. 3 сентября.
53. **Из газет.** Резолюция совета петербургского университета по поводу указа 27 августа // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
54. **Эсбе.** К университетской реформе. Беседа с проф. Гезехусом // Бирж. вед. 1905. 8 сентября.
55. **У новых** деканов (Из бесед). У профессора Л.И. Петражицкого // Петерб. листок. 1905. 13 сентября.
56. **Меланхолик.** Эхо // Петерб. листок. 1905. 6 сентября.
57. **Анзимиров В.** Ненужный «институт» // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
58. **Хроника.** Распространение учебной автономии на все высшие школы // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
59. **Протей.** Дневник // Бирж. вед. 1905. 7 сентября.
60. **Из газет.** В каких формах желательно общение профессоров и студентов // Бирж. вед. 1905. 8 сентября.
61. **Студенческие** дела. Начало занятий в университете // Бирж. вед. 1905. 20 сентября.
62. **Листок.** Случай в университете // Петерб. листок. 1905. 21 сентября.
63. **Письма** в редакцию. Профессор Александр Введенский // Бирж. вед. 1905. 22 сентября.
64. **Хроника.** Сходка в университете // Бирж. вед. 1905. 13 сентября.
65. **Студенческие** сходки. Сходка в университете // Бирж. вед. 1905. 14 сентября.
66. **Вчерашние** сходки. Сходка студентов в университете // Петерб. листок. 1905. 14 сентября.
67. **Студенческие** дела. В СПб. университете // Бирж. вед. 1905. 21 сентября.
68. **Ростовцев Е.А., Андреева В.В.** Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10. С. 3–14.

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: rostovtsev@hotmail.ru

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: chubber@yandex.ru

E.A. Rostovtsev, I.V. Sidorchuk

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY IN 1905

The article is devoted to the history of St. Petersburg University in the period of revolutionary upheavals in 1905. The research based on the analysis of a wide range of historical sources and, above all, the press as the most powerful tool for shaping public opinion among the various sectors of the country. The authors investigated the role of a professor corporation of St. Petersburg University in the revolutionary events. The authors conclude that the idea of university autonomy, the main aim of professor corporation, was supported not only by liberal but also the conservative press, which had formed in public opinion a direct link between autonomy and stability. At the same time, after adoption of Provisional Regulations on August 27 professors only expanded the list of their demands to the government. At the same time they could not fight back more aggressive students, which led to the closure of the university.

ST. PETERSBURG UNIVERSITY; HISTORY OF THE ST. PETERSBURG UNIVERSITY; HISTORY OF SCIENCE; FIRST RUSSIAN REVOLUTION, 1905–1907; STUDENT MOVEMENT IN RUSSIA.

REFERENCES

1. Yakovlev V.P. Politika tsarskogo pravitelstva v universitetskom voprose (1905–1910). *Vestnik LGU*, 1969, no. 2, pt. 1, pp. 157–164. (In Russ.)
2. Gusyatinikov P.S. Revolyutsionnoye studencheskoye dvizheniye v Rossii. 1899–1907. Moscow, 1971. (In Russ.)
3. Ivanov A.Ye. Universitety v Rossii v 1905 g. *Istoricheskiye zapiski*. Of vol. 88. Moscow, 1971. Pp. 114–149. (In Russ.)
4. Bondarevskaya T.P. Peterburgskiy komitet RSDRP v revolyutsii 1905–1907 gg. Leningrad, 1975. (In Russ.)
5. Peterburgskiy universitet i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii. Leningrad, 1979. (In Russ.)
6. Rogozin N.I. Politicheskaya bor'ba za molodezh Rossii. 1903–1917. Moscow, 1989. (In Russ.)
7. Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.
8. Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York, 1991.
9. Shevyrev A.P. Prazdniki neposlushaniya: studencheskiye besporyadki v gorodskom prostranstve Peterburga v 1861–1905 gg. *St. Peterburgskiy universitet v XVIII–XX vv.: yevropeyskiye traditsii i rossiyskiy kontekst*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Materials of the Int. Symp. 2009. Jun. 23–25]. St. Petersburg, 2010. Pp. 148–162. (In Russ.)
10. Pavlitskaya N.I. Peterburgskiy universitet v revolyutsii 1905–1907 gg. *Vestnik LGU*, 1948, no. 11, pp. 138–156. (In Russ.)
11. Sladkevich N.G. Peterburgskiy universitet v 1905 g. *Vestnik LGU*, 1955, no. 3, pp. 23–35. (In Russ.)

12. Engel G.A. 1905 god i studencheskoye dvizheniye v Peterburge. *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. In 3 vol. Of vol. 2. Leningrad, 1982. Pp. 68–79. (In Russ.)
13. Yakovlev V.P. Peterburgskiy universitet v revolyutsii 1905–1907 gg. *Vestnik LGU*, 1980, no. 2, pt. 1, pp. 19–25. (In Russ.)
14. Gorokhov V., Engel G. Iz istorii studencheskogo dvizheniya 1899–1906 gg. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)
15. Dyakonov A. 1905 i 1906 gody v Peterburgskom universitete. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
16. Zhurnaly zasedaniy Soveta Imperatorskogo St. Peterburgskogo universiteta za 1905 g. St. Petersburg, 1907. (In Russ.)
17. Daly J.W. Government, Press, and Subversion in Russia, 1906–1917. *Journal of The Historical Society*, vol. 9, iss. 1. 2009. March. Pp. 23–65.
18. Ivanov A. Rossiyskiy uchenyy korpus v zerkale pervoy russkoy revolyutsii. *Neprikosnovennyy zapas*, 2005, no. 5 (44). Nekommercheskiy literaturnyy internet-proyekt “Zhurnalnyy zal”. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/iv11.html> (accessed 13.04.2015).
19. Kaganovich B.S. Yevgeniy Viktorovich Tarle i peterburgskaya shkola istorikov. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)
20. Chapkevich Ye.I. Yevgeniy Viktorovich Tarle. Moscow, 1977. (In Russ.)
21. Liberalnoye dvizheniye v Rossii. 1902–1905 gg. Dokumenty i materialy. Moscow, 2001. (In Russ.)
22. Ivanov A.Ye. Professorsko-prepodavatelskiy korpus vysshey shkoly Rossii kontsa XIX – nachala XX v.: obshchestvenno-politicheskiy obmen. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 5, pp. 60–76. (In Russ.)
23. Kaganovich B.S. Russkiye mediyevisty pervoy poloviny XX veka. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
24. Nashi dni, 1905, Jan. 19. (In Russ.)
25. Rezolyutsiya Obshchego sobraniya St. Peterburgskogo obshchestva vzaimopomoshchi laborantov vysshikh uchebnykh zavedeniy. 1905. Jan. 16. *Tsentral’nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv St. Peterburga*. F. 14. Op. 1. D. 9182. (In Russ.)
26. Khronika. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 4. (In Russ.)
27. Suvorin A. Malenkiye pisma. DLXII. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 9. (In Russ.)
28. Melioranskiy B. O prekrashchenii zanyatiy v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. Pisma v redaktsiyu. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 10. (In Russ.)
29. O prekrashchenii zanyatiy v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. Pismo v redaktsiyu. *Novoye vremya*, 1905, Feb. 9. (In Russ.)
30. Gorodskiyeh dela. Khodataystvo professorov. *Peterburgskiy listok*, 1905, Jan. 26. (In Russ.)
31. Gorodskiyeh dela. V vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. *Peterburgskiy listok*, 1905, Jan. 29. (In Russ.)
32. Khronika. *Svet*, 1905, Jan. 19. (In Russ.)
33. Khronika. *Svet*, 1905, Jan. 20. (In Russ.)
34. Purishkevich V.M. Materialy po voprosu o razlozhenii sovremennogo russkogo universiteta. St. Petersburg, 1914. (In Russ.)
35. Ganelin R.Sh. Peterburgskiy universitet i pravitelstvennaya politika: iz istorii studencheskogo dvizheniya. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. Of vol. 6. Leningrad, 1989. Pp. 119–128. (In Russ.)
36. Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. In 3 vol. Of vol. 2. Leningrad, 1982.
37. Tsentral’nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv St. Peterburga. F. 14. Op. 1. D. 9182. (In Russ.)
38. Tsentral’nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv St. Peterburga. F. 14. Op. 1. D. 9947. Po povodu postanovleniya dotsentov, laborantov i proch. 3 fevralya 1905 g. (In Russ.)
39. Yakovlev V.P. Nikolay Vasilyevich Krylenko. *Peterburgskiy universitet i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii*. Leningrad, 1979. Pp. 153–161. (In Russ.)
40. Kireyev A.A. Dnevnik. 1905–1910. Moscow, 2010. (In Russ.)
41. Istoriya Leningradskogo universiteta. Ocherki. 1819–1969. Leningrad, 1969. (In Russ.)
42. Prekrashcheniye akademicheskikh zanyatiy do 1 sentyabrya. *Novoye vremya*, 1905, Mar. 9. (In Russ.)
43. Reforma nashikh universitetov. *Novoye vremya*, 1905, Mar. 21. (In Russ.)
44. Vnutrenniye izvestiya. *Russkiye vedomosti*, 1905, Mar. 27. (In Russ.)
45. Khronika. *Novoye vremya*, 1905, Mar. 30. (In Russ.)
46. Listok. Universitetskiy ustav. *Peterburgskiy listok*, 1905, Jan. 23. (In Russ.)
47. Interesy dnya. K universitetskomu voprosu. *Peterburgskaya gazeta*, 1905, Jul. 16. (In Russ.)
48. Pravitelstvennyye izvestiya. *Peterburgskaya gazeta*, 1905, Aug. 29. (In Russ.)
49. Rozanov V. K universitetskoj reforme. *Novoye vremya*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
50. V vysshikh uchebnykh zavedeniyakh. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 3. (In Russ.)
51. V sovete professorov. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 3. (In Russ.)
52. Iz gazet. Naivazhneyshiy printsip universitetskoj reformy. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 3. (In Russ.)
53. Iz gazet. Rezolyutsiya soveta peterburgskogo universiteta po povodu ukaza 27 avg. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
54. Esbe. K universitetskoj reforme. Beseda s prof. Gezekhusom. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 8. (In Russ.)
55. U novykh dekanov (Iz besed). U professora L.I. Petrazhitskogo. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 13. (In Russ.)
56. Melankholik. Ekho. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 6. (In Russ.)

57. Anzimirov V. Nenuzhnyy “institut”. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
58. Khronika. Rasprostraneniye uchebnoy avtonomii na vse vysshiye shkoly. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
59. Protey. Dnevnik. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 7. (In Russ.)
60. Iz gazet. V kakikh formakh zhelatelno obshchey professorov i studentov. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 8. (In Russ.)
61. Studencheskiye dela. Nachalo zanyatiy v universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 20. (In Russ.)
62. Listok. Sluchay v universitete. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 21. (In Russ.)
63. Pis'ma v redaktsiyu. Professor Aleksandr Vvedenskiy. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 22. (In Russ.)
64. Khronika. Skhodka v universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 13. (In Russ.)
65. Studencheskiye skhodki. Skhodka v universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 14. (In Russ.)
66. Vcherashniye skhodki. Skhodka studentov v universitete. *Peterburgskiy listok*, 1905, Sept. 14. (In Russ.)
67. Studencheskiye dela. V SPb. Universitete. *Birzhevyye vedomosti*, 1905, Sept. 21. (In Russ.)
68. Rostovtsev Ye.A., Andreyeva V.V. Peterburgskiy universitet 1905 g. v zerkale periodicheskoy pechati. *Klio*, 2014, no. 10, pp. 3–14. (In Russ.)

ROSTOVTSEV Evgeniy A. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: rostovtsev@hotmail.ru

SIDORCHUK Ilya V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: chubber@yandex.ru

Философские и культурологические исследования

DOI 10.5862/JHSS.227.14
УДК 80165

С.В. Клягин, О.А. Пичугина

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ИНТЕГРИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ»

В статье рассматриваются изменения в актуальных трактовках понятия «интегрированные коммуникации». При этом выделяются типовые ситуации, в которых допускается неопределенность в употреблении этого понятия. Они связаны с разночтениями в концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций, с расширительным пониманием практик PR-коммуникации, а также с применением в коммуникативной индустрии продуктов и услуг, основанных на использовании новых информационно-коммуникативных технологий. Подчеркивается, что на практике понятие «интегрированные коммуникации» рассматривается и реализуется в более широких и разнообразных контекстах, чем те содержания, которые соответствуют понятию «интегрированные маркетинговые коммуникации». Показаны и охарактеризованы области, в которых в различных сочетаниях формируются различные практики интегрированных коммуникаций. Эти области складываются под воздействием общих социальных факторов, а также как следствие развития наук, направленных на изучение социальной коммуникации. Предложены основные подходы к построению и изучению интегрированных коммуникаций: праксеологический (ситуативный), технологический, функциональный, в рамках которого учитываются маркетинговая, управленческая и профессиологическая «зоны роста» перспективных интегрированных коммуникаций. В качестве вывода дается уточненное, обобщающее определение понятия «интегрированные коммуникации».

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ; ИНТЕГРИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ; РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК; МАРКЕТИНГ; СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ; УПРАВЛЕНИЕ; КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

Проблема интерпретации практик социальных коммуникаций становится, пожалуй, одной из самых обсуждаемых в современном научном дискурсе, ориентированном на запросы коммуникативной индустрии. О коммуникации говорят и пишут представители философии, социологии, культурологии, истории, филологии, искусствоведения, других научных дисциплин. Такое положение дел закономерно. М. Маклюэн, Н. Постман, М. Кастельс и другие теоретики медиа отмечают в своих исследованиях, что развитие информационных технологий, выраженное прежде всего в появлении

и комбинировании новых каналов коммуникации, является одним из важнейших драйверов трансформации общественного развития. Д. Кин подчеркивает, что за последние десять лет мы стали свидетелями и участниками настоящей коммуникативной революции [1]: на основе использования интернет-технологий лидерам современного производства понадобилось значительно меньше времени, чтобы активизировать процесс перестройки социальных отношений, чем, например, ранее это удавалось сделать с помощью печатных СМИ, телевидения и радио.

Новые технологии развиваются очень быстро, а для их описания появляется все больше разнообразных понятий. Поэтому профессиональная и научная терминология, которая была актуальна совсем недавно, сегодня уже недостаточна для корректной характеристики динамично проявляющихся явлений и процессов информационно-коммуникативной реальности. В этой связи в трактовках последствий социальных трансформаций, обусловленных новейшими коммуникативными практиками, важны не только сохранение и уточнение уже существующего научного словаря. На повестке дня стоит вопрос о дальнейшем развитии профессиональной терминологии для специалистов в области социальной коммуникации, что может быть сделано как на основе повторного осмысления и реинтерпретации уже апробированных понятий, так и в процессе поиска и обоснования новых элементов профессионального лексикона.

В указанном контексте для изучения прикладных коммуникаций (общественные связи, реклама, маркетинг) весьма показательными становятся изменения в трактовках понятия «интегрированные коммуникации». Этот термин в настоящее время очень часто используется в профессиональном языке специалистов по коммуникациям. Однако нередко содержание понятия не фиксируется и к тому же не соответствует, с одной стороны, актуальным коммуникативным практикам, а с другой — привычным контекстам употребления этого понятия.

Выделим несколько типовых ситуаций, в которых допускается неопределенность в употреблении понятия «интегрированные коммуникации». Они связаны, во-первых, с разночтениями в трактовке концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций, во-вторых, с расширительным пониманием практик PR-коммуникации (динамика роли коммуникаций общественной связности в общей системе прагматических коммуникаций, непосредственное включение связей с общественностью в прагматику корпоративных коммуникаций, использование при этом новых комплексных коммуникативных инструментов), в-третьих, с применением в коммуникативной индустрии инновационных продуктов и услуг, основанных на использовании новых информационно-коммуникативных и сетевых технологий. Рассмотрим указанные ситуации подробнее.

Разночтения в трактовке концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК). Здесь проявляются два основных подхода, которые связаны с включением в эту концепцию понятия «интегрированные коммуникации». В рамках одного из подходов его содержание связывается преимущественно с контекстом маркетинга. Смысловая инерция, обусловленная этим контекстом, настолько велика, что даже относительно новое понятие «интегрированные коммуникации» оказывается под семантическим «зонтиком» привычного для многих термина «интегрированные маркетинговые коммуникации». Поэтому эти понятия используются как синонимы. Во втором подходе допускается расширительное понимание интегрированных коммуникаций, но остаются непроясненными основания для такого расширения. И, главное, при этом не учитывается возможность появления в новых объединениях и конфигурациях коммуникативных практик нескольких «точек сборки», которые могут зависеть уже не только от решения традиционных маркетинговых задач, но в возрастающей мере задаются переходом к постиндустриальным принципам общественного производства, интенсификацией различных видов социального взаимодействия.

С.В. Белоусова в цикле своих статей подробно рассматривает различные трактовки понятия «интегрированные коммуникации». В частности, проанализировав работы отечественных исследователей в области маркетинговых коммуникаций (Ф.И. Шаркова, В.Л. Музыканта, В.В. Зундэ, М.А. Кузьменковой и др.), она приходит к выводу, что «соотнесение с маркетингом потеряло свою значимость в ходе развития интегрированных коммуникаций» [2]. Действительно, маркетинг и маркетинговые стратегии в силу социальных изменений, связанных с актуализацией общественной составляющей современного производства, постепенно утрачивают свою главенствующую роль в системе прикладных коммуникации. Кроме того, в профессиональном коммуникативном сообществе дискуссии об изменениях в структуре системы интегрированного маркетинга и о невозможности существования различных ее элементов в существующих, заранее очерченных, границах ведутся достаточно активно. В известной лекции в Москве в 2013 году К. Робертс, руководитель международного комму-

никационного агентства Saatchi&Saatchi (головной офис находится в Нью-Йорке, США), выдвинул тезис о том, что «маркетинг умер» [3]. Таким образом он, конечно, заявлял о глубокой трансформации маркетинга и о появлении динамики его функций. Р. Бхаргава, вице-президент компании 360 Digital Influence (входит в Ogilvy Public Relations Worldwide), в ряде интервью утверждал, что основная задача маркетинга сегодня состоит во вдохновении людей на действие, в производстве контента, который вовлекает аудиторию в коммуникацию, в создание сообществ [4]. Отечественный исследователь М. Григорьев предположил, что понятие «интегрированные коммуникации» пришло на смену интегрированному маркетингу в связи с ростом запроса для организаций на одновременное вовлечение в коммуникацию большого числа различных аудиторий и, как следствие, на активное использование каналов коммуникации и специфических инструментов из области PR [5]. Структурные изменения в системе ИМК, при которых маркетинг теряет главенствующую роль, а PR, наоборот, выдвигается на лидерские позиции, неоднократно подчеркивались в работах М.Г. Шилиной. «Связи с общественностью... становятся социальной метасистемой, а не инструментальной частью комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций...» – пишет Шилина [6]. При этом важно отметить, что элементы системы маркетинговых коммуникаций (реклама, брендинг, PR, стимулирование сбыта, продажи и др.) сохраняются, однако качественным образом меняется характер взаимодействия между ними.

Таким образом, можно предположить, что понятие «интегрированные коммуникации» используется для характеристики переходного состояния в развитии маркетинговых коммуникаций, а возможно, и для отображения их перспектив в ближайшем будущем.

Расширительное понимание практик PR-коммуникаций. PR-деятельность на протяжении многих лет трактовалась преимущественно как процесс управления коммуникациями со СМИ. Это находило выражение и в ключевых требованиях, предъявляемых к PR-специалисту (умение составлять тексты для СМИ, знание процессов работы СМИ, наличие верифицированной базы журналистских контактов и др.), и в критериях оценки эффективности PR-коммуникации (то-

нальность публикаций, цитируемость ключевых спикеров и сообщений, неформальные отношения с редакциями и пр.). Формирование нового статуса PR как основы стратегии современных субъектов коммуникационной деятельности повлияло на становление коммуникативных направлений, нацеленных на жесткую дифференциацию целевых аудиторий, на необходимость точечного установления взаимодействия с конкретными группами общественности через уже упомянутые выше инструменты вовлечения, создание сообществ, альянсов и потенциалов лояльности. При этом важным аспектом здесь является именно интегративный характер этих направлений. Во-первых, они одновременно включают в себя как владение коммуникативными технологиями и методами, так и углубленное знание о той профессиональной или социальной «нише», которой соответствуют стейкхолдеры. Во-вторых, для достижения эффективной коммуникации требуется ситуативное функциональное сочетание различных инструментов. Так, в разрабатываемом в настоящее время Российской ассоциацией по связям с общественностью профессиональном стандарте логично выделяются такие сферы деятельности специалистов по коммуникациям, как Investor Relations (взаимоотношения с инвесторами и другими субъектами финансовой сферы), Government Relations (коммуникации с органами власти), внутренние коммуникации (отношения с персоналом организации или проекта) [7]. Строго говоря, такие направления деятельности не являются новыми и давно признаны в западных практиках [8]. Вместе с тем необходимо отметить, что сегодня актуализируется процесс взаимодействия PR с другими сервисами управления: юриспруденцией, финансами, управлением персоналом. Это взаимодействие также связано с осуществлением коммуникационной деятельности на пересечении уже указанных направлений, что также создает предпосылки для уместного использования понятия «интегрированные коммуникации».

Еще одним важным аспектом проявления интеграции и взаимодействия PR с различными направлениями коммуникационной деятельности является повышение значимости относительно новых для России сфер прагматических коммуникаций: территориальных и пространственных коммуникаций, социальных проектов (повышение роли и статуса корпоративной

социальной ответственности), антикризисного управления коммуникациями.

Таким образом, понятие «интегрированные коммуникации» может использоваться для характеристики актуальных изменений в современной PR-деятельности, которые связаны с расширением ее функционального содержания и набора используемых при этом инструментов.

Новые технологии в прикладных коммуникациях. Одна из самых распространенных трактовок понятия «интегрированные коммуникации» связана с включением в коммуникативные практики новых технологий, каналов коммуникации и коммуникативных инструментов. Продукты новых технологий (социальные медиа, интернет-СМИ, мобильные приложения и облачные сервисы и др.), безусловно, повлияли на деятельность специалистов в области коммуникации. Анализируя тенденции развития PR и маркетинговых профессий в 2015 году, эксперты единогласно подчеркивают аспект проникновения технологий в коммуникативную индустрию. В настоящее время новые технологии влияют не только на задачи и инструментарий прагматических коммуникаций, но и на этическую сторону коммуникативных профессий, а также на требования к специалистам [См., например: 9]. В проекте профессионального стандарта по связям с общественностью в России отмечена следующая тенденция в развитии коммуникативных профессий на ближайшие годы: «развитие интегрированных коммуникаций, сочетающих возможности традиционных и новых каналов, различных типов коммуникативного инструментария» [7].

Однако такая расширительная трактовка содержания понятия «интегрированные коммуникации» относится не только к области общественных связей и маркетинга. Происходящие под влиянием новых технологий изменения в современной журналистике исследователи также связывают с интегрированными коммуникациями. В. Горохов и М. Шилина отмечают, что «использование интернета знаменует новый этап развития массмедиа: формируется горизонтальная партиципативная (коллаборативная) модель, возникают новые форматы интеграции онлайн-овой и офлайн-овой коммуникаций» [10].

В содержании интегрированных коммуникаций, таким образом, отчетливо выделяется

такой аспект, как масштабная интервенция в коммуникативную индустрию технологических инноваций, что способствует повышению разнообразия коммуникативных инструментов и практик, взаимодействию между ними.

Как видно, в практическом плане понятие об интегрированных коммуникациях рассматривается и реализуется в гораздо более широких и разнообразных контекстах, чем те функциональные локалитеты, которые соответствуют содержанию понятия «интегрированные маркетинговые коммуникации». Очевидно также, что показанное содержательное разнообразие в дальнейшем потребует пристального внимания исследователей к изменениям в предназначении различных прагматических коммуникаций. Причем необходим систематический мониторинг этих изменений. С учетом определенных аналитических критериев важно отслеживать социальную и профессиональную динамику коммуникативных практик, тенденции изменения роли и способов использования новых технологических инструментов. Предварительным результатом такого подхода уже в настоящее время может быть переход от общей характеристики тех или иных ситуаций, где проявляются расширительные, «больше, чем маркетинговые», трактовки интегрированных коммуникаций, к отграничению вполне определенных областей, в которых в различных сочетаниях формируются более или менее устойчивые практики интегрированных коммуникаций. Эти области, к рассмотрению которых мы и перейдем в дальнейшем, складываются и проявляются не случайным образом, а под влиянием ряда объективных факторов, обусловленных развитием современного общества.

Факторы консолидации не одной, а сразу нескольких областей интеграции прагматических коммуникаций связаны прежде всего с общей спецификой нынешнего социума.

В настоящее время многие социальные теоретики и эксперты сходятся во мнении, что человек и его производственная деятельность оказываются в ситуации беспрецедентной ценностно-смысловой неопределенности, «перемешивания» различных сфер, уровней и объектных областей жизни общества. Достаточно показательны сами названия, которые исследователи дают нынешним социальным реалиям. Э. Гидденс описывает «ускользающий мир» (run

away world) [11]. З. Бауман пишет о специфике «текущей современности» (liquid modernity) [12], которая наступает как следствие «разжижения», ускоренных изменений в структурах порядка общества модерна. На тесное переплетение процессов глобализации общества и развития значимых в мировых масштабах цифровых технологий обработки информации обращают внимание авторы концепции «дигитализации» (digitality), одним из основоположников которой считается Н. Негропonte [13]. В западной деловой культуре широкое распространение получили идеи о социуме, характеристики которого описываются аббревиатурой VUCA (volatility, uncertainty, complexity and ambiguity – изменчивость, неопределенность, сложность, двусмысленность социальных форм) [14].

Фундаментальные основания интеграционных тенденций в коммуникативной сфере относятся также к трансформации объектного устройства социальной реальности, к усложнению самой природы материально-вещественных процессов. Например, на это существенное обстоятельство указывает в своих трудах Б. Латур. Известный французский социолог развивает идеи «интеробъективности». По его представлениям, материальные объекты эмансипированы, уравниваются в правах с субъектами и обладают самостоятельным потенциалом действия, становятся «актантами». То есть в объектной основе социальной реальности происходят актуализация, распределение и перераспределение «агентностей», зон активности и новых конфигураций для взаимодействия природных, социоприродных и социальных объектов и процессов [15]. В контексте акторно-сетевой теории Б. Латур обосновывает необходимость «пересборки социального». При этом «прилагательное „социальное“ обозначает не вещь среди других вещей... а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [16]. Очевидно, что эти идеи не могут не проецироваться на представления о комбинировании и интегрировании объектной основы социальной коммуникации. Эта связь в перспективе должна еще стать предметом теоретического осмысления, в рамках же статьи можно ограничиться констатацией факта ее наличия.

Оригинальные идеи о новых конфигурациях в компоновке объектных оснований коммуникативных практик предлагает британский

социолог М. Фуллер. Он разрабатывает концепцию «коммуникативных сред» (media ecologies), включающих в себя материально-вещественную основу, медиаобъекты, медиаэффекты и дескрипторы соответствующих им множественных дискурсов и контекстов. Фуллер использует формулу Ф. Киттлера «A medium is a medium is a medium»: проявление, действие средства коммуникации становится и в дальнейшем медиумом, средством коммуникации. Он подчеркивает, что состав этих сред как динамических областей реальности непрерывно меняется, что может создавать самые причудливые сочетания в соединении и действиях акторов коммуникативных практик [17].

В подтверждение выводов теоретиков отметим, что различные варианты переплетения коммуникативных практик, каналов коммуникации, аудиторий и сред передачи сообщений отчетливо проявляются в современной коммуникативной индустрии. Самые разнообразные варианты взаимодействия и объединения уже используемых коммуникативных практик и инструментов уже становятся правилом реагирования субъектов коммуникативной отрасли на сложные задачи, которые ставят перед профессионалами в области коммуникации представители общества, производства и бизнеса.

Объективные интеграционные тенденции, значимые для развития коммуникативных практик, неизбежно дополняются объединительными импульсами во взаимодействии между различными областями современного социально-гуманитарного познания. Это дает возможность выделять эпистемологические факторы интеграции прагматических коммуникаций.

В современной науке и в экспертном знании все более востребованными оказываются комбинированные и, в тенденции, интегрированные познавательные подходы, модели и схемы. Необходимость соединения в современных коммуникативных практиках искусства слова и точного математического расчета, инноваций и традиций связана с интенсивным междисциплинарным взаимодействием в изучении социальной коммуникации и ее новейших прагматик. Появляются новые междисциплинарные объекты исследования (например, функциональные тексты, социальные сети, медийные комплексы), выделяются новые, синтетические, виды коммуникативных практик:

цифровые, визуальные, пространственные и территориальные коммуникации. Косвенный признак повышения разнообразия и кооперирования средств и форм познавательной деятельности — это и осторожность, которая проявляется коммуникаторами-практиками, лидерами коммуникативной отрасли в России относительно нынешней академической и университетской науки. Это находит выражение в многочисленных дискуссиях том, какое место занимают научно-образовательные проекты вузов в развитии кадрового и ресурсного потенциала коммуникативной индустрии: должны они быть проективной и перспективной основой интеллектуального развития профессии или же только выполнять функции «исполнителя» по отраслевому кадровому заказу.

Помимо теоретического знания уже сложившихся научных дисциплин (социология, социальная психология, семиотика, теория информации) всё более востребованными (хотя и не всегда отрефлексированными) становятся трансдисциплинарные и адхократические (*ad hoc* — после того как. Здесь: описание уже выполненного успешного действия) подходы к изучению коммуникаций, что неизбежно приводит к обновлению и диверсификации профессионального языка коммуникативной индустрии. Необходимо также учитывать специальные эпистемологические факторы для рассмотрения разнообразия интеграционных процессов в прагматических коммуникациях. Эти факторы связаны с формированием и развитием относительно самостоятельных научно-дисциплинарных областей, непосредственно ориентированных на изучение и реализацию социальных коммуникаций. Интегативность коммуникативных прагматик, таким образом, сопровождается комплексностью отображающих их эпистем, которые работают как своего рода линзы для «наведения фокуса» на зоны возможной коммуникативной интеграции.

В практическом плане отметим, что достаточно широкое распространение в сфере прагматических коммуникаций, например, получают коммуникативные науки (communication studies). В российском профессиональном сообществе продолжают дискуссии о названии для этой области прикладного социально-гуманитарного знания («коммуникативистика», «коммуникология» [18]). Однако очевидно,

что в рамках коммуникативных наук создаются концептуальные предпосылки для дифференциации и интеграции различных видов коммуникации. Так, например, всё более привлекательными для практиков становятся городские (urban), пространственные и средовые (spacial, environmental) коммуникации. Не без влияния коммуникативных наук происходит также консолидация практик в конкретных областях общественно-производственной жизни — бизнес-среда, здравоохранение, образование, социальная сфера (business and professional communications, instructional communication, health communications, family communications) [См., например: 19]. Еще одной зоной, в которой прослеживаются актуальные варианты интеграции коммуникативных практик, в возрастающей степени становятся науки о медиа и феноменах сообщительности (mediality) в современном социуме [См., например: 20]. В этом контексте формируются такие интеграционные варианты и формы, как практики массмедиа, интернет-коммуникация, коммуникация в социальных медиа, интермедийность и медиа-конвергенция, медийные технологии и медийное образование.

Завершая характеристику факторов проявления различных областей интеграции прагматических коммуникаций, необходимо подчеркнуть неравнозначность факторов актуализации интегрированных коммуникаций. Различна степень влияния этих факторов на интеграционные процессы, отличаются формирующиеся на их основе механизмы интеграции (по предметному содержанию, функциональному предназначению, динамике проявления). На основе общих наблюдений за интеграционными процессами в социальных коммуникациях можно предположить, что более влиятельными являются именно те объективные факторы, которые связаны со спецификой современного производства и развитием информационно-коммуникативных технологий.

Как видно, трактовка интегрированных коммуникаций основывается на обширном практическом материале и обусловлена рядом существенных обстоятельств жизни современного общества. В этом плане изучение интегрированных коммуникаций может рассматриваться как перспективное исследовательское направление. При этом «прирост» со-

держания в различных вариантах объединения коммуникативных потоков и практик относительно «привязки» интеграционных факторов только к потребностям маркетинга и задачам производственной конъюнктуры может обеспечиваться усилиями представителей различных научных специальностей и практиков из самых разных областей современной коммуникативной индустрии.

В качестве предварительного резюме по охарактеризованным соображениям и одновременно более детального прочерчивания перспективы обозначенной исследовательской перспективы могут быть предложены основные подходы к построению и изучению интегрированных коммуникаций.

Наиболее активно субъектами коммуникативной индустрии используется праксеологический подход (case study approach), когда внимание направлено к динамике запросов на те или иные виды коммуникативного обеспечения и к определенным производственным ситуациям. Интегрированные коммуникации при таком подходе понимаются как ситуативно складывающаяся комбинация различных коммуникационных инструментов и соответствующих им практик.

Технологический подход к выявлению, оформлению и фиксации новых определений в динамике интегрированных коммуникаций связан с повышенным вниманием к влиянию на интеграционные процессы новых технологий в развитии компьютерной техники, телекоммуникаций, сетевых технологий. При таком подходе интегрированные коммуникации проявляются преимущественно как именно технологическая интеграция, как создание на основе медиаконвергенции особых медиасред и коммуникационных потоков.

Наиболее дифференцированным в логическом плане, а возможно, и самым перспективным в эвристическом аспекте является функционально ориентированный подход, где могут рассматриваться несколько интеграционных областей, «локусов», «зон роста» интегрированных коммуникаций.

Область локальных производственных функций – это область, где интегрированные коммуникации «вырастают» из уже известных форм объединения коммуникативных практик, например на основе решения задач маркетинга.

При этом могут наблюдаться различные комбинации этих практик (например, основные и специальные виды маркетинговых коммуникаций), а также проявляться их социальные и технологические «расширения» (например, коммуникации социально ориентированного маркетинга, ситуативно локализованные коммуникации общественной связности, социально-культурные коммуникации в интересах брендинга и др.)

В области комплексного решения задач управления организацией появляется возможность выходить на понимание интегрированных коммуникативных практик как действия, производного от системы корпоративных коммуникаций [21]. На практике это находит выражение в комбинировании внешних и внутренних коммуникаций в интересах управления репутацией компании, обеспечения ее организационной, производственной и социальной устойчивости.

Наконец, в области профессиональной динамики в коммуникативной индустрии и в целом в производственной сфере обнаруживается интеграция коммуникаций в связи с изменениями в востребованности различных коммуникативных профессий в настоящее время и в будущем. Возникают новые профессии, новые виды занятости специалистов. Трансформируются представления о содержании профессиональной деятельности, когда интеграционные процессы в коммуникативных практиках проявляются как единый функционал субъектов производственной деятельности, основанный на специальных знаниях, практическом социальном и производственном опыте и на использовании властно-распорядительных возможностей.

В заключение может быть сформулировано определение, которое соответствует предложенной расширительной трактовке рассматриваемого понятия: **интегрированные коммуникации** – многоуровневый и разновекторный комплекс (профессиональных) коммуникативных практик, в котором на основе комбинирования, взаимодействия и синтеза различных коммуникационных подходов и инструментов формируются «узлы интеграции» (ситуационные, функциональные, технологические, профессиональные) и соответствующие им прагматические коммуникативные потоки, в которых консолидируются деловые, производственные и инструментальные ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Коммуникативное** изобилие: отрывок из книги Джона Кина «Демократия или декаданс медиа. URL: <http://syg.ma/@furqat/kommunikatsionnoie-izobiliie-otryvok-iz-knighi-dzhona-kina-diemokratiia-i-diekadans-miedia> (дата обращения: 18. 03. 2015).
2. **Белоусова С.В.** Концепция интегрированных коммуникаций: терминологический анализ понятия // Бизнес. Общество. Власть. 2014. № 19. С. 99–109.
3. **Менеджмент умер. Маркетинг умер.** Стратегия умерла. URL: http://www.chaskor.ru/article/menedzhment_umer_marketing_umer_strategiya_umerla_33691 (дата обращения: 18. 03. 2015).
4. **Маркетологи** должны создавать контент. URL: http://www.chaskor.ru/article/marketologi_dolzny_sozdavay_kontent_19811 (дата обращения: 18.03.2015).
5. **Григорьев М.** Интегрированные коммуникации: стратегический PR, маркетинг или что-то еще? URL: <http://www.advlab.ru/articles/article201.htm> (дата обращения: 18.03.2015).
6. **Шилина М.Г.** Особенности рынка общественных связей: российские или мировые реалии. Медиаскоп. 2010. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/572> (дата обращения: 18.03.2015).
7. **Профессиональный** стандарт специалиста по связям с общественностью (проект документа). URL: http://www.slideshare.net/raso_pr/ss-39639333 (дата обращения: 18.03.2015).
8. **Official Statement of Public Relations** // Public Relations Society of America. URL: <http://www.prsa.org/AboutPRSA/PublicRelationsDefined/Documents/Official%20Statement%20on%20Public%20Relations.pdf> (дата обращения 18.03.2015).
9. **7 Public Relations Trends to Watch in 2015** // PRNewsOnline. URL: <http://www.prnewsonline.com/water-cooler/2014/12/19/what-will-pr-look-like-in-2015/> (дата обращения: 18.03.2015); **Рынок PR:** специалистам придется наращивать экспертизу // Adindex. URL: <http://adindex.ru/publication/opinion/frames/2015/01/14/119325.phtml> (дата обращения: 18.03.2015).
10. **Горохов В.М., Шилина М.Г.** Интегрированные социальные коммуникации в журналистике // Медиа-альманах. 2014. № 3 (62). С. 12–19.
11. **Гидденс Э.** Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
12. **Бауман З.** Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
13. **Negroponte N.** BeingDigital. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2005. 243 p.
14. **A Framework to understanding VUCA** // Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/2014/09/a-framework-for-understanding-vuca> (дата обращения: 18.03.2015).
15. **Латур Б.** Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. С. 81–98.
16. **Латур Б.** Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2014. 384 с.
17. **Fuller M.** Media Ecologies. Materialistenergies in Art and Technologies. L.: MITPress, 2007. 280 p.
18. **Клюканов И.** Коммуникативный универсум. М.: РОССПЭН, 2010. 256 с.
19. **Beebe S., Mottet T.** Business and professional communication: principles and skills for leadership. Boston MA: Pearson, 2012. 484 p.; **Mottet T., Richmond V., McCroskey J.** Handbook of Instructional Communication. Boston MA: Pearson, 2006. 336 p.; **Cheney G., Christensen L., Zorn T., Ganesh Sh.** Organizational Communication in an Age of Globalization. Illinois: Waveland Press, Inc., 2004. 515 p.
20. **Дебрэ Р.** Введение в медиологию. М.: Практис, 2009. 252 с.; **Калмыков А.А.** Медиалогия интернета. М.: Либроком, 2013. 272 с.; **Кириллова Н.Б.** Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академ. проект, 2005. 445 с.; **Луман Н.** Медиакommunikation. М.: Логос, 2005. 280 с.
21. **Gayeski D.** Integrated. Communication: From Theory to Performance // OmniCom Associates. URL: <http://www.dgayeski.com/omninteg.html> (дата обращения: 18.03.2015).

КЛЯГИН Сергей Вячеславович — доктор философских наук, заведующий кафедрой Российского государственного гуманитарного университета.

Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
e-mail: sklyagin@gmail.com

ПИЧУГИНА Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
e-mail: o-pichugina@yandex.ru

S.V. Klyagin, O.A. Pichugina

ON INNOVATIVE APPROACHES TO THE NOTION "INTEGRATED COMMUNICATIONS"

The article deals with different interpretations in investigating the sense of the notion "integrated communications". There are a number of semantic and practical areas, where one can discover the actual uncertainty of this notion. Consequently, the deviations at the concepts of integrated marketing communications, public relations and technological determination of communications practices are marked and described. The thesis of inequality of the "integrated communications" and "integrated marketing communications" is put forward. Eventually, the authors explores several "points of growth" and innovative sense making to project the possible directions for integrated communications further development. These items relate to case study, technological, social oriented marketing and corporate management approaches to expand the content of integrated communications. In conclusion, the renewed definition of the integrated communications notion is formulated.

INTEGRATED COMMUNICATIONS; INTEGRATED MARKETING COMMUNICATIONS; PUBLIC RELATIONS; INTEGRATED COMMUNICATIONS DEVELOPMENT.

REFERENCES

1. [Communicative abundance: a fragment from John Keane's book "Democracy or Media Decadence"]. Available at: <http://syg.ma/@furqat/kommunikatsionnoie-izobilie-otryvok-iz-knighi-dzhona-kina-diemokratiia-idiekadans-miedia> (accessed 18.03.2015).
2. Belousova S.V. [The concept of the integrated communications: terminological analysis]. *Business. Society. Politics*, 2014, no. 19, pp. 99–109. (In Russ.)
3. [Management died. Marketing died. Strategy died]. Available at: http://www.chaskor.ru/article/menedzhment_umer_marketing_umer_strategiya_umerla_33691 (accessed 18.03.2015).
4. [Marketing specialists should create content]. Available at: http://www.chaskor.ru/article/marketologi_dolzhny_sozdavay_kontent_19811 (accessed 18.03.2015).
5. Grigoriev M. [Integrated communications: strategic PR, marketing or something else?]. Available at: <http://www.advlab.ru/articles/article201.htm> (accessed 18.03.2015).
6. Shilina M.G. [Particularities of the PR-market: Russian and global realities]. *Mediascope*, 2010, no. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/572> (accessed 18.03.2015).
7. [Code of public relations professional standards in Russia (abstract)]. Available at: http://www.slideshare.net/raso_pr/ss-39639333 (accessed 18.03.2015).
8. Official Statement of Public Relations. *Public Relations Society of America*. Available at: <http://www.prsa.org/AboutPRSA/PublicRelationsDefined/Documents/Official%20Statement%20on%20Public%20Relations.pdf> (accessed 18.03.2015).
9. 7 Public Relations Trends to Watch in 2015. *PRNewsOnline*. Available at: <http://www.prnewsonline.com/water-cooler/2014/12/19/what-will-pr-look-like-in-2015/> (accessed 18.03.2015); [PR Industry: specialists need more analytics]. *Adindex*. Available at: <http://ad7PublicRelationsTrendsToWatchin2015//PRNewsOnline>. Available at: <http://www.prnewsonline.com/water-cooler/2014/12/19/what-will-pr-look-like-in-2015/> (accessed 18.03.2015); [PR Industry: specialists need more analytics]. *Adindex*. Available at: <http://adindex.ru/publication/opinion/frames/2015/01/14/119325.phtml> (accessed 18.03.2015).
10. Gorokhov V.M., Shilina M.G. [Integrated social communications in journalism]. *Media-almanac*, 2014, no. 3 (62), pp. 12–19. (In Russ.)
11. Giddens A. *Uscol'zayushiy mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway world. How globalisation is reshaping our lives]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. 120 p. (In Russ.)
12. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)
13. Negroponte N. *BeingDigital*. New York, Alfred A. Knopf, 2005. 243 p.
14. A Framework to understanding VUCA. *Harvard Business Review*. Available at: <https://hbr.org/2014/09/a-framework-for-understanding-vuca> (accessed 18.03.2015).

15. Latour B. [On Interobjectivity]. *Russian Sociological Review*, 2007, no. 2, pp. 81–98. (In Russ.)
16. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v actorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, HSE Publ., 2014. 384 p. (In Russ.)
17. Fuller M. *Media Ecologies. Materialist energies in Art and Technologies*. London, MIT Press, 2007. 280 p.
18. Klukyanov I. *Kommunikativnyi universum* [Communication universe]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 256 p. (In Russ.)
19. Beebe S., Mottet T. *Business and professional communication: principles and skills for leadership*. Boston MA, Pearson, 2012. 484 p.; Mottet T., Richmond V., McCroskey J. *Handbook of Instructional Communication*. Boston MA, Pearson, 2006. 336 p.; Cheney G., Christensen L., Zorn T., Ganesh Sh. *Organizational Communication in an Age of Globalization*. Illinois, Waveland Press, Inc., 2004. 515 p.
20. Debray R. *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology]. Moscow, Praxis Publ., 2009. 252 p. (In Russ.); Kalmykov A.A. *Medialogiya interneta* [Medialogy of Internet]. Moscow, Librocom Publ., 2013. 272 p. (In Russ.); Kirillova N.B. *Mediakul'tura: ot moderna k post-modernu* [Mediaculture: from modernity to postmodernity]. Moscow, Academia proect Publ., 2005. 445 p. (In Russ.); Luhmann N. *Mediakommunikatsii* [Mediacommunication]. Moscow, Logos Publ., 2005. 280 p. (In Russ.)
21. Gayeski D. *Integrated. Communication: From Theory to Performance. OmniCom Associates*. Available at: <http://www.dgayeski.com/ominteg.html> (accessed 18.03.2015).

KLYAGIN Sergey V. – *Russian State University for the Humanities.*

Miusskaya pl., 6, GSP-3, Moscow, 125993, Russia

e-mail: sklyagin@gmail.com

PICHUGINA Olga A. – *Russian State University for the Humanities.*

Miusskaya pl., 6, GSP-3, Moscow, 125993, Russia

e-mail: o-pichugina@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.15
УДК 141.3

А.А. Мельниченко

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ УЧРЕЖДЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В статье развивается социально-феноменологический подход к исследованию интересующих практик. Исследуются семантические слои коммуникативной реальности социума, скрытые в повседневности за привычным употреблением языка. Рассмотрены проекты философии языка и следствия языкового поворота в современной философии. Выявляются концептуальные средства онтологического, экзистенциального и семиотического сценариев учреждения жизненного мира. Специфика онтологического концептуального слоя языка связывается с выражением логоса как единства мышления и бытия; специфика номинативного слоя языка – с указательными аффективно-эмотивными процедурами, мотивирующими актуальную импульсивную реакцию. Специфика символического концептуального слоя связывается с синтезом преданности и очевидности в поле индивидуального сознания. Подчеркивается ускользающая в дискурсивной практике сторона символического, имеющая отношение к сакральным срезам повседневного опыта. Выделена проблема семиотической феноменальности, фиксирующая односторонность номинативного и недостаточность ноэмотивного слоев дискурса в конституировании жизненного мира. Показано, что символический слой реальности требует выработки особых аналитических сценариев.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР; ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ; СОЦИУМ; КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ; ЯЗЫК; СИМВОЛИЧЕСКОЕ; КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ; СПОСОБЫ ПРИДАНИЯ СМЫСЛОВ.

В XX веке философия активно принимает тематизировать язык как таковой, анализируя его в широком аспекте конструирования социальной реальности, выходящем за пределы лингвистики. С 20-х годов XX века это характерно для аналитической философии. В 1967 году появляется текст с символическим названием «The Linguistic Turn» («Языковой поворот») под редакцией Р. Рорти, где были собраны работы философов (в основном американских) о языке и фиксировались основные направления: лингвистическая философия и философия языка [1]. На континенте языковой поворот в философии выражался в многообразных попытках тематизировать выразительные, идентификационные, интересующие практики и опыты индивидуума. Это выразилось в экзистенциальных, онтологических, трансцендентально-семиотических, а также в многообразных психоаналитических проектах, представленных в различных течениях – от структурализма до постструктурализ-

ма. Всё это позволяет говорить о явном форсированном повороте интереса к семиотической феноменальности.

А.Ф. Лосев предполагал, что интерес философии к языку как к сфере выразительной, семиотической происходит в ситуации потери интереса к бытию, в состоянии забвения или «отката» бытия: «Ослабление онтологических интересов всегда толкало философскую мысль к анализу иных внеонтических сфер, а такой сферой является прежде всего вся стихия выражения и выразительности» [2, с. 34].

В этом смысле современный концептуальный уровень, эпистема, если пользоваться терминологией Фуко, наукообразный дискурс – это как раз такая ситуация «отрыва» языка от бытийности и от опыта воли и мышления личности. Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» делает предположение, что язык – это то, что лежит по ту сторону разума и воли [3, с. 52]. По сути, это становится конгениальной идеей XX века.

Цель данной статьи — анализ семиотических форм, в частности языка, в социально-феноменологическом аспекте продуцирования скрытых и явных intersубъективных практик учреждения жизненного мира через придание смыслов и конструирование сознания.

Аналитика языкового слоя в его диахронической перспективе обнаруживает своеобразные тектонические сдвиги, смещения и расколы в семиотических сценариях, в способах придания смыслов, акцентуирования и изменения зон выделенности, видимости и способов видения, письма, чтения.

В античности понятие «логос» (λόγος) — это многомерный онтологический комплекс. Это, по сути, неперебиваемое понятие. Когда Аристотель в «Физике», в книге В, пишет «ἢ μορφῆ καὶ τὸ εἶδος τὸ κατὰ τὸν λόγον», — это переводится на современный концептуальный уровень как один из способов определения природы — «природа как форма и вид согласно определению». Но даже примерно понять такой перевод невозможно. Понимание недоступно. И здесь не только виновата модернизация как «уплощение», «объективация» архаических концептов «эйдос», «логос», «морфэ». Здесь произошла трансформация онтологических структурностей, изменение мифопоэтических процедур в Истории. Конечно, можно говорить о том, что греческий язык странный по природе, вероятно, единственный язык, в котором понятия «мышление» и «язык» семантически сливаются в одном узусе «логос» [4, с. 104–115].

Пытаться однозначно перевести λόγος невозможно. Это и язык, и мышление, и речь, и определение, и порядок. Логос — это и бытие, если вспомнить «огненный логос» Гераклита и стоиков.

Еще один пример в Евангелии от Иоанна. В первой главе, в первом стихе, читаем: «ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος» [5]. Если буквально перевести этот текст, получится: «В начале был Логос, Логос был у Бога, и Бог был Логос». Но понять, что логос — это некий язык, который есть у Бога, которым Он «пользуется», — это неверно. Здесь явно выражен изоморфизм синтаксисов Бога, мышления, языка — некий онтологический «комплект», многоярусное образование.

Можно сказать, что в архаической размерности язык — это бытие мысли, это нераздели-

мый логос. И такая ситуация продолжалась до Нового времени, когда постепенно осознавался факт «смерти Бога», что запустило уже разнонаправленные сценарии с автономными логосами, которые утверждаются в каждом регионе реальности на собственных основаниях. Синтаксис логоса пытаются воспроизвести как логос человека в разнообразных опытах.

В работе «Истина и метод» Гадамер пишет, что язык подобен некоей бессознательной размерности [6]. В примерно такой же формулировке это положение можно обнаружить у К. Леви-Стросса (язык как семиотическое бессознательное) [7, с. 211–212] и у Ж. Лакана (бессознательное структурировано как язык) [8, с. 17]. Язык становится автономным, в том смысле, что автономность — способность учреждать собственные нормативности, т. е. способность давать самому себе законы. Создается странное впечатление, будто язык вырвался на волю.

Сюда же можно отнести и жесткий тезис М. Хайдеггера о языке, разворачивающемся на собственном основании: «die Sprache spricht» — точный перевод на русский язык невозможен, но примерно перевести можно как «язык говорит». Важно, что язык говорит не о чем-то, язык говорит сам [9, с. 19].

До некоторой степени похожий тезис об автономности можно видеть еще у И. Канта — там это принцип чистого разума, чистого мышления [10, с. 32]. То же у М. Лютера, у которого мышление требует точности, чистоты, свободы, иначе «нами будет играть дьявол» [11]. Именно поэтому нельзя в опыт чистого философского мышления инвестировать политические или религиозные потоки, иначе это будет уже идеология, теология, политология, социология, но это уже не будет философия как автономная способность полагать из опыта чистого мышления «свое Я», мир, находить «свой» путь к бытию.

Если для античного сознания «язык как бессознательное» — это оксюморон, для современности язык — автономная реальность, и раскол между языком и мышлением — это норма.

Ситуация современности — это уход «Я» из языка. Из языка уходит ответственное слово, обладающее хозяином. Отсюда же и появившаяся с XIX века необходимость «закрепления» слов нотариусами. Так называемые солиситоры, стряпчие с функциями нотариуса, появляются уже в конце XVIII века. Они появляются как

социальный пласт служащих, фиксирующих и заверяющих «документально» авторство слов. Не задокументированное слово, не привязанное к «Я» письменным «следом» заверения, — слово необязательное, безответственное — за него некому отвечать, и, главное, не будет возможности «вменить» или «привязать» это слово субъекту как субъектную хронику сюжета какого-либо волеизъявления. Сказать теперь можно все, что угодно, ведь язык теперь автономен.

Условия и причины такого события описаны в замечательном произведении М. Фуко «Слова и вещи», где речь идет о том, что в связи со «смертью Абсолюта» с конца XVIII века каждый домен реальности начинает конституироваться, разворачиваться по собственным логикам, поскольку синтаксис логоса больше не является синтаксисом Бога, как прежде.

Язык теперь обладает собственным синтаксисом, он автономен. На первый взгляд кажется странным тезис Ф. де Соссюра, что развитие и история языка не зависят ни от культуры, ни от политики, ни от экономики, ни от географии и т. д. Но это странно для комплекса так называемых Cultural studies, культурологий, культурных антропологий, Kulturwissenschaft, поскольку в этих дисциплинах главными, основными факторами считают «контекстуальности» — внешние условия, географические, исторические и другие подобные факторы. Тезис, что язык разворачивается на собственных основаниях, — это кардинально противоположный тезис.

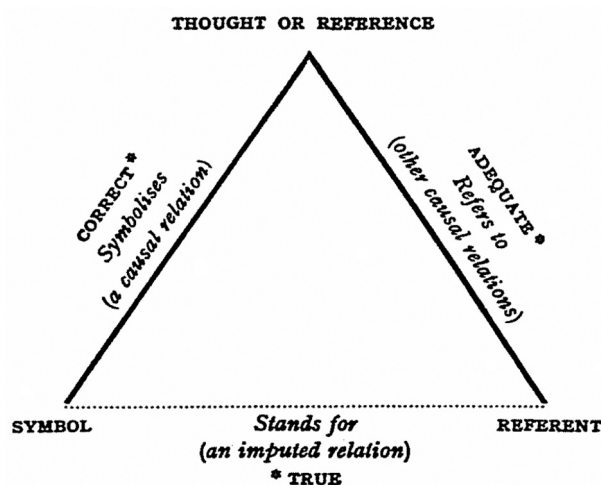
Многообразие дискурсивных маршрутов, эпистемологических захватов жизненного мира, разворачивание повсюду процедур превращения всей феноменальности мира в Знание привело концептуальный уровень Языка в очень узкий, указательно-референсный слой, лишенный некой вертикальной глубины. В ситуации, когда дискурсивный способ выражения становится номинативной размерностью без автора или даже без субъекта, можно говорить о распаде единства бытия, мышления и языка. Такая ситуация описывается в терминах психиатрии как раскол сознания, т. е. как форма шизофрении в неклиническом, буквальном понимании.

Современный концептуальный уровень языка номинативен, дискурсивен. Язык в общем смысле — это инструмент выражения, указания, номинации, референции, индексации и т. д.

Семиотические формации, которые собраны в одном понятии «язык», проецируются на концептуальные и дискурсивные плоскости как текст или как номинативный, семиотический, референсный инструмент.

Номинативный слой языка включается в круг социально-философской проблематики. Возникшее еще в XVIII веке движение «идеологов» (Э.Б. де Кондильяк, Д. де Траси, П. Кабанис, К. Вольней, П. Ларомигьер [12]) вводит в поле философии проект науки с названием «идеология», имеющей предметом изучения идеи (в широком смысле — фактов сознания), их свойства, законы, отношения со знаками, которые их представляют, и, в особенности, их происхождение. Логическая схема, предложенная этим движением, становится известной и окончательно входит в интеллектуальное поле только в 1923 году в работе «The Meaning of Meaning» (Ogden C.K., Richards I.A. [13]). Схема становится известна миру почему-то в кодировке «семиотический треугольник Огдена и Ричардса» (см. рисунок).

В англосаксонском мире номинативная, указательная, дискриптивная, референсная функции языка рассматривались как основные. Язык — это номинативный слой реальности, в который мы погружены. Развитие этой логики в американском интеллектуальном пространстве придало феноменологии бихевиористического подхода новую интерпретацию, в которой язык, как и вся феноменальность поведения челове-

«Семиотический треугольник»: Слово — Понятие — Вещь

ка, заменяется на простую функциональную парную структуру «стимул – реакция» [14].

Язык, пространство, поза, жесты, мимика, предметы и т. д. – всё это стимулы, которые заставляют, стимулируют, формируют поведение как ответ-реакцию на стимул (в раннем варианте – именно «реакция», позже терминологию смягчили до «ответа»).

Всё в опыте является стимулом, отсюда всё в первую очередь должно рассматриваться с позиций аффективности (от *лат.* *afficere* – причинять, влиять, наделять, воздействовать).

Таким образом, язык и вообще всё сущее связано с аффективным полем, с аффективными оболочками вещей. Логика этой стратегии заключается в том, что сами по себе вещи не представляют интереса как таковые. Важно только то, как они аффицируют, как они влияют на субъекта, чем они аффицируют его. Поэтому рекламные ходы, например «купи такой-то товар, если хочешь стать лидером», вполне практичны с точки зрения данного подхода. Важность семиотической или рациональной связанности в рекламных слоганах полностью девальвируется, здесь могут соседствовать и Pilsner Urquelle, и Артур Шопенгауэр (как в рекламе пива).

Предлагаются не вещи и товары, но сценарии для самоидентификации, поскольку приобретаются не сами вещи, но аффективно-эмотивный образ или, по сути, переживание.

Номинативный слой отсылает лишь к некоторым аффицирующим точкам вещей, которые, в свою очередь, выступают как стимулы для ответных действий субъекта – для эмотивных реакций, для «аффицирования души».

В этом срезе социальной реальности приоритетным принципом языкового воздействия на человека выступает актуальность переживания и импульсивность действия «здесь и теперь». Интерсубъективная практика хорошо представлена опытом производства письменного чтения, например, новостных сайтов, блогов, форумов, видеороликов, желтой прессы, женских романов, детективов, происходит только «здесь и теперь» как переживание в онлайн-режиме. Такое переживание не формирует опыта, не создает временную конструкцию прошлого, не инвестирует стратегии в опыт сознания. Можно прочитать современный детектив или посмотреть на каком-нибудь сайте эффектный

видеоряд, и об этом через три часа уже можно забыть навсегда, причем через некоторое время можно снова переживать те же ощущения от той же самой номинативной информации.

Переживание номинативности – это усеченная темпоральная конструкция сознания. В книге В. Беньямина «Бодлер» [15] речь идет как раз о смерти опыта в современном определении подобного среза языка. Речь идет о том, что у нас сегодня больше нет возможности получить некий опыт как усваиваемое пространство смыслов, осталось только переживание. В современности важно быть «современным» и как можно более актуалистичным, т. е. переживания надо успевать прожить в актуальном, оставаться «со временем», отбрасывая все «пережитое» в кюветы и обочины магистральной трассы прогрессирующего «настоящего».

Опыт, напротив, всегда предполагает формирование некой темпоральной структуры, которая способна конституировать ноэматические формы временности, «упаковывать» этот опыт и производить его селекцию. Инвестиция опытов в потоки сознания в разнообразных «пассивных синтезах и генезисах», выражаясь терминами Э. Гуссерля, для формирования условий видения и восприятия настоящего подготавливает и условие возможности встречи определенного настоящего из будущего. Инвестиция опытов конструирует преданности сознательной сферы субъекта.

Однако переживания номинативности заканчиваются сразу после потребления, они одномерны и не способны синтезировать такого рода структурности, они не инвестируют в опыт «Я» никаких стратегий. Это язык СМС, чатов, блогов и т. д. Номиналистичные переживания быстротечны, и поэтому требуется постоянное возобновление и реактуализация переживания.

Отсюда гонка за переживаниями, выражающаяся в стремлении к удовольствиям. Отсюда производство новых удовольствий и новых способов использования этих удовольствий, но отсюда же и страдание от «нехватки». Отсюда понятна и очевидна сущность феномена моды. Таков номинативный характер нашей реальности или реальности новоевропейского типа общества, конструирование которой осуществляется с помощью языка масс-медиа.

Номинативный характер языка масс-медиа определяет язык массового общества, выстраи-

вает особый способ высказываний о мире. Определением мира как реальности для номинативного слоя языка является «окружающая среда», которая воспринимается на уровне тактильности. Действительность представляется как то, что видит глаз и до чего можно дотянуться рукой. В определенном смысле «окружающая среда» — это биологическое определение, указывающее на современную ситуацию восприятия «Мира» по-биологически, по-животному.

Главной функцией сознания в обслуживании номиналистичного слоя языка является, скорее, не познание, а опознание как резонирование с *sensus communis*, со «здравым смыслом», с ощущением и чувством правильности, нормы. И тут характерно, что в понятии «*sensus*» в большинстве языков Европы семантически слиты значения «чувство» и «мысль». Причем больше именно «чувства». И когда речь заходит о смысле или бессмысленности какого-то события, имеется в виду именно *ощущение* значимости, но не смысл. Отметим, что в русском языке такое слияние в принципе невозможно, поскольку «смысл» резонирует со значением «мысль», но не с «чувством». Однако номинативное давление языка масс-медиа сглаживает и редуцирует все смыслы к чувствам. Для конструирования представлений на уровне массового сознания не важен смысл, поскольку всё решает реакция как ответ на стимул.

Номинативный срез языка и реальности предполагает такую конфигурацию субъектной формы «Я», у которой имеются хорошие реакции, автоматические ответы на определенные стимулы, быстрое опознание и распознавание. Все номиналистичные феномены синонимичны, связанность этих феноменов носит лишь аффективно-эмотивный характер. Чем случайнее сплетения феноменов, чем необычнее и оригинальнее, тем «креативнее» пиар-деятельность, тем эффективнее вид этой связанности в плане воздействия на сознание и реакцию индивида.

Эффективность практики конструирования мира как окружающей среды средствами масс-медиа видим прежде всего на примере новостных каналов и сайтов в Интернете, где вся многообразная событийность представлена сразу: политические новости, религиозные праздники, убийства и теракты, культурные события, дизайн и реклама, позиции на фондовом рынке, статистика футбольных команд и т. п.

Осмысление мира с позиций активного смыслополагания, обеспечивающего инвестирование опыта в «мое собственное», в поле жизни сознания «Эго», осуществляется в иной размерности — на ноэватическом уровне (от *греч.* νόημα — мысль).

Ноэватический уровень языка предполагает иную социальную феноменологию и иной характер intersubъективной практики в учреждении жизненного мира. Уже из первой критики И. Канта («Критика чистого разума») очевидно, что одна из граней семиотического треугольника, а именно грань «вещь — представление» или «referent — thought of referent» совсем не так линейна и однозначна, как представляется семиотической схемой треугольника Огдена — Ричардса [10].

Другой взгляд на язык предлагает, например, В. Гумбольдт, который определяет язык как волю нации: «язык представляет собой саму нацию» [16, с. 324–326]. И.Г. Фихте в «Речи к немецкой нации» говорит о «сверхчувственном» слое в языке [17, с. 114–118].

Но и для стандартного семиотического (*general semiotics*) представления становится очевидно, что грани семиотического треугольника теряют прозрачность. Семиотическая репрезентативная конструкция, изображающая язык как номинацию, индексное представление в виде семиотического треугольника, трансформируется в процесс бесконечного семиозиса, где «референт», или «вещь», или «означаемое», вообще теряют объективность и исчезают из процесса означивания, осмысливания и «передачи информации». Определенность сущего не заключается в одном означающем, а требует бесконечного процесса означивания. Например, как одним знаком или набором слов определить, что такое «Я», или «мир»? Эта проблема семиотической феноменологии проявляется уже в логической операции определения понятия и распространении в современной литературе понятия *репрезентация*.

Репрезентация, номинация, или индексация (от *лат.* index — указательный палец) — это такой способ видения мира, такой слой языка, который выражается в соответствиях, но не создает смысловое пространство.

Аналитика «смысла» в первую очередь выявляет тот факт, что смыслы несут в себе императивность и интенсивность. Смысл всегда

предполагает сцепление с мыслью, вызывающее акт понимания. Для понимания требуется предпринять некое усилие, произвести «квант воли». Судя по всему, нельзя воспринимать и трактовать «смысл» лишь как объект родовидового ряда какой-либо классификации. Скорее, более уместно понимать «смысл» как прежде всего энергичность, как интенсивное образование в аристотелевском смысле (*др.-греч.* ἐνέργεια — от ἐν (в) и ἔργον (работа, осуществление) — обладание силой, напряженность, внутренняя мощь).

Для того чтобы понять, «вобрать» некий смысл, необходимо ощутить эту самую смысловую напряженность, интенсивность, энергичность, т. е. для понимания требуется сгенерировать свою собственную понятийность с изоморфной смыслу конфигурацией, выраженной в воле к пониманию, попытаться вызвать резонанс волевым актом мышления, иначе понимание не состоится. Однако именно на этом уровне понимания возможно учреждение жизненного мира человека и социума как мира интересубъективности.

«Мир» — одно из самых неочевидных понятий, с которыми «встречается» сознание («встреча» в смысле фундаментальной онтологии, как касание двух разнородных форм бытия), но именно ноэматическая страта позволяет учреждать, конституировать мир как интересубъективное измерение.

Эта неочевидность вынуждает Канта в первой критике «забросить» мир в зону трансцендентального разума. Мир у Канта, таким образом, — это некая трансцендентальная идея, которая не может быть дана в опыте, как стол или стул. В третьей критике, в параграфе 59 «О красоте как символе нравственности», становится очевидно, что мир как трансцендентальная идея дается только символически [18, с. 373–377].

Для понимания мира как трансцендентальной идеи не существует даже трансцендентальной схемы, т. е. нет даже какой-либо структуры понимания мира. Коснуться мира можно только символическим способом. У Канта символическое в некоем смысле изоморфно ноэматическому у Гуссерля, если учитывать предложенный Кантом аналогический характер символического и этимологию термина «аналогия» (*греч.* ἀνάλογος — соразмерный, соответ-

ственный — от ἀνά — по, сообразно + λόγος — разум, смысл, слово и т. д.).

Этот уровень позволяет говорить о таком срезе языка, чтения, письма, где в отличие от номинативного среза уже возможна генерация смысла. Здесь чтение, письмо, язык уже не являются опознанием или распознаванием. Мир интересубъективности требует усилий и инвестиций воли и опыта для понимания и выстраивания гносеологических стратегий.

Поскольку в данном ноэматическом измерении мир не может быть лишен этосного (от *греч.* ἦθος — нрав, характер, душевный склад) измерения, в параграфе 87 «О моральном доказательстве бытия Бога» Кант показывает, каким образом трансцендентальная идея создает нравственное сознание, т. е. сознание моральное по своей сути [Там же. С. 482–489]. Таким образом, конструируется само условие возможности интересубъективности, условие возможности понимания, базирующееся на основании этосной развертки, моральной, по сути.

Другой вариант разворачивания интересубъективности можно проследить также в проекте трансцендентальной феноменологии. У позднего Гуссерля проблема учреждения мира и интересубъективности становится фундаментальной. Огромный пласт, посвященный проблеме конституирования интересубъективного мира и Lebenswelt (жизненного мира) находится в V размышлении («Картезианские размышления») и в его последней, незаконченной работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная философия», где речь идет о формировании интересубъективности. «Проблема Другого связана с проблемой объективного мира, т. е. мира, общего для каждого, — интересубъективного мира», — подчеркивает Гуссерль [19, с. 188, 190].

Для того чтобы понять, как в сознании конституируются *Другие* и интересубъективный мир, следует провести специфическую редукцию, «выключающую» эти образования и сводящую опыт к сфере «моего собственного» — к «первопорядковому миру». В результате остается плоть (не тело в физическом смысле, а живое тело — Leib, аффицирующее, психофизическое единство), которая оформляется как осмысленное тело, обретая смысловое звучание и значение в ходе тематической редукции. *Другой* также дается чистому сознанию по уровням ноэматических конституирований

феноменов, начиная с тела *Другого*, оформленного смыслами и значениями «живого тела», изоморфного «моему».

Далее путем «аналогической апперцепции», так же как и «мое тело», в первопорядковый мир посредством синтезов и генезисов помещается апперцепция Другого (так же в первопорядковом мире): «...Это находящееся „там” и принадлежащее моей сфере природное тело благодаря ассоциации, образующей пару с моим живым телом и психофизически правящим в нем Я, аппрезентирует в конституированной мной первопорядковой природе другое Я» [19, с. 231–232].

Учреждение мира интересубъективности осуществляется следующим образом. На основе сконструированного первопорядкового мира и его имманентно данной первопорядковой трансцендентности активными и пассивными синтезами и генезисами учреждаются высшие интересубъективные смыслы. Следуя Гуссерлю, далее посредством универсальных и объективных свойств природной казуальности, форм временности и пространственности формируется объективная трансцендентность как объективный мир. «Трансцендентальная интересубъективность конституирует объективный мир, принадлежащий ей как имманентная трансцендентность, так же как и первопорядковый мир, на первом этапе, конституирует имманентную трансцендентность. Единое поле смыслов позволяет создавать высшую форму интересубъективности» [Там же. С. 135–139].

По своей структуре интересубъективность является трансформированным первопорядковым миром, который становится феноменом «чужого», объективного мира, включающим и «мое ego» и ego Других. Причем конституируется не отдельно Другой, а именно сообщество Других, которое и составляет объективный мир.

Единство объективного мира на более высоком уровне аналогичными шагами конституирует интересубъективность культуры и, в итоге, «единство объективного мира» как единство природы, пространства и времени.

Ноэмагический слой историчен. Культура и время входят в него как смыслы, как преданность и как заданность. Генезисы и синтезы смыслов могут осуществляться в пассивном режиме, по ту сторону сознания и «Я», но всё, что было пассивно, актуализируется осмыслением

и выбрасывается в поле сознания «Я». «Всё, что построено активно, необходимо предполагает на более глубоком уровне пассивность, которая получает объект как преданный», — отмечает Гуссерль [20, с. 76].

Таким образом, по Гуссерлю, социальную реальность как объективный мир характеризует только интересубъективность как единое поле смыслов.

Акцентирование роли семиотической реальности в конструировании интересубъективности связано с процессом понимания и придания смысла, наиболее явно выраженным практиками чтения-письма, практиками идентификации, которые опираются на номинативный срез массовой культуры и массовой коммуникации, а также на ноэмагические развертки, генерирующие и «провоцирующие» смыслы и условия возможности интеллектуальных актов и селекцию опытов. В результате получаем достаточно емкое представление о социально-феноменологическом характере языка и его практической роли в учреждении жизненного мира человека и социума.

Однако не всё, что можно назвать реальностью, трансформируется, конвертируется в «знание» через номинацию или через ноэмагически-ноэзисные процедуры. Процессы понимания и придания смысла оказываются более сложными. В любом языке можно обнаружить некую архаику, часто выраженную в этимологии слов, значение которых забыто или не лежит на поверхности. На существование иных практик придания смыслов указывают такие понятия, как «сакральное», «миф», «культ», «ритуал», «обряд», «символ». В практике повседневности они не утрачивают актуальности, но их своеобразная интенсивность вызывает постоянные сбои идентификации и всевозможные провокации или турбулентности в дискурсивных текстуальных «машинах».

Сами смыслы этих понятий не имеют четкой референции, опознание и реагирование в отношении них срабатывают неточно, они неоднозначно обслуживаются реакциями «здорового смысла». Как правило, символическое — это то, что у всех на языке, но никто об этом не говорит. Мифические, символические домены всегда преданы и заданы пассивными синтезами и генезисами и проявляют себя лишь плоскими проекциями и выбросами в смысло-

вое поле сознания «Я» в обрамлениях экзистентных сюжетов, в трансформациях телесности и конфигурации полей видимости, в готовности принятия к проживанию тех или иных жизненных стратегий и ценностных «очевидностей».

С точки зрения Ж. Лакана, символическое — это образы, организующие «структуру тех отношений, которые возникают между Umwelt и Innenwelt на их границе» [8, с. 50].

Символическое проступает во всех описанных выше (номинативный и ноэватический) срезах с разной степенью феноменальной данности и энергийной интенсивности, в зависимости от погруженности сознания в тот или иной слой языковой реальности. В любом языке имеется некий сакральный пласт, срез или оболочка, который иногда перестает ощущаться.

Не следует полагать, будто мифическое, сакральное — эти «символические домены» — всецело остались в пространстве Средневековья, уступив место «знаковым доменам» Нового времени. Безусловно, изменились способы настройки оптики, изменилась конфигурация видения и поменялись порог и вариативность чувствительности, но, по данным социологов, до половины опрошенных сообщают о пережитом мистическом опыте. Существует маргинальная лингвистическая гипотеза, на которую ссылался В.Ю. Сухачев в своем докладе о языке (на тематическом семинаре на философском факультете СПбГУ в 2013 году) и которая предполагает, что изначально язык и все слова имели сакральный характер, но постепенно, «эволюционируя», язык обмирщается и утрачивает контактность с сакральными полями [21].

Символическое доступно не столько в языковой терминологической феноменальности, сколько в способах, каким язык формирует опыт высказывания или «сказывания». Здесь уже имеет место иная интерсубъективная практика — мифопоэтическая.

Если чтение детектива (не «Преступление и наказание», конечно, имеется в виду) — это знаковое измерение, где переживание длится в актуальном, забывается после закрытия книги и измеряется полученным удовольствием от чтения, то чтение Библии для христианина, Корана для мусульманина — это то, что выстраивает «арматуру» их жизни. И это два совершенно несоизмеримых опыта.

Символическое лишено однозначности, но в то же время абсолютно точно, хотя символ не дает однозначного решения для действий в номинативном слое бытия. Это такое интенсивное образование, которое сообщает импульс, у которого расходящиеся формы поведения, но в очень жестко заданных impetus рамками. В противном случае «нами будет играть дьявол» (Лютер). В этом смысле символизмы потрясающе точны, потому что все они обладают экзистентностью, все они инвестируются непосредственно в жизнь.

Экзистенциальный срез символического определяется Лаканом: «...все они (символы) относятся непосредственно к собственному телу, к отношениям родства, к рождению, к жизни и к смерти...» [8, с. 64].

Именно здесь выражено существенное свойство символического — соединение, связывание, переплетение животного и культурного, священного и профанного. Тело всегда друг сомнительный. Родственник — это тот, кто разделяет мою жизнь, смерть, — это исключительно индивидуальное «предприятие» и последняя «любовь» всей жизни. Все эти территории абсолютно не тематизируются в рациональном, дискурсивном режиме без потерь «красоты», интенсивности, «реальности».

Мы *можем* инвестировать символы в свою жизнь и мы *обязаны* в символы инвестировать свою жизнь. Если «Я» инвестирует в себя символические стратегии нации, то нация будет определять «мое Я».

Если время нам сообщает, что сейчас 2015 год, то это значит, мы все «христиане» в пространстве цивилизации, поскольку отчет этой линейной исторической размерности начинается с вполне определенного сакрального события, которое разворачивает интенсивное поле имманентности. И если мы индексировали, номинализовали на уровне обыденности данное понимание, то, например, для индуса, иудея или для буддиста время не обладает такой же номинативной определенностью, как для европейца, а значит, иные определенности будут и у истории в этом случае, следовательно, и у неба, и у земли будут совершенно другие размерности.

В этом смысле именно символическое — это мощнейшая машина учреждения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Rorty R.M.** Introduction // The Linguistic turn: essays in philosophical method. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.
2. **Лосев А.Ф.** История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979.
3. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. А.А. Холодовичем // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
4. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / пер. с фр. Ю.Н. Караулова. М.: Прогресс, 1974.
5. **Евангелие** на разных языках с русской транскрипцией. Евангелие от Иоанна. URL: <http://azbyka.ru/paskha/paskhalnoe-zachalo-na-gaznykh-jazykakh.shtml> (дата обращения: 17.07.2015).
6. **Гадамер Г.-Г.** Истина и метод // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–59.
7. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
8. **Лакан Ж.** Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. с фр. А.К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995.
9. **Хайдеггер М.** Язык. СПб., 1991.
10. **Кант И.** Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994.
11. **Лютер М.** Свобода христианина // Избр. произв. / пер. с нем. К. Комарова. СПб., 1994. С. 17–54.
12. **Иванова А.С.** Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=809&Itemid=52 (дата обращения: 17.07.2015).
13. **Ogden C.K., Richards I.A.** The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. University of Cambridge: Magdalene College, 1923.
14. **Skinner B.F.** Science and human behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.
15. **Беньямин В.** Бодлер. М.: Ad Marginem, 2015.
16. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
17. **Фихте И.Г.** Речи к немецкой нации / пер. с нем. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009.
18. **Кант И.** Философское наследие // Соч. В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966.
19. **Гуссерль Э.** Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.
20. **Husserl E.** Cartesian Meditations, The Hague. 1970.
21. **Сухачев В.Ю.** Доклад «От чтения к логосу» на тематическом семинаре «Чтение и книга» // Центр изучения культуры философского факультета СПбГУ. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xIUa3S0eF7I> (дата обращения: 11.03.2013).

МЕЛЬНИЧЕНКО Алексей Анатольевич — старший преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: ntv-human@spbstu.ru

A.A. Melnichenko

INTERSUBJECTIVE INSTITUTIONALIZATION OF LEBENSWELT

Develops socio-phenomenological approach to the study of intersubjective practices. The semantic layers of the communicative reality of the society being hidden in the everyday language of habitual use are studying. Having considered the drafts of philosophy of language and the linguistic turn in the investigation of contemporary philosophy. Having identified the conceptual tools of ontological, existential and semiotic scripts of the life-world institution. Specificity ontological conceptual layer of language is associated with the expression of the Logos as the unity of thought and being; nominative layer of specificity of language — with demonstrative affective-emotive procedures, motivating the actual impulsive reaction. Specificity of the symbolic conceptual layer is associated with the synthesis of the pre-reality and the evidence in the individual consciousness. Stealing is emphasized in the side of the symbolic discursive practice pertaining to

sacred slices of everyday experience. Highlighted the problem of the semiotic phenomenality that fixes one-sidedness of the nominative and lack of the noemative layers of discourse in constructing of the Lebenswelt. It is shown that the symbolic layer of reality requires a special analysis scenarios.

LEBENSWELT; INTERSUBJECTIVE PRACTICE; SOCIETY; COMMUNICATIVE REALITY; LANGUAGE; SYMBOLIC; CONSTRUCTION OF CONSCIOUSNESS; GIVING MEANING METHODS.

REFERENCES

1. Rorty R.M. Introduction. *The Linguistic turn: essays in philosophical method*. Chicago, The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.
2. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniye ellinizm*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. (In Russ.)
3. Sosyur F. de. *Kurs obshchey lingvistiki. Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russ.)
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, Progress, 1974. (In Russ.)
5. Yevangeliye na raznykh yazykakh s russkoy transkriptsiyey. Yevangeliye ot Ioanna. Available at: <http://azbyka.ru/paskha/paskhalnoe-zachalo-na-raznykh-jazykakh.shtml> (accessed 17.07.2015).
6. Gadamer G.-G. *Istina i metod. Aktualnost' prekrasnogo*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 43–59. (In Russ.)
7. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001. (In Russ.)
8. Lakan Zh. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhooanalize*. Moscow, Gnozis, 1995. (In Russ.)
9. Khaydegger M. *Yazyk*. St. Petersburg, 1991. (In Russ.)
10. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. (In Russ.)
11. Lyuter M. *Svoboda khristianina [Selected works]*. St. Petersburg, 1994. Pp. 17–54. (In Russ.)
12. Ivanova A.S. *Nachala "ideologii": Antuan Destyut de Trasi i yego nauka ob ideyakh. Voprosy filosofii*. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=809&Itemid=52 (accessed 17.07.2015).
13. Ogden C.K., Richards I.A. *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. University of Cambridge, Magdalene College, 1923.
14. Skinner B.F. *Science and human behavior*. New York, Macmillan, 1953.
15. Benyamin V. *Bodler*. Moscow, Ad Marginem, 2015. (In Russ.)
16. Gumboldt V. fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, 1984. (In Russ.)
17. Fikhte I.G. *Rech' k nemetskoj natsii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. (In Russ.)
18. Kant I. *Filosofskoye naslediyе [Works]*. In 6 vol. Of vol. 5. Moscow, Mysl' Publ., 1966. (In Russ.)
19. Gusserl E. *Kartezianskiye razmyshleniya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. (In Russ.)
20. Husserl Ye. *Cartesian Meditations*, The Hague. 1970.
21. Sukhachev V.Yu. *Doklad "Ot chteniya k logosu" na tematicheskom seminare "Chteniye i kniga". Tsentralizirovaniye kultury filosofskogo fakulteta SPbGU*. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=xIUa3S0eF7I> (accessed 11.03.2013).

MELNICHENKO Aleksey A. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ntv-human@spbstu.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.16
УДК 130.2

Т.Н. Евграфова

СИНЕРГИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ (этнофилософский аспект)

Статья посвящена актуальным вопросам поиска новых мировоззренческих ориентиров современной цивилизации в условиях интенсифицирующихся процессов глобализации. Опираясь на синергетические и этнофилософские методы, автор проанализировал константы постнеклассической рациональности. Определены проблемы национальной идентичности и место национальных социокультурных доминант в современном мировоззрении. Сделан акцент на аксиологической парадигме в рассмотрении этнической интеграции глобализирующегося человечества. Проведенная экстраполяция традиционных ценностей чувашского народа с использованием фольклорного материала приводит автора к выводу, что именно синергетическая симфония постнеклассической рациональности с традиционными ценностями способна стать перспективой для диалога культур в условиях расширения пространства техногенной цивилизации и обеспечить социокультурную константу самосохранения национальных культур и интеграции мирового сообщества.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ; ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ; ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ; ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА; ЭТНОФИЛОСОФИЯ.

На современном этапе развития человечества исходными, определяющими стратегию дальнейшего научного поиска ориентирами становятся гуманистические, мировоззренческие идеалы. Получение объективно-истинных знаний о мире в традиционном смысле дополнилось новым содержанием — в этот процесс включен человек в качестве особого элемента сложной, исторически развивающейся системы, поставленной в центр исследования современной науки.

Нами предпринята попытка проследить возможности синергии традиционных ценностей чувашского народа с ценностями постнеклассической рациональности. Актуальность темы определяется необходимостью поиска стратегий дальнейшего цивилизационного развития, а этнофилософский аспект обусловлен особым интересом к одной из множественных идентичностей — этнической.

Раскрытие темы требует эксплицировать ценности постнеклассического типа научной

рациональности. Академик В.С. Стёпин отмечает, что постнеклассическая рациональность, в отличие от классической и неклассической, ориентирована на освоение сложных саморазвивающихся систем [7]. Данный тип рациональности учитывает, что получаемые знания об объекте соотносятся с ценностно-целевыми структурами, выдвигает идею синтеза социально-гуманитарного и естественно-научного знания. Современные философские направления — постпозитивизм, эпистемологический конструктивизм — анализируют процессы порождения нового научного знания с учетом социокультурных детерминант и особенностей саморазвития. Особое место начинает занимать ценностный аспект философских оснований современной науки. В отличие от классического и неклассического типов рациональности, характеристиками нового типа рациональности становятся открытость и саморегуляция сложных систем, уважительное и ответственное отношение к природе.

Для дальнейшего анализа темы необходимо определиться с понятием синергии ценностей. Синергия понимается как совместное действие, имеющее общую направленность к идеалу, кооперативное взаимодействие. В современных взглядах на мир, присущих постнеклассической рациональности, обнаруживается тенденция к согласованному взаимодействию традиционных ценностей с инновационными, аксиологически нагруженными научными знаниями. На данном этапе развития науки в ценностной системе постнеклассики прослеживается проявление отодвинутых техногенной цивилизацией на задний план ценностей традиционного общества. В.С. Стёпин ставит вопрос о социокультурном базисе современной науки, рассматривая ее как порождение новоевропейской техногенной культуры. Он обращает внимание на три основных момента, в которых современная наука начинает коррелировать с ценностями традиционных восточных культур:

- представления об окружающей среде как особом живом организме;
- новые стратегии научного и технологического освоения сложных развивающихся систем, соотносящихся с принципом «у-вэй» китайской культурной традиции и принципами ненасильственного действия, развитыми в индийской культуре;
- расширение этических регулятивов научного поиска, соединение западной идеи о доминирующей самооценности истины с идеями древневосточной философии о нравственности как необходимой предпосылке истины [6].

Нам представляется возможной экстраполяция традиционных ценностей чувашского народа, являющегося одним из многочисленных народов, населяющих Среднее Поволжье, народа, веками старающегося сохранить национальную самобытность.

Общим достоянием всех культур являются традиционные духовные ценности, они лежат в основе духовно-нравственного здоровья любого народа: уважительное отношение к родителям и к старшим, ощущение себя продолжателями истории и традиций семьи и народа, труд, ответственность за семью, забота о семейном быте, взаимная любовь и верность, воспитание детей. Ориентация на традиционные ценности — семейные, трудовые, нравственные, эстетические, патриотические — должна быть основой госу-

дарственной политики, имеющей целью духовно-нравственное оздоровление народа.

Изучая традиционные ценности чувашского народа, будем учитывать, что такие общечеловеческие ценности, как Родина, добро, красота, истина, труд, присущи всем народам и не имеют этнических границ, но в каждой культуре они обладают особой этнической окрашенностью, особым смыслом. Оценить своеобразие системы ценностей того или иного народа, в нашем случае чувашского, поможет рассмотрение этнических явлений духовной культуры, взаимосвязей и взаимодействий народов в полиэтническом регионе.

Материалом для изучения традиционных ценностей чувашского народа стали фольклорные источники — пословицы и поговорки, мифы, легенды и сказки. Чувашский народ старается жить, «как отцы и деды завещали», и бережно хранит свои традиции.

Обычаи и правила поведения устанавливались обществом и соблюдались каждым человеком, ведь их несоблюдение могло вызвать гнев духов и богов. У чувашей в одном из мифов повествуется о том, что Солнце в течение дня объезжает землю, устраивая на ней порядок. Нарушение людьми порядка карается матерью Солнца. Однажды две нерадивые жницы проспали весь день и к вечеру не успели сжать свои загоны. Они попросили Солнце побыть на небе до завершения работы. Солнце пожалело их. Вернувшись к матери позже обычного, Солнце рассказало о причине опоздания. Мать Солнца превратила нерадивых женщин в каменных истуканов [2, с. 16].

Осознание природного мира как живого организма, выраженное в идее о слитности человека с природой, нашло воплощение в распространении таких взглядов на окружающий мир, в которых отсутствует идея превосходства человека над природой. Профессор Н.А. Исмукоев в своих исследованиях [См., например: 3] писал о том, что чувашаи предпочитают стабильность и гармонию в мире вещей и человеческих отношений. Древним чувашам Вселенная представлялась как нечто само собой возникшее и развивающееся [2, с. 14]; по их мнению, «мир и его чудесные силы никто не создал, он всегда был и будет» («...тёнчене, унӑн асамла вӑйёсене никам та туман, вёсем ёмёрех пулна, ёмёрех пулацсё...») [11, с. 33].

Такие взгляды перекликаются с современными представлениями о том, что окружающая человека среда – это целостный организм, частью которого является человек. Мир развивается, он динамичен, наполнен пространственно-временными отношениями, в нем всему есть место и в нем есть свой порядок, который не следует нарушать, – такое понимание мира высказано еще древними чувашами: «Тёнче аслă, теççё», «Тёнче пушă мар», «Тёнче пёр вырăнта тăмасть», «Тёнче мехелё çапла: пёри пётнё çёре тепри пулсах пырать» («Говорят, мир велик»; «Мир не является пустым»; «Мир не стоит на одном месте»; «В мире порядок такой: к тому времени, как кончается одно, на его место приходит другое») [10, с. 62].

Чуваши верили, что человек – часть этого мира. Они полагали, что прежде небо было близко, его свободно можно было достать с крыши домов, и люди кусками неба лечились от разных болезней. Такая близость неба свидетельствовала об особой милости бога к людям. Но в результате непочтительного отношения к природе происходит разъединение неба и земли: «У одной неряшливой женщины обмарался ребенок. Она обтерла его и забросила сушить грязную пеленку на небо. Возмутившись такой дерзостью, Турă быстро поднял небо так высоко, что люди уже не могут касаться его» [5, с. 110]. С тех пор небо не может опуститься на землю, и только ночами оно незаметно спускается и любит землю из-за горных вершин. Итак, мы видим, что, согласно мифологическим представлениям, гармония в природе создана богом-творцом Турă и является священной, ее нарушение приводит к гибели Вселенной. И так же всякое нарушение человеком социальной гармонии может привести к гибели общества. На современном этапе развития человечество, кажется, начинает понимать, что наше бездумное вторжение в природу, ее преобразование приводит к необратимым катастрофическим последствиям. Учеными решается задача сохранения естественных экосистем и создания новой, скорее искусственного характера, природной среды, благоприятной для человека.

В качестве следующего аспекта В.С. Стёпин рассматривает корреляцию стратегии ненасилия древних индийских и китайских культур с синергетическими характеристиками развивающихся человекообразных систем, в которых

существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах [7, с. 269]. Такое же отношение к миру, лишённое агрессивности и желания силой решать вопросы, предписывающее быть на стороне интересов всех членов коллектива, основанное на социальном равенстве, на общественном согласии, выражено в чувашских воззрениях на общественные отношения. Герой чувашской сказки, вступая в бой, который ему навязывается, остается неизменно верен правилам и нормам, присущим трудовому человеку, стоящему на стороне справедливости, чести и достоинства: «У нашего народа не принято вступать в бой, пока его первого не ударят. Ударь ты, Змей, первым, коли уж охота» [11, с. 233].

«С пашней-севом (плугом-сохой) мы не расстанемся, отца и мать не оставим... незабвенные родные и друзья, дорогие соседи и односельчане, да жить нам в согласии неразлучными до самой смерти» («Алран кайми акисухи») – таков идеал земледельца, чувашского труженика, т. е. быть верным родной земле, сое-кормилице отцу-матери, сородичам. Одной из значимых для чувашского народа универсальных ценностей является уважение к труду, ведь труд дает человеку возможность утверждать свое существование и является способом нравственного самоутверждения и одним из способов регулирования общественных отношений, формирования ценностных ориентиров, соблюдения традиций. Такое отношение к труду демонстрируют чувашские пословицы: «Ёç çёклет, ўркев ўкерет» («Труд возвышает, лень принижает»); «Ёçчен Ёç сынна ёç савать» («Трудолюбивого работа любит»); «Ёçрен ан хăра, вăл хăй санран хăратăр» («Работы не бойся, пусть работа тебя боится») [10, с. 43–50]. Древние традиции чувашей хранит праздник *Акатуй*, являющийся концентрированным выражением чувашской традиционной культуры, ее этики и ценностных установок. Испокон веков он воспитывал любовь к родной земле и нелегкому крестьянскому труду, а сегодня этот праздник становится формой пропаганды уникальных народных традиций и передачи их из поколения в поколение [1, с. 94].

Мирный созидательный труд – вот девиз жизни трудолюбивого чувашского народа: «Ёç – пурнăç тыткăчи» («Труд – основа жизни»). Сегодняшние события показывают, что сило-

вое воздействие оказывает разрушающее воздействие на состояние системы, а это не всегда эффективно.

Третьей составляющей в корреляции современных научных взглядов с мировоззренческими идеями традиционных восточных культур В.С. Стёпин называет новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В восточной культурной традиции, пишет он, «истина не отделялась от нравственности, а нравственное совершенствование полагалось условием и основанием постижения истины» [7, с. 269]. В чувашском языке понятия «истина» и «правда» являются тождественными, имеют одинаковое значение «чӑнлӑх, тӑрӑслӑх», а истина носит нравственный характер: «Чӑнлӑхӑн пӗр сӑл» («У истины один путь»), «Чӑн вилӗмрен хӑтарать» («Правда от смерти спасет»), «Чӑнлӑх кая пӑрах – вӑл мала пырса ўкет» («Отбрось правду назад – она окажется впереди»), «Тӑрӑслӑх хӗвелтен те сӑтӑрах» («Истина ярче солнца») [10, с. 104–108]. В нравственном содержании истины скрыт более глубокий смысл, отражающий требование этического регулирования процесса познания в политической и экономической, социальной сферах, в преобразующей активности людей. Без учета данного аспекта человечество неизбежно оказывается перед лицом экологических и цивилизационных катастроф. Традиционные жизненные принципы и установки чувашского народа демонстрируют нам такое ценностное отношение к миру. Соединение их с ценностями постнеклассической рациональности позволяет по-новому взглянуть на развитие техногенной цивилизации, преодолеть современный кризис духовности.

Одной из особенностей техногенной цивилизации является трансформация традиционных культур, а то и уничтожение их. Стремление к инновациям, оригинальности во всем, генерирование новых идей и концепций, активная преобразующая деятельность человека – эти характеристики техногенной цивилизации приводят к преобразованию нравственных основ многих традиционных обществ. А следующие за этим унификация общественной жизни и глобализационные процессы приводят человечество к кризисным состояниям. Поэтому, как нам кажется, для сохранения стабильности и устойчивости общества необходимо возродить утра-

ченные духовные, морально-нравственные и культурные ценности, продолжить прерванную историческую преемственность поколений и исторической государственности, формировать общественное сознание на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, исторических традиций, религиозной веры предыдущих поколений. Только единение государственных интересов и глубоких духовно-нравственных основ позволяло нашей стране с глубокой древности и вплоть до нынешних времен преодолевать острые кризисы в развитии России.

В последнее время много говорится о возрождении исторического, государственного и национального самосознания народов России, об утверждении культуры, принципов гражданского достоинства и чести, уважения к российской истории, высокой нравственности и духовности. Средством обеспечения должной морали и нравственности в обществе должен быть приоритет национальной самобытности и извечных традиционных ценностей народов России, веры предков, духовно-нравственных ценностей, идеалов христианской терпимости, уважения к личности. У русского народа есть уникальный опыт – «опыт духовного единства со всеми представителями „многонационального” и „многоисповедного” русского народа, создавшего за тысячу лет единую русскую культуру в едином пространстве, в едином климате, в единых условиях труда и быта, в сражениях с общим врагом и за общее дело» [4, с. 57]. Чувашский народ вошел в состав Русского государства в XVI в. и принял христианство. Это открыло перспективу его социально-экономического и культурного развития, оказало значительное влияние на духовную культуру и на весь процесс формирования самосознания чувашского народа. Исследователь истории и этнографии народов Среднего Поволжья Л.А. Таймасов полагает, что «утверждение русского православия на принципах просвещения обогатило духовный мир крещеных народов достижениями христианской культуры, способствовало развитию образования, вело к формированию национальных кадров духовенства, интеллигенции, воздействовало на процесс формирования наций» [8].

Залогом успешного развития является правильное соотношение традиций и инноваций. Все политические, экономические и соци-

альные преобразования не должны прерывать преемственную связь российского общества с вековыми национальными духовно-нравственными устоями и традициями.

В современном мире синергия постнеклассической рациональности с ценностями традиционных культур становится перспективой для диалога культур, поиска новых мировоззренческих ориентаций. В условиях глобальных социальных изменений, происходящих в обществе, в частности в его структуре, проявляется всё нарастающая зависимость научного знания от социальных и культурных воздействий. Происходит качественное изменение духовных ценностей человека. Знаковым свойством современности становится кризисность. Все явственнее проявляются в современном мире катастрофические тенденции.

В кризисное историческое время рождается новый тип личности – бифуркационный, находящийся в состоянии крайней степени внутреннего напряжения, совмещающий в себе две крайности: с одной стороны, ориентацию на традиционные ценности, с другой – на инновационную форму организации жизни, труда, управления в обществе [9, с. 321]. Такой тип порождается в переходные периоды развития цивилизаций и культур.

В переходное время необходим аттрактор – активный устойчивый центр, способный притягивать и организовывать окружающую среду в определенном направлении. Это должна быть такая система идей общественного переустройства, объединяющая, организующая людей и ориентирующая их на деятельность в опреде-

ленном направлении в соответствии в теми целями, вокруг которых они объединились. В современном мире синергия постнеклассической рациональности с ценностями традиционных культур может стать перспективой для диалога культур, поиска новых мировоззренческих ориентаций.

Учеными – философами, историками, этнографами – вырабатывается стратегия создания образа этноса, сохранения и поддержки этнической идентичности. В Чувашии принимаются меры для сохранения общности основных компонентов культурной идентичности (выделенных П. Алтером): традиций, языка, места проживания, религии, обычаев, истории. В Чувашии сформировалась своеобразная школа этнической философии, начало которой положено трудами профессора А.И. Петрухина. Продолжателями этнофилософских исследований стали Э.З. Феизов, собравший вокруг себя исследователей традиций, менталитета, мудрости, культуры чувашского народа, Н.А. Исмуков, В.А. Федотов, Р.В. Михайлова и другие ученые, чьи труды социально-философского и теоретико-методологического характера, посвященные историко-литературоведческому, лингвистическому, фольклорному, этнографическому исследованиям, способствуют созданию единой этнофилософской теории.

На наш взгляд, обращение к этнокультурным традициям и ценностям народов, населяющих Россию, становится особенно важным в создании новых идеологических символов и смыслов, так необходимых в сложившихся геополитических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Евграфова Т.Н.** Кооперативные ценности и принцип соборности в трудовой этике чувашского народа // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2013. № 4 (14). С. 92–95.
2. **Евграфова Т.Н.** Формирование философской культуры чувашей. Чебоксары: Изд-во ЧКИ РУК, 2011. 140 с.
3. **Исмуков Н.А.** Национальное измерение культуры (философско-методологический аспект). М.: Изд-во МПГУ: Прометей, 2001. 273 с.
4. **Рудская Н.В.** К вопросу об актуальности русского евразийского проекта в новых геополитических реальностях // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2 (196). С. 52–58.
5. **Скворцов М.И.** Культура Чувашского края. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1995. 350 с.
6. **Стёпин В.С.** Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/6154-klassika-neklassika-postneklassika-kriterii-razlicheniya.html.
7. **Стёпин В.С.** Цивилизация и культура. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. 408 с.
8. **Таймасов Л.А.** Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные про-

цессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07: Чебоксары, 2004. 502 с.

9. **Шалаев В.П.** Синергетика в пространстве философских проблем современности: моногр. Йошкар-Ола: Марийский гос. техн. ун-т, 2009. 360 с.

10. **Чăваш** халăх сăмахлăхĕ = Чувашское устное народное творчество. В 6 т. Т. 5: Мелкие жанры. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1984. 352 с.

11. **Чăваш** халăх сăмахлăхĕ = Чувашское устное народное творчество. В 6 т. Т. 6: Мифы и предания. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1987.

ЕВГРАФОВА Татьяна Николаевна – кандидат философских наук, доцент Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

Россия, 428025, г. Чебоксары, пр. М. Горького, 24

e-mail: evgrafova72@mail.ru

T.N. Evgrafova

THE SYNERGY OF TRADITIONAL VALUES AND POSTNONCLASSICAL RATIONALITY: THE SEARCH FOR NEW IDEOLOGICAL ORIENTATIONS (ethnophilosophy aspect)

The article is devoted to topical issues of search for new ideological reference points of modern civilization in the conditions of intensification processes of globalization. Based on synergistic and ethnophilosophy methods, this paper analyzes the constants of post-non-classical rationality, the problems of national identity and national socio-cultural dominants in a modern worldview. Focus on the axiological paradigm in the examination of ethnic integration of a globalizing humanity. Carried out extrapolation of the traditional values of the Chuvash people using folklore material leads the author to the conclusion that it is a synergistic Symphony of postnonclassical rationality with traditional values can become the prospect for dialogue of cultures in conditions of expansion of space civilization and to tackle the constant of self-preservation of national cultures and the integration of the world community.

IDEOLOGICAL ORIENTATIONS; POSTNONCLASSICAL RATIONALITY; THE TRADITIONAL VALUES OF TECHNOGENIC CIVILIZATION; NATIONAL CULTURE; ETHNIC PHILOSOPHY.

REFERENCES

1. Evgrafova T.N. [Cooperative values and the principle of unity in the work ethic of the Chuvash people]. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2013, no. 4 (14), pp. 92–95. (In Russ.)

2. Evgrafova T.N. *Formirovanie filosofskoy kul'tury chuvashei* [Formation of philosophical culture of the Chuvash]. Cheboksary, CHKI RUK Publ., 2011. 140 p. (In Russ.)

3. Ismukov N.A. *Natsional'noe izmerenie kul'tury (filosofsko-metodologicheskii aspekt)* [National dimension

of culture (philosophical-methodological aspect)]. Moscow, MSPU, Prometheus Publ., 2001. 273 p. (In Russ.)

4. Rudskaya N.V. [About the relevance of Russian Eurasian project in the new geopolitical reality]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal, Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 2 (196), pp. 52–58. (In Russ.)

5. Skvortsov M.I. *Culture Chuvashskogo kraya* [Culture of the Chuvash territory]. Cheboksary, Chuvash publ. house, 1995. 350 p. (In Russ.)

6. Stepin V.S. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii pazlicheniya* [Classic, Classica, postclassical: criteria for distinguishing]. Available at: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6154-klassika-neklassika-postneklassika-kriterii-razlicheniya.html.

7. Stepin V.S. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2011. 408 p. (In Russ.)

8. Taymasov L.A. *Khristianskoe prosveshchenie nerusskikh narodov i etnokonfessional'nye protsessy v Srednem Povolzh'ye v posledney chetverti XVIII – nachale XX veka*. Dokt. dis. [Christian education of non-Russian peoples and ethno-confessional processes in the Middle Volga region in the last quarter of XVIII – early XX century. Doct. diss.]. Cheboksary, 2004. 502 p. (In Russ.)

9. Shalaev V.P. *Sinergetika v prostranstve filosofskikh problem sovremennosti* [Synergetics in the space of philosophical problems of modernity: scientific monograph]. Yoshkar-Ola, Mari State Technical Univ. Publ. 2009. 360 p. (In Russ.)

10. *Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Chuvash folklore]. In 6 vol. Of vol. 5. Melkie zhanry [Small genres]. Cheboksary, Chuvash publ. house, 1987. 443 p. (In Chuv.)

11. *Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Chuvash folklore]. In 6 vol. Of vol. 6. Mify i predaniya [Myths and legends]. Cheboksary, Chuvash publ. house, 1987. 443 p. (In Chuv.)

EVGRAFOVA Tatyana N. – *Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation.*

Ul. M. Gorkiy, 24, Cheboksary, 428025, Russia

e-mail: evgrafova72@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.17
УДК 1(091)

И.Д. Осипов, С.Н. Погодин

ИСТОРИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В статье анализируются историко-аксиологические основания российской культуры, связанные с генезисом и формированием некоторых главных направлений отечественной мысли. Рассмотрены такие идейные течения, как консерватизм, либерализм, евразийство и народничество. Делается вывод, что в отечественной духовной и социальной культуре существуют важнейшие ценности, обусловленные особенностями истории России: патриотизм, межконфессиональный и межнациональный мир, социальная справедливость и сострадание, духовная и социальная свобода, государственные интересы.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ; ПРАВО; ЛИЧНОСТЬ; КУЛЬТУРА; СВОБОДА.

Отечественная культура исторически формировалась в процессе тесного взаимодействия множества культур народов России и выявила свою специфику, отразившую диалектику национального и универсального. Особое значение для понимания истоков ценностей отечественной культуры имеют философские и религиозные труды эпохи Средневековья, летописные сочинения той поры, жития князей и духовных лиц, юридические памятники. Они позволяют понять Древнюю Русь как общество, духовно развивавшееся, обладавшее высокой культурой. К важнейшим ценностям отечественной культуры относятся: социальная справедливость и сострадание, духовная и социальная свобода, межнациональная и межконфессиональная терпимость, патриотизм и государственность. В российской культуре были выявлены и антиценности: эгоизм и стяжательство, насилие и беззаконие, религиозная и национальная нетерпимость.

В сочинении митрополита Илариона Киевского «Слово о законе и благодати» дается объяснение причин и движущих сил всемирной истории: она вершится по определенному Богом плану, а само движение ее воплощается в приобщении всё новых и новых народов к «благодати» (христианству). По его мнению, Хрис-

това благодать универсальна и духовна, а закон национален и материален. Специфика благодати в том, что она строится на Правде – справедливости в отличие от закона, который применяется формально. «Поучение» великого князя Киевского Владимира Мономаха также имеет важный культурный смысл. В нем указывается на тесную связь Правды и действий Власти. Справедливость власти рассматривается как универсальный принцип, устанавливающий ответственность всех перед законом. Трудолюбие, попечение о больных и неимущих, милосердие и прощение врагов являются кардинальными моральными нормами для него. В Московской Руси в полемике Нила Сорского и Иосифа Волоцкого определяются некоторые устойчивые парадигмы православной культуры. Нил Сорский, руководствуясь идеалом духовного преображения, призывал к аскетизму и обязательному труду для всех членов христианской общины. Он критиковал грех сребролюбия, выступая против монастырского землевладения. При этом Иосиф Волоцкий был защитником могущественной монастырской организации, оправдывая свою позицию необходимостью совершать благие дела (строить церкви и монастыри, подавать бедным). Иосифлянство в значительной степени было идеологией, выражающей необходимость активной социальной политики православной церкви. В «Домострое» Сильвестра присутствует представление о наличии единства божественного мира, государ-

* Статья публикуется в рамках гранта РГНФ, проект № 15-03-00445.

ства и домохозяйства отдельно взятого человека. Они управляются на основе нравственного согласия и ответственности каждого человека перед Богом, государством и семьей.

Эпоха Просвещения в России связана с фундаментальными социальными реформами, процессами секуляризации культуры. В это время постепенно и неуклонно развиваются естественная и гуманитарная науки. Екатерина II стремилась реализовать идеал просвещенной монархии, и в ее «Наказе» выражалась ценность естественного права людей на свободу. Просвещенный абсолютизм был философией сословного государства, но в то же время верховная власть выступала выразителем интересов господствовавшего класса. «Наказ» предусматривал и юридическое просвещение граждан, которое рассматривалось как средство воспитания и отвращения людей от пороков. Социальная концепция одного из ярких представителей отечественного гуманизма — А.Н. Радищева строилась также на основе теории естественного права. По его мнению, целью государственной «машины» является благо граждан, которое обеспечивается установлением добрых нравов и законов. В «Опытах о законодательстве» философ писал о том, что источником закона является монарх, но так как он получил свою власть от народа, то в его обязанности входит и забота о нуждах своих подданных. Согласно Радищеву, все люди по природе равны перед законом и к числу естественных прав личности относятся ее неприкосновенность, право собственности и вольности, а также право на свободу мысли и слова. Он отвергал крепостное право как не соответствующее природе человека и полагал, что чинящее беззаконие правление может быть свергнуто. В творчестве М.В. Ломоносова представлены ценности науки и образования, основанные на объективном исследовании природы. В этой связи он разработал научную методологию, которая исходила из необходимости последовательного перехода в познании от эксперимента к научной теории. Ломоносов сыграл важную роль в утверждении междисциплинарного характера науки и в демократизации образования в России.

В последующем можно выделить некоторые главные направления отечественной культуры.

Аксиология культуры отечественного консерватизма. Консервативные ценности тесно

связаны с онтологией российского общества, и особенностью консерватизма является преимущественное внимание к единству в культуре, к социальному универсализму. «Общество есть, таким образом, подлинная целостная реальность, а не производное объединение отдельных индивидов, более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком», — отмечал С.Л. Франк [1, с. 53]. Консерватизм является социальной онтологией по преимуществу, ибо он утверждает действительное единство тех коллективных форм бытия, где индивид еще не был выделен в духовном, психологическом и социальном отношениях. Онтологическая природа консерватизма привела его к апологии различных коллективных феноменов бытия: семьи, государства, нации, народа, общины, церкви. При этом суть консерватизма не столько в продуцировании рациональных теоретических концепций, сколько в апологии или творчестве ценностей. Переживание, вчувствование, понимание оказывается точным описанием процесса познания для консерваторов, так как в духовной целостности разум, чувства, воля и вера слиты. Абстрактный же разум, с точки зрения консерваторов, опасен, поскольку может оправдать даже Зло.

Наряду с этим в консерватизме присутствует и специфическая историческая логика: если нечто имело практический смысл в прошлом, то оно должно продолжать существовать. У большинства консерваторов мы можем найти примеры обращения к «спасительным обычаям, правилам и мыслям народным» (Карамзин) и морального суда над действительностью. Гносеология консерватизма отражена в категории мудрости как преимущественно опытного и морального знания. Тесная связь исторического и морального сознания стимулирует консерваторов на создание практической философии.

Консервативная гносеология во многом исходит из коллективного разума, памяти, сознания и чувства, и в этом случае она тесно связана с понятием мифа.

Консервативные ценности в отечественной культуре включают в себя:

- *ценность государственного, народного, национального, семейного начала.* Согласно И.С. Акса-

кову, общество есть не что иное, «как народный организм в деятельном развитии». Общество, по его мнению, служит не только сознательному выражению народных начал, но и внутренней целостности народного организма;

- *ценности власти и властного порядка.* Иерархия власти являлась альтернативой горизонтальной упорядоченности права. Выступая за целостность власти, консерваторы были принципиальными противниками демократии, разделения власти и верховенства права, поскольку они ослабляли власть. Сильное государство признавалось опорой социальной стабильности и нравственного воспитания. Государственный патриотизм консерватизма противостоял космополитизму либерализма;

- *ценность ответственности, служения, приоритет обязанностей перед правами личности.* И.А. Ильин полагал, что внутренняя свобода духа ни в коем случае не предполагает отрицания авторитета и дисциплины, но человек, не достигший ее и не сумевший внутренне освободиться, не заслуживает политической свободы;

- *ценность традиции.* В консерватизме утверждалась ценность культурного, религиозного традиционализма как основы эволюционных социальных изменений и саморегуляции общества;

- *ценности государственного, социального и обычного права в противовес гражданскому праву и правам личности.*

Таким образом, консерватизм является системной культурной идеологией с присущим ему образом мыслей и социальной практикой. Критикуя либерализм, консерваторы предостерегали от поспешных социально-культурных реформ.

Аксиология культуры народничества. Впервые термин «народничество» появился в русской литературе в 70-х гг. XIX в. для обозначения людей, изучающих разные стороны народной жизни и желающих разделить с простым народом тяготы его быта. Народничество — специфический социокультурный феномен и мировоззрение, возникновение которого обусловлено противоречивыми процессами модернизации и перехода российского общества середины XIX в. от традиционных феодальных к буржуазным экономическим и политическим отношениям. «Русское народничество есть порождение раскола Петровской эпохи. Оно есть продукт

сознания интеллигентными слоями неоправданности своей жизни, нелепости своей жизни, продукт неорганического характера всего строя русской жизни», — писал Н.А. Бердяев [2, с. 49]. Важнейшими ценностями народничества были ценности социальной справедливости, коллективизма, взаимопомощи и равенства. Данные ценности тесно связаны с традицией правды и справедливости, характерных для отечественной культуры и для гуманистов эпохи Просвещения в России. Просвещенный гуманизм народничества проявился в конструировании идеала народолюбия и образа «кающегося дворянина», виновного перед крестьянами за их трудную жизнь. С ценностями народников связаны и определения крестьянства как носителя социалистического и духа, хранителя подлинных нравственных ценностей и коренных устоев жизни. Они виделись в артельном труде, общинной собственности на землю, сельском самоуправлении и нормах обычного права. Народники были убеждены в том, что народная масса потенциально способна усвоить высшие плоды европейской культуры и цивилизации. «Крестьянский социализм» А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, «рабочий социализм» П.Л. Лаврова основывались на представлении о народе как объекте воспитания и управления.

Можно выделить в народничестве два основных направления: революционное и либерально-демократическое. Главными концепциями революционной демократии были теории крестьянского социализма, некапиталистического пути развития России и социальной революции, впервые разработанные А.И. Герценом. Социализм Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева опирался на реалистическое познание действительности и соединял ценности свободной личности и коллективизма. Революционные демократы полагали, что некапиталистический путь развития и общинное самоуправление позволят, с одной стороны, преодолеть пережитки крепостного права и притеснения со стороны властей, а с другой — избежать негативных последствий капитализации страны: пауперизации крестьянства, социальных конфликтов, «дармоедства» высших сословий и формализма государственных норм. Итогом «пересоздания» общества представлялась социалистическая республика, в которой, по Герцену, достигнуто гармоничное единство

личности и государства, власти и общества, коммунизма и эгоизма. В сочинениях революционных демократов аргументировалась и идея преимуществ России, обладающей социалистическими традициями жизни в сельском «миру», перед индивидуалистическим Западом. При этом Чернышевский считал, что следует соединить промышленные и технические достижения западной цивилизации с социалистическими чертами быта русского народа. Особенностью революционно-демократического мировоззрения были сакрализация революции, призванной радикально изменить к лучшему существующую действительность, и недооценка эволюционных факторов социального развития. Социальная революция стала символом веры значительной части разночинной интеллигенции пореформенной России. Теория «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева доказывала нравственную обязательность и разумность участия интеллигенции в революционной борьбе за исторический прогресс.

Либеральное народничество получило отражение в воззрениях П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова и исходило из ценностей культурничества — просвещения крестьянства, стремления на основе реформ построить экономику, в которой будут сохранены особенности российской традиционной экономики. Это виделось, в частности, в развитии малого и среднего предпринимательства в России. К важным идеям либерального народничества следует отнести и стремление синтезировать ценность уникальности свободной личности с принципами коллективизма труда в капиталистической промышленности.

Аксиология культуры отечественного либерализма. Либерализм в России определяется в своем развитии ценностями предпринимательства, гражданского права, личного творчества и свободы, исторического прогресса. В либерализме история понималась как закономерный, внутренне обусловленный процесс прогрессивного развития общества. Теоретики либерализма претендовали на создание идеала, связанного с глубинными тенденциями развития общества и являвшегося альтернативой утопиям социализма и консерватизма. Для этого следовало, по их мнению, изучить общество в реальности всех его отношений, а общественный идеал понять

как закономерный и специфический продукт духовной деятельности личности, опосредованный достигнутым уровнем развития материальной и духовной культуры. Реализация идеала происходит в процессе внутреннего, духовного преобразования личности и совершенствования государственных учреждений. Внутренняя связь высших целей и практических средств объективируется в ходе исторического прогресса и проявляется в творческой деятельности личности.

Главной ценностью либерализма является ценность свободной личности. Гуманистический смысл общественного идеала либерализма проявился в понимании человека абсолютной целью общественной эволюции, а обеспечения прав личности — важнейшей ценностью. К ценностям либерализма относились: право на свободу мысли в политике и культуре, право собраний и объединений в общественные и политические организации, право собственности и принцип неприкосновенности личности. Различая нравственный и политический идеалы, русские либералы отстаивали право человека на выбор тех или иных форм государственной жизни и политического устройства. Этицизация общественного идеала отражала антиабсолютистские идеи либерализма и ставила целью защиту личной жизни человека от посягательств на нее со стороны государства. «Либерализм, по идеальной своей сущности, — писал Н. Бердяев, — ставит цели: развитие личности, осуществление естественно-го права, свободы и равенства...» [3, с. 119].

Аксиология либерализма также исходила из представления об объективном процессе взаимовлияния культур народов, казалось допустимым, и в некоторых случаях необходимым, использование опыта других народов для совершенствования отечественных политических учреждений. Социальный прогресс включает и необходимость усвоения достижений западноевропейской цивилизации, органически интегрируя их. Вместе с тем признавалось необходимым учитывать национальный быт, религиозные верования, экономические условия, предрассудки, нравы и обычаи при осуществлении социально-политических реформ. Исторический прогресс выявляет существенные черты культурно-исторического типа и предполагает не уничтожение прежних форм быта, а переход к новому типу жизни.

Своеобразие аксиологии либерализма выразилось в идеале, интегрирующем «патриархально-отеческую» модель отношений между властью и подданными с принципами правового государства. Стремясь пройти между Сциллой народничества и Харибдой консерватизма, либералы призывали к примирению начал власти и закона с началами свободы, ссылаясь на традиции особых отношений между монархом и народом в истории русского государства и на прогрессивную роль монархии в преобразованиях русского общества. «Если охранительная партия не хочет намеренно связать себя по рукам и ногам и ограничиться ролью жертвы, обреченной на заклятие, она не может быть врагом свободы и преобразований. Либеральные законы, незыблемые гарантии свободы могут стать более прочной твердыней общественного порядка, нежели шаткость чиновничьего произвола», — писал Б.Н. Чичерин [4, с. 446]. Властители и подданные должны были пойти на взаимные уступки. Государство, руководствуясь принципом «либеральные меры и сильная власть», должно было разрешить обществу выражать свое мнение и иметь политические партии, тем самым добровольно ограничив свою власть. А «общество» должно было осознать свою ответственность перед страной, терпеливо и настойчиво добиваться необходимых реформ. Нравственное оправдание власти требовало от личности понимания своего долга перед государством и предполагало воспитание политического разума у индивида — гражданина своего отечества. Государственное и национальное начала сливались воедино в личности и культуре, образуя идеал новой государственности, опирающейся на политические и культурные традиции страны. При этом в рамках единой парадигмы либерализма существовали концепции «мужицкого царства» К.Д. Кавелина, «правовой монархии» Б.Н. Чичерина или «Великой России» П.Б. Струве, которые различным образом выражали особенности идеала русского государства.

Объединяло либералов пристальное внимание к ценности права. Исторически понимаемое право и правовое измерение истории создавали особое мировоззренческое пространство либерального мышления. Легализм проникал в содержание философии русского либерализма. По мнению либералов, свобода является свободой

равных, и поэтому люди должны стать субъектами права и участниками договорных отношений между собой и государством. После этого равенство, так же как и свобода, принимало конкретный юридический смысл, теряло свою метафизическую абстрактность и наполнялось социологическим содержанием. Идеал правового государства стал практической целью реформы государственности и изменения его бюрократической сути. Для этого требовалось не только формально-демократическое волеизъявление общества, но и нравственное санкционирование народом власти. Подобное понимание расширяло концептуальные рамки западноевропейского этатизма и восходило к укоренившемуся в политической мысли России понятию государства, построенного на началах справедливости и правды. В основные признаки такого государства включалась обязанность государства по созданию необходимых условий для полноценной жизни человека и гарантии достойного человеческого существования. Этический подход сделал возможным критику правового формализма, т. е. содержательного неравенства таких прав, которые по букве закона равны.

На разных этапах российской истории либерализм пытался открыть законы эволюционного развития общества, желая подчинить социально-политическому контролю стихийные общественные процессы. Не отрицание и разрушение государства, а его совершенствование — таково было кредо отечественного либерализма. Либералы были монархистами, но только в той мере, в какой верили в прогрессивную роль верхов в предстоящей реформе. Социально-экономическая программа либерализма отличалась своей обращенностью к посюсторонней истории и предусматривала меры по переходу к свободной от феодальных пережитков капиталистической экономике, развитию торговли, обмена и городской промышленности. Отмена крепостного права должна была постепенно преобразовать сословное общество в гражданское, социальной опорой которого были бы средние слои, образующиеся из личных дворян, купцов и разбогатевших крестьян. В рамках либерального движения родились идеи конституционализма, земства, независимого правосудия, сформировались первые политические партии, давшие импульс к созданию предпосылок правового государства.

Наряду с классическими консерватизмом и либерализмом в отечественной культуре была представлены и различные варианты их синтеза. Характерным примером такого синтеза является либеральный христианский консерватизм В.С. Соловьёва. По его мнению, добро или высшее благо, абсолютно сущее – направляющие начала исторического процесса. Предмет человеческой воли составляет общественное благо, моментами которого выступают формальное (материальное) благо, абсолютное существование и справедливость. Из стремления человека к благу проистекают все формы общественных союзов. Так, из стремления к формальным благам возникает государство, из влечения к вечной жизни – духовное общество, а из стремления к справедливости – право. Соловьёв стремился обосновать наличие реальной духовной основы общества, видя ее в неизбежности осуществления нравственной организации человечества – Богочеловечестве. В учении о Богочеловечестве Соловьёв преодолевает, с одной стороны, крайности социализма, утверждающего первичность общественного бытия, материальных ценностей, а с другой – крайности либерализма, придающего личности абсолютное значение. Философ отмечал, что субъектом исторического развития является действительный, хотя и собирательный организм, человечество является единством, обладающим более значимой реальностью, нежели нация и государство. Сущность свободы заключена в добровольном выборе человеком божественной цели, по отношению к которой даже свобода играет подчиненную роль. Она «не определяет цель», а только выражает «способ действия», играет роль средства для ее осуществления. Внутренняя свобода, т. е. добровольное и сознательное предпочтение добра злу во всем, есть главное принципиальное условие всякого добра. Согласно Соловьёву, свобода не задана изначально и безусловно, она возникает в процессе постепенного совершенствования человека и его восхождения к Богу. При этом Соловьёв подчеркивает, что свобода не освобождает никого от обязанностей перед людьми, а напротив, предполагает выполнение человеком своих социальных обязанностей. Человеческая личность самоценна, поэтому свобода одного определена свободой другого, однако человек должен относиться к другим «не как к

границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту».

Философ находил в государственной деятельности важнейшее условие культурного прогресса человечества, основанного на сотрудничестве многих сил. Государство определяет отношения людей не к внешней природе, а друг к другу непосредственно. Государство и право представляют собой формы преодоления природного эгоизма личности. Государственные повинности служат общественному благополучию, и граждане обязаны выполнять свой гражданский и патриотический долг, даже при несогласии с частными вопросами государственной политики. Оправдывая существование государства, Соловьёв отмечает, что оно занимает срединное положение между церковью и обществом, а государственная власть выступает удерживающей силой зла до тех пор, пока «все человеческие воли не созреют для решительного выбора между абсолютным добром и безусловным злом». При этом «христианство, возвышая религию над государством, создавая Церковь, тем самым освобождает и общество от государственного всевластия, образует свободное самостоятельное общество» [5, с. 135]. Соловьёв видел нравственный смысл государственной деятельности в борьбе со злом, которая допускает в случае необходимости и применение силы. Нравственная политика реализуется как в отношении отдельного человека посредством обеспечения государством его достойного существования, так и на международном уровне: нравственный закон един и для индивидуума, и для народа в целом.

Высшими ценностями христианского государства являются: распространение христианства в мире, мирное сближение народов, а также устройство в каждом народе общественных отношений в соответствии с христианским идеалом. От церкви государство получает высшую цель и положительный смысл своей деятельности. Соловьёв подчеркивал, что церковь не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и гражданскому сообществу высшую цель и безусловную норму их деятельности. При этом в отношениях христианского государства и церкви действует принцип различения двух сфер жизни: религиозной и политической. Совместные усилия церкви и государства приводят к тому, что государство,

следуя христианским началам жалости и сострадания, создает материальные предпосылки для общественного развития, церковь же заботится о внутреннем духовном и нравственном исправлении человека. Государство, возвышая религию над собой, тем самым освобождает общество от государственного всевластия и образует свободное самодеятельное общество. Идеалом Соловьёва является свободная теократия – высшая цель развития христианского государства и нормального общества, где свершилось единство духовной и светской власти, личности и государства.

Идеи Соловьёва получили свою конкретизацию в философии права, где он выделяет следующие основания права: сила, разум и свобода. Противопоставляя этическое право и юридическую законность, философ воспроизводит характерную для отечественной культуры коллизию закона и благодати и видит достоинство русского народа в его «неспособности возводить свое несовершенство в закон». Соловьёв отстаивал «живое» право, в котором сохраняются естественно-правовые, нравственные моменты. Цель государства – разграничение и сохранение равновесия интересов, а в обществе необходимо равенство всех перед справедливой властью. Социальный идеал Соловьёва не предполагал ликвидации капитализма, а только требовал связать присущие ему конкурентные отношения с началами добра. Зло капитализма связывается им с плутократией, экономическим кулачеством, эгоистически заботящимся о своих интересах в ущерб общественным целям. Следовательно, нужна иная жизненная организация – нормальное общество, которое обеспечило бы благо человека в его целостности и абсолютности. Согласно Соловьёву, противоречия капитализма устранимы на почве христианского гуманизма. Касаясь права собственности, он стремился найти оптимальный подход в решении данной проблемы. С одной стороны, он признает наследственное право, имеющее своим основанием право собственности на землю, – моральное отношение к земле. С другой стороны, право собственности для него не носит безусловный характер и ограничено законной и моральной нормой. Философ выступает как против чрезмерных и извращенных потребностей капиталистов, так и против внушаемых завистью социалистических вы-

ступлений против богатых, считает необходимым согласование частного богатства с общим благом. По мнению Соловьёва, работник произведет гораздо больше, если будет работать с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарности с обществом, которое не эксплуатирует его, а заботится о нем.

Аксиология культуры евразийства. В ряду ценностей отечественной культуры особое место занимает евразийство. Среди первых евразийцев были языковед и этнограф Н.С. Трубецкой, экономист-географ П.Н. Савицкий, искусствовед П.П. Сувчинский, философ и богослов Г.В. Флоровский. Заметную роль в этом движении в последующем сыграли юрист Н.Н. Алексеев, историки Г.В. Вернадский, Г.П. Федотов, филолог П.М. Бицилли. Важнейшие ценности евразийства содержатся уже в работе Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», изданной в 1920 г. Основной мотив его книги – критика абсолютизации преимуществ европейской культуры. Трубецкой доказывает, что в ходе европеизации происходит потеря культурной самостоятельности европеизируемых народов, так как процесс культурного взаимодействия имеет неравный характер: импорт ценностей западной культуры всегда превышает экспорт ценностей европеизируемого народа. Принципиальной особенностью воззрений евразийцев была корреляция культурных, психологических и географических особенностей жизни тех или иных народов. Для евразийцев Россия – это не Запад и не Восток, а именно Евразия – особый географический и культурный мир. Смысл утверждения евразийцев сводился к провозглашению существования особой евразийской культуры и ее специфического субъекта – симфонической личности.

В культуре евразийцы выделяли «два порядка» ценностей: одни были связаны с установлением целей народной жизни, другие – со средствами их достижения – техникой и эмпирическим знанием. Из этого следовал вывод о преимуществе духовной культуры России-Евразии. Ее особое место среди славянских культур подчеркивалось указанием на то обстоятельство, что единственным звеном, связующим славянские и русские культуры, является язык. Россия-Евразия унаследовала не только византийские культурные традиции. Важным

культурным фактором оказалась и «восточная волна» Монголии. Евразийство ставило задачу выявить соотношение народности и территории, для решения которой должны были приниматься в расчет давление и сопротивление, оказываемые друг на друга субкультурами Евразии, а равно и степень вовлеченности каждой из них в сложный оборот европейской культурной, политической и экономической жизни при наличии, с одной стороны, сложных групповых и классовых противоречий, а с другой — «сил центростремительных и культуурообразующих». На теоретическом уровне эта задача формулировалась как проблема взаимодействия различных субкультур.

Евразийство исходило из существования общественно-культурных циклов зарождения, расцвета, упадка и вариативного представления о развитии истории. Симфоническая личность культуры составляется из иерархически организованного комплекса личностей (класс, сословие, семья, человек и пр.), сосуществующих одновременно, но генетически связанных с другим предшествующим ему комплексом индивидуализации прошлого. Чтобы язык культуры стал доступным, в ней за внешними формами следует искать духовный стержень, каковым является господствующая в данной культуре «идея-правительница», определяющая, нормирующая различные модификации культуры. Согласно Н.С. Трубецкому, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою «идею-правительницу», носителем которой является правящий слой.

Для евразийцев были неприемлемы стяжательский характер западной цивилизации, подчинение человека погоне за прибылью, замена человеческих отношений жестким экономическим расчетом, дух рационализма и конкуренции. По их мнению, был необходим третий путь, устанавливающий связь материального с духовным и умело сочетающий то, что должно быть национализировано, с тем, что должно оставаться частным (земля), потому что «хозяйское ценение хозяйства начина-

ется с религиозного корня». Евразийцы доказывали, что и понятие собственности должно всегда связываться с обязанностями личности по отношению к обществу и государству. Следуя своим принципам, евразийцы разработали концепцию «добротного хозяина», который рассматривает хозяйство не просто как средство получения прибыли, а как средство для исполнения некоторой нравственной миссии. Так, Н.Н. Алексеев полагал, что общее направление пути, которому должно следовать преобразование собственности, можно выразить в формуле: «ни капитализм, ни социализм». Евразийская модель смешанной экономики была, по мнению евразийцев, наиболее адекватна географическим, экономическим и историческим условиям России. Алексеев развивал концепцию «праведного государства».

Таким образом, рассматривая историческую аксиологию отечественной культуры, можно сделать вывод о наличии в ней ценностных констант, обусловленных особенностями истории России. Геополитические, а также социокультурные условия жизни требовали выработки таких ценностей российского общества, которые соответствовали бы его потребностям, необходимости обеспечения его безопасности и социальной интеграции. В основе отечественного мировоззрения находятся ценности коллективизма, соборности, свободной и ответственной личности, государственных интересов. И сравнивая эти ценности с западноевропейскими ценностями, следует отметить, что и на Западе были ценности коллективизма и консерватизма. Однако в целом западная культура базируется на системе либеральных ценностей; в ее основе — идея эмансипации индивидуума. В России же ценность личных прав и свобод по своей значимости была вторична, главными были ценности социальные и государственные. Это не случайно, так как для нашего Отечества была опасна всякая смута, которая угрожала сохранению государства, а тем самым и благополучию отдельно взятого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Франк С.Л.** Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
2. **Бердяев Н.А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
3. **Бердяев Н.А.** Этическая проблема в свете философского идеализма // Манифесты русского идеализма. Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины / сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2009. 1069 с.
4. **Чичерин Б.Н.** Несколько современных вопросов // Философия права. СПб.: Наука, 1998. 656 с.
5. **Соловьёв В.С.** Духовные основы жизни. СПб.: Марс, 1995. 145 с.

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: idosopov@mail.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: pogodin56@mail.ru

I.D. Osipov, S.N. Pogodin

HISTORICAL AXIOLOGY OF RUSSIAN CULTURE

The paper analyzes the historical and axiological foundation of Russian culture associated with the genesis and formation of some of the major components of the national idea. In this regard, considers such ideological currents as conservatism, liberalism, populism and Eurasianism. The conclusion about the existence of the most important values of national spiritual and social culture of patriotism, interfaith and interethnic peace.

JUSTICE; RIGHT; PERSONALITY; CULTURE; FREEDOM.

REFERENCES

1. Frank S.L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 511 p. (In Russ.)
2. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 220 p. (In Russ.)
3. Berdyayev N.A. *Eticheskaya problema v svete filosofskogo idealizma. Manifesty russkogo idealizma*. Moscow, Astrel' Publ., 2009. 1069 p. (In Russ.)
4. Chicherin B.N. *Neskol'ko sovremennykh voprosov. Filosofiya prava*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 656 p. (In Russ.)
5. Solovyev V.S. *Dukhovnyye osnovy zhizni*. St. Petersburg, Mars Publ., 1995. 145 p. (In Russ.)

OSIPOV Igor D. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: idosopov@mail.ru

POGODIN Sergey N. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: pogodin56@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2015

DOI 10.5862/JHSS.227.18
УДК 316.752

М.Н. Миловзорова

ЛЮБОВЬ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Любовь рассматривается автором как базовая ценность русской цивилизации, поскольку благодаря ей и вокруг нее формируются другие фундаментальные ценности: защита жизни, справедливость, соборность, совесть, созидательность, великодушие, нравственное здоровье, свободолюбие, умение терпеть, выносливость, «всемирная отзывчивость». Россия является центром притяжения других народов и призвана защитить и сохранить уникальность и многообразие культур. Русская идея в своей органической интерпретации утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ; ЦЕННОСТИ; КУЛЬТУРА; ЗАЩИТА ЖИЗНИ; СОБОРНОСТЬ; СОВЕСТЬ; СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬ; ВЕЛИКОДУШИЕ; НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ.

7 февраля 2014 года в Сочи состоялась церемония открытия зимних Олимпийских игр. Она повлекла за собой аналитические (главным образом культурологические) исследования по расшифровке символов и посланий, содержащихся в перформансе. Силу воздействия этой церемонии, свидетелями и сопричастными которой оказалось более 3 миллиардов человек, тогда признали все мировые средства массовой информации, в том числе и массмедиа «санкционирующих» нас «партнеров».

Это мощное воздействие было связано прежде всего с тем, что Россия впервые за много лет продемонстрировала миру ключевую ценность, на которой зиждется русская цивилизация, — Любовь. Ее аллегория была представлена в образе пронзительно-трепетной летящей девочки, глядя на которую, мы не могли не вспомнить слова Ю. Гагарина и других космонавтов о том, насколько хрупкой и прекрасной их взору предстала наша планета. Девочка во сне-мечте воспаряет в небо и видит проплывающую под ней Россию, но Россию не земную, не материальную, а ее небесное отражение, словно эйдос Платона. Более того, Россия зовет за собой весь мир, предлагая отвергнуть псевдоценности конкурирующего индивидуализма, гедонизма, релятивизма, унификации, ведущих к деградации и отмиранию. Россия предлагает выбрать жизнь, мир, нравственное здоровье, радость творческого труда.

Эффект синергии в социальных группах возникает только на основе взаимного доверия. В свою очередь, доверие между людьми складывается только тогда, когда общество скреплено общими ценностями. Ценности выступают мощным интегративным мировоззренческим фундаментом поведения и деятельности человека в контексте социальной группы.

Ценностный подход составляет необходимый аспект теории познания и методологии научного исследования, в особенности социально-философского исследования. Каждый подход к социальным исследованиям зависит от определенных аксиологических оснований. Таким образом, ценностный подход в управлении социальными системами является основополагающим.

Вслед за Г.В. Лейбницем мы настаиваем на утверждении: «*Ценное* есть значительное с точки зрения блага» [10, с. 126].

Весьма показательным является употребление категории ценности в связи с характеристикой культуры. Большинство определений культуры неизменно указывает на ценности как на ее основополагающие элементы. В ценностях сосредоточены опыт и познание прошлых поколений и одновременно воплощена устремленность культуры в будущее.

В каждой культуре доминирует своя система ценностей, которая, в свою очередь, состоит из неоднородных, зачастую антагонистических

элементов. Сравнение культур обычно проводится по линии сопоставления их ценностных комплексов.

Сегодня как никогда обостряются длящиеся уже более сорока лет дискуссии по вопросам *культурного империализма* [13], который выражается в настойчивой пропаганде всеобщих («общечеловеческих») ценностных ориентаций и нормативных установок, присущих всем людям без различия их государственной, национальной, конфессиональной, социально-культурной и даже гендерной принадлежности.

Конфликт основывается на том, что насаждается именно массовая культура потребления с ее основными ценностными установками: конкурирующим индивидуализмом, этическим релятивизмом, гедонизмом, потреблением, унификацией.

1940-е годы стали вехой в деле производства (воспитания) конформных масс, из которых предполагалось создавать общество потребления. Промышленным предприятиям, преследующим цель *максимизации прибыли*, а следовательно, и *максимизации производства*, требовалась соответствующая потребительская аудитория, которую было необходимо ориентировать на *максимизацию потребления*. Необходимо было создать «человека потребляющего», смыслом существования которого становилась максимизация положительных эмоций от потребления товаров и услуг и минимизация отрицательных эмоций, т. е. гедонизм должен был стать доминирующей мировоззренческой установкой.

Очень точно охарактеризовал конформные массы Х. Ортега-и-Гассет: «...Масса — совокупность лиц, не выделенных ничем, это „средний человек“. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни во зле *не мерит себя особой мерой*, а ощущает таким же, „как и все“, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью» [11, с. 11–12].

Главная черта человека массы не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений [1, с. 422].

По утверждению Х. Арндт, тотальное господство, которое стремится привести бесконечное множество весьма разных человеческих существ к одному знаменателю, возможно лишь в том случае, если любого и каждого человека удастся свести к некоей никогда не изменяющейся, тождественной самой себе совокупности ре-

акций и при этом каждую такую совокупность реакций можно будет наобум заменить любой другой. Проблема здесь состоит в том, чтобы сфабриковать нечто несуществующее, а именно некий человеческий вид, который напоминал бы другие животные виды и вся «свобода» которого состояла бы в «сохранении вида» [Там же. С. 568–569].

Методы достижения подобных стратегических целей были указаны 70 лет назад в доктрине А. Даллеса: «Окончится Вторая мировая война. Как-то всё утрясется, устроится. И мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь на оболванивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить» [5].

Для того чтобы осуществить подобные устремления, само понятие любви дискредитировалось и сводилось к «приятно-полезной функции организма», как это было показано Е. Замятиним еще в 20-е годы прошлого столетия в антиутопии «Мы»: «Естественно, что, подчинив себе Голод, Единое Государство повело наступление против другого владыки мира — против Любви. Наконец, и эта стихия была тоже побеждена, т. е. организована, математизирована, и около 300 лет назад был провозглашен наш исторический „Lex sexua’lis“: всякий из нумеров имеет право — как на сексуальный продукт — на любой номер» [7, с. 321].

Одной из идеологических баз концепций управления человеком вот уже более 100 лет выступает теория социального дарвинизма, основанная на принципе конкуренции. Человек рассматривается как особь, в которой биологическая компонента имеет определяющее значение. И.А. Ефремов связывал это учение с теорией *инфернальности* (от *лат.* — «ад»): естественный отбор природы предстал как самое яркое выражение инфернальности, метод добиваться улучшения вслепую, как в игре, бросающая кости несчетное число раз. Но за каждым броском стоят миллионы жизней, погибавших в страдании и безысходности. Жестокий отбор формировал и направлял эволюцию по пути совершенствования организма только в одном, главном, направлении — наибольшей свободы, независимости от внешней среды. Человек как существо мыслящее попал в двойное inferno — для тела и для души. Inferno для души —

это первобытные инстинкты, плен, в котором человек держит сам себя, думая, что сохраняет индивидуальность. Некоторые философы, говоря о роковой неодолимости инстинктов, способствовали их развитию и тем самым затрудняли выход из инферно. Выход, первый шаг к подъему общественного сознания — в *создании условий* для перевеса не инстинктивных, а само-совершенствующихся особей [6, с. 96].

Развенчивая мнимый восторг Ф. Ницше, вызывавшего к безнравственному наслаждению с «веселым брюхом», к так называемому «верховному зверю» с «грубым» и «диким» нравом, И.А. Ильин выявил: «В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: **сила инстинкта и сила духа**. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, есть **волк** в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти» [8, с. 31].

В работах И.А. Ильина мы также находим необыкновенно актуальные замечания по поводу кризиса такой культуры, из-под которой выбиты нравственные опоры. Философ указывает на *духовные раны* обреченной культуры, которая создавалась человечеством без веры, без сердца, без созерцания и без совести. Культура без сердца не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь. Расколотый человек всю свою жизнь балансирует между соображениями о пользе, которые он обозначает словом «разум», «разумный», и минутным капризом, которому он так охотно предается под именем «настроения». Если ему удастся держать кое-как равновесие между тем и другим, то его существование становится выносимым; если это ему не удастся, то он становится жертвой ипохондрии и ведет жалкое существование. Он вообще не знает, что начать, и главной целью его становится обогащение; все иное, высшее недоступно ему, ибо более глубокие источники и настоящие святости не существуют для него. Отсюда эта беспредметная тоска и скука жизни, которая владеет современным «цивилизованным», но культурно и духовно опустошенным человеком.

Моральный гедонист инстинктивно тяготеет ко всему, что вызывает в нем состояние блаженного умиления, и столь же инстинктивно отвращается от всего, что грозит нарушить, оборвать и погасить это состояние. Тягостный, мучительный опыт подлинного зла совсем отстраняется им, и всё воспринимаемое им систематически перетолковывается, искажается. Моральный гедонист видит не то, что подлинно существует. Он ценит в опыте не объективную верность и точность, а соответствие своим субъективным настроениям и фантазиям: его мирозерцание приобретает черты идиллической противоположности [9, с. 47–48].

Тенденция к установлению унифицированной массовой культуры по американскому подобию в определенной мере указывает на неизбежную перспективу заката и смерти культуры, что, в свою очередь, приводит к упадку и аннигиляции государства.

Если обратиться к терминологии Л.Н. Гумилева, то такое состояние жизни этноса называется инерционной фазой. Этнос живет «по инерции», благодаря приобретенным ценностям. Происходит взаимное подчинение людей друг другу, образование больших государств, создание и накопление материальных ценностей. Пассионарность (способность вбирать в себя энергию биосферы больше, чем необходимо) постепенно иссякает. Ведущее положение в обществе занимают субпассионарии — люди с пониженной пассионарностью. Они уничтожают не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада становятся необратимыми. Господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией [3, с. 22].

Основная ложь и зло эгоизма заключаются в том, что, приписывая себе безусловное значение и абсолютную ценность, человек *отказывает другим* в этом значении, признавая себя центром жизни, он других помещает на периферию своего бытия, оставляя за ними лишь относительную ценность. Как справедливо отмечал В.С. Соловьёв в статье «Смысл любви», «рассудок показывает нам, что это неосновательно и несправедливо, а любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать

для себя безусловное значение другого. Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особенности, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом» [12, с. 155].

Полагая, что смысл человеческой любви есть оправдание и спасение индивидуальности *через жертву* эгоизма, Соловьев утверждал: «Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность. Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, т. е. свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его [Там же. С. 152].

И.А. Ильин пришел к выводу о том, что человеку доступна двоякая любовь: любовь инстинкта и любовь духа, которые не антагонистичны, но сочетаются сравнительно редко. Различие их заключается в том, что любовь инстинкта ищет того, что данному человеку *субъективно нравится* (выражая это русской поговоркой «по милу хорош»), чтобы слепо и безосновательно приписывать ему в воображении возможные совершенства. Любовь духа ищет *подлинно (объективно)* хорошего («по хорошу мил»), тяготеет к качеству, достоинству, совершенству [9, с. 156–157]. Мы полностью разделяем мнение нашего выдающегося соотечественника о том, что любовь есть духовная **воля к совершенству** предмета любви [Там же. С. 59]. Это касается и любимого человека, и любимого Отечества, и любимой природы, и любимой планеты, и любимой Вселенной — и так до бесконечности.

Русская идея утверждает, что главное в жизни есть **любовь** и что именно любовью строится совместная жизнь на земле. Без любви русский

человек — неудавшееся существо, он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности [8, с. 318–319], что отражено, например, в «Бесах» Ф.М. Достоевского.

Русская идея — идея **сердца**. Идея **созерцающего сердца**. Сердца, созерцающего **свободно и предметно**; и передающего свое видение **воле** для действия и **мысли** для осознания и слова. Вот главная сила России и русской самобытности [Там же. С. 318].

Там, где начинается любовь, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность: человек собирается и сосредоточивается [9, с. 154].

Следствие любви — доброта, поскольку любовь вызывает у человека *потребность* осчастливить всё и всех вокруг себя и наслаждаться этим чужим счастьем как излучением своего собственного.

Другое следствие любви, которое Ильин называет даром, — самоотверженность, самоотречение: любимый предмет оказывается для человека выше его самого [Там же. С. 155].

Н.Я. Данилевский отмечал черту чисто славянского бескорыстия: идею о возвышенности пожертвования низшим для высшего [4, с. 82], огромный перевес общенародного русского элемента над элементом личным, индивидуальным [Там же. С. 237], а также умеренность, неприязнательность и благоразумие русского народа [Там же. С. 588].

Считая, что именно духовное и политическое здоровье характеризуют русский народ, он называл болезнью русской жизни *европейничанье*. Однако в решительные минуты, в кризисы народной жизни выступают на первый план не деньги, даже не та или иная военная организация, а два *нравственных двигателя*, при посредстве которых только и бывает возможно то напряжение всех народных сил, которое всё сокрушает и ничем само сокруσιμο быть не может. Это — *дисциплина* и *энтузиазм*, или беспредельная готовность к самопожертвованию [Там же. С. 551].

Русская идея созерцающей любви и свободной предметности сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры: желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто всё, что в России происходит и создается, совершенно, будто русский ха-

ракти не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей встречи или плохи, **мы призваны и обязаны идти своим путем** — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны **самостоятельно быть**, а не ползать перед другими; **творить**, а не заимствовать [8, с. 323–324].

Квинтэссенцией размышлений И.А. Ильина о самобытности русской культуры становится следующий тезис: «Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она „отрицает“ волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон» [Там же. С. 325].

Т. Гоббс в трактате «Левиафан» допускал утверждение о равенстве способностей людей, из которого, по его мнению, возникает равенство надежд на достижение целей: если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, то они становятся врагами [2, с. 94].

Отправной точкой сконструированной Гоббсом теории является его бездоказательное допущение о «естественном» состоянии человека: «до тех пор, пока человек находится в естественном состоянии (которое есть состояние войны), мерой добра и зла являются его личные влечения». [Там же. С. 123].

Западные футурологи считают, что достаточно хорошо изучили Россию, однако мы вслед за И.А. Ильиным констатируем очевидный факт: «Европа не знает нас потому, что **ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека**. Западноевропейское человечество движется во-

лею и рассудком. Русский человек живет прежде всего **сердцем и воображением**, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как „глупости“; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; зато требует внутри государства формальной „свободы“ и формальной „демократии“. Русский человек всегда наслаждается естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и неестественностью своей внутренней индивидуализации; он всегда „удивлялся“ другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил **свободу духа** выше формальной **правовой свободы** — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними» [8, с. 132–133].

Главная особенность русского государственного строя, по мнению Н.Я. Данилевского, заключается в том, что «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» [4, с. 235]. Таким образом, русский народ есть цельный духовный организм, а не государственный механизм, в трактовке Гоббса.

В сегодняшней обстановке мировой турбулентности наполняется новым смыслом важнейшее высказывание Данилевского о тех трех исторических *ролях*, которые могут выпасть на долю народа: или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа; или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации; или служение чужим целям в качестве этнографического материала [Там же. С. 112].

Самоопределение — это выбор одной из указанных ролей. Леденящим душу холодом пронизывает нас из глубины веков прогноз воз-

возможного будущего нашего Отечества: «России, не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, — ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегибать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа» [4, с. 481].

Рассматривая глобализацию как практическое воплощение концепции One World, предполагающее конструирование унифицированной однополюсной цивилизации по западному стандарту, с обезличиванием и нивелированием человека, мы можем выделить ряд ее отличительных признаков, сходных с тоталитаризмом:

- опора на массы конформистов и отрицание классов,
- обезличивание человека,
- пропаганда как способ управления массовым сознанием,
- монополия на информацию как основа верховной власти,
- террор во всех сферах социальной жизни как истинная сущность данной формы правления,
- пренебрежение нормами права и нравственности,

• способность бесконечно воспроизводиться и сохранять свою структуру даже в условиях нестабильности.

В России никогда не было недостатка в пророках, и в сентябре 1870 года Ф. Тютчев написал «Два единства»:

*Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...*

Русская цивилизация понимается нами как диалектическое отрицание глобализма, как необходимое условие для обратимости процесса глобализации. Россия всегда принимала на себя самые тяжелые удары претендентов на мировое господство, и именно она проявляла феноменальную способность противостоять подобным устремлениям.

Основываясь на следующих ценностях: защита жизни, соборность, совесть, созидательность, великодушие, нравственное здоровье, свободолюбие, умение терпеть, выносливость, «всемирная отзывчивость», Россия является центром притяжения других народов, она призвана защитить и сохранить уникальность и многообразие культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арендт Х.** Истоки тоталитаризма [пер. с англ.]. М.: ЦентрКом, 1996.
2. **Гоббс Т.** Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. В 2 т. Т. 2 / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991.
3. **Гумилев Л.Н.** От Руси до России: очерки этнической истории. СПб.: Юна, 1992. 272 с.
4. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. М.: Изд-во Ин-та рус. цивилизации : Благословение, 2011. 816 с.
5. **Директива** Совета национальной безопасности США № 20/1 от 18 августа 1948 года. URL: http://movalex.narod.ru/pic/mdocs/directivi_dallesa.html.
6. **Ефремов И.А.** Час быка. Петрозаводск: Карелия, 1991. 430 с.
7. **Замятин Е.И.** Мы // Избр. М.: Правда, 1989.
8. **Ильин И.А.** О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
9. **Ильин И.А.** Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
10. **Лейбниц Г.В.** Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984.
11. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс [пер. с исп.]. М., 2005.
12. **Соловьёв В.С.** Избранное. М.: Сов. Россия, 1990. 496 с.
13. **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием [пер. с англ.]. М.: Мысль, 1980.

МИЛОВЗОРОВА Мария Николаевна — кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова.

Россия, 190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1
e-mail: znaumeru@yandex.ru

M.N. Milovzorova

LOVE AS A BASIC VALUE OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

Love is considered as a basic value of Russian civilization, because through it and around it formed the other fundamental values: the protection of life, fairness, collegiality, conscience, creativity, generosity, moral health, freedom, the ability to endure, endurance, “world sympathy.” Russia is a center of attraction for other peoples and aims to protect and preserve the uniqueness and diversity of cultures. Russian idea in its organic interpretation says that the main thing in life is love, and that love is built to live together on earth.

CIVILIZATION; VALUES; CULTURE; THE PROTECTION OF LIFE; COLLEGIALLY; CONSCIENCE; CREATIVITY; GENEROSITY; MORAL HEALTH.

REFERENCES

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow, TzentrCom Publ., 1996. (In Russ.)
2. Hobbes T. [Leviathan, or matter, form and power of the state of ecclesiastical and civil]. Works. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1991. (In Russ.)
3. Gumilyov L.N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus' to Russia: Essays ethnic history]. St. Petersburg, Yuna Publ., 1992. (In Russ.)
4. Danilevskiy N.Y. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Institute of Russian civilization, Blagoslovenie Publ., 2011. (In Russ.)
5. [Directive of US Council of national security № 20/1 from August 18, 1948]. Available at: http://movalex.narod.ru/pic/mdocs/directivi_dallesa.html.
6. Efremov I.A. *Chas byka* [Hour of the bull]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1991. (In Russ.)
7. Zamyatin E.I. [We]. [Favorites]. Moscow, Pravda Publ., 1989. (In Russ.)
8. Ilyin I.A. *O gryadushchey Rossii* [About the upcoming Russia: Selected Articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993. (In Russ.)
9. Ilyin I.A. *Put' k ochevidnosti* [Way to the evidence]. Moscow, Respublika Publ., 1993. (In Russ.)
10. Leibniz G.V. [Works]. In 4 vol. Of vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1984. (In Russ.)
11. Ortega y Gasset H. *Vosstanie mass*. Moscow, 2005. (In Russ.)
12. Solovyev V.S. [Favorites]. Moscow, Sovetskaya Russia Publ., 1990. (In Russ.)
13. Schiller G. *Manipulyatory soznaniem* [Manipulators consciousness]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. (In Russ.)

MILOVZOROVA Mariya N. — Baltic State Technical University “Voennmeh” named after D.F. Ustinov.

1st Красноармейская ул., 1, St. Petersburg, 190005, Russia
e-mail: znaumeru@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.19
УДК 122/129

Н.В. Суманова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЕВРАЗИЙСТВА (социокультурный аспект)

Статья посвящена актуальному идейному направлению социальной философии – евразийству, которое сегодня представляет собой основной вектор российского развития во всех сферах жизни общества как наиболее приоритетный и перспективный. Рассмотрены особенности возникновения и развития евразийских идей, при этом сам феномен евразийства рассматривается с точки зрения историко-культурного, цивилизационного и коммуникативного подходов. Автор обращает внимание на роль диалога культур и глобализации в развитии представленного социально-философского идейного направления, обозначая их положительное и негативное влияние. Выделяются специфические основания единого евразийского пространства, к которым отнесены культурные, географические, исторические и политические характеристики как равноценные по степени своего влияния.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; ЕВРАЗИЙСКИЕ КОММУНИКАЦИИ; КУЛЬТУРА; КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ; ГЛОБАЛИЗАЦИЯ; ИДЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСТВА; ДИАЛОГ КУЛЬТУР; НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ.

Ситуации, складывающиеся в современном мире, приводят к тому, что Россия в политической, экономической и социальной сферах смещает свой привычный европоцентричный курс развития на евразийский, признающий в первую очередь уникальность исторических и культурных корней своей собственной страны. В связи с усилением взаимодействия со странами Азии начинает возрождаться евразийство – научное, политическое и социально-философское течение, направленное на раскрытие уникальности и самобытности культуры России, обусловленных феноменом ее территориального расположения и исторической спецификой.

Однако до конца не определено, что такое евразийство и евразийское пространство, где его границы и в чем они должны выражаться, где оно начинается и где заканчивается. Некоторые сторонники евразийства считают, что это направление должно ограничиваться только культурными особенностями, другие придерживаются мнения, что не культура и история, а геополитическая и торгово-экономическая специфика стран и регионов должна определять их принадлежность к евразийскому пространству и к данному идейному направлению в целом.

Попробуем определить ключевые задачи евразийства, предпосылки и причины его появления и развития с культурно-исторической, социально-философской и геополитической точек зрения.

Вне зависимости от того, посредством чего, культуры или геополитики, будут очерчены границы евразийского пространства и самого этого философского течения как такового, главная идея его остается неизменной: Россия – центр евразийства, и она должна развиваться самостоятельно, не ориентируясь на страны Запада, не уподобляя свою культуру, политику и экономику западным.

Возникновение и развитие идей евразийства

Сегодня евразийская идеология очень актуальна, так как современная политика России направлена на укрепление отношений со странами Востока и Азии, что может способствовать развитию нашей страны и ее отношений с новыми культурными, экономическими и политическими партнерами.

Ключевой аспект развития евразийства, как нам представляется, – это культура стран евразийского пространства, и в первую очередь России. Уникальные характеристики и осо-

бенности культуры — наиболее важный фактор развития евразийской теории, поскольку именно культурная и цивилизационная составляющие определяют сознание людей, а значит, и их уровень личного развития, быт, традиции, привычки, способ организации общества и соответственно методы управления государством. Именно культурно-цивилизационные характеристики являются главными различиями между Россией и странами Западной Европы, на их основе и формируются ключевые положения евразийской теории.

Вопрос о судьбе России и ее принадлежности к странам Запада и Востока по культурно-историческим особенностям давно зародился в умах отечественных философов и политических деятелей. По какому пути должна развиваться наша страна: по европейскому или своему собственному, неповторимому и отличному от западного сценария развития? Еще в середине XIX в. славянофилы активно отстаивали идеи того, что наша страна должна вернуться к своим историческим истокам, отказавшись от европейского давления и западных реформ, которые провел Петр I.

Именно славянофилов с их стремлением обособить Россию от окружающих стран, их культур и особенностей развития можно считать предшественниками евразийцев. Однако при этом ошибочно думать, что евразийство полностью дублирует и ретранслирует идеи, высказанные в XIX в. А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским и другими сторонниками исторического развития России.

Первым идеи неповторимости славянской культуры, ее отличительности от европейской высказал неославянофил Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа», опубликованной в 1869 г. в журнале «Заря» [5]. Он писал, что «Европа есть поприще романо-германской цивилизации, ни более ни менее», и, исходя из этого, открыто говорил о несостоятельности теории единого исторического процесса как такового, поскольку тот ставит в центр всего развития Европу, исключая все восточные культуры.

Однако оформиться в самостоятельное социально-философское, идеологическое течение, названное позже евразийством, эти идеи смогли лишь в 1920 г. Евразийство возникло в условиях политической эмиграции, существовало среди эмигрантов и разделяло их предрассуд-

ки и стиль мышления. Политические эмигранты уделяли внимание происходившему на покинутой родине. Взгляды эмигрантов зачастую были необычны из-за того, что они пытались объединить два мира — изгнания и воображаемого отечества. Самоидентификация эмигранта связана с определением места в принимающем обществе и выстраиванием границ «своего» в реальном мире, но это выстраивание зависит от того, как определяется воображаемое отечество, которым для эмигрантов 1920-х гг. была история России имперского периода и факт ее распада, с одной стороны, и глубокий кризис европейской модерности — с другой [4, с. 15].

Важным шагом к развитию идей евразийства стала Октябрьская революция 1917 г. Через свою философию евразийцы пытались выяснить, из-за чего она случилась. Они не признавали в революции наличия только политической составляющей, потому что были убеждены в том, что во многом она была революцией культурной, главная причина которой — незнание народом истории своей страны, неуважение к ней и чрезмерная европеизация России, начатая Петром I, и из-за этого уничтожение ее национальной самостоятельности. Европеизация привела к резкому социальному расслоению и абсолютному отрыву «правлящего слоя» от широких народных масс, что сделало революцию неизбежной. Она продемонстрировала верность славянофильского тезиса о «разрывах» в российском обществе [Там же. С. 69].

В евразийском понимании революция стала началом периода «новой России», долгожданным шансом поставить страну на истинный культурно-исторический путь и доказать, что она имеет иной путь развития, которого должна придерживаться, далекий от навязанных идей Европы, за которые долгое время держалась отечественная интеллигенция. Эти изменения должны были произойти в головах отечественной интеллигенции, которая во всем опиралась на европейские стандарты и нормы и на европейский опыт: в управлении страной, в проведении реформ, в организации быта и жизни [12]. Ни Европа, ни Восток не могут дать ответ, как правильно строить жизнь страны, только она сама сможет спасти себя, если вернется к своим корням.

Одним из самых опасных результатов революции стал раскол русской нации на два ла-

геря – поддерживающих новый политический уклад страны и противоборствующих ему, тех, кто хотел развиваться, как Запад, и тех, кто искал самобытные пути для России. Но все эти люди оставались русскими, живущими на одной территории, переживающими и думающими о будущей судьбе страны.

Евразийцы верили в то, что те или иные переживания представителей этих двух групп о России, ее настоящем и будущем, являются главным связующим звеном, способным объединить противоборствующие лагеря между собой и изменить курс развития страны на единственно верный. Именно в этом объединении, в понимании причин раскола, а также в понятии и объяснении логики «врагов», стремившихся к европейскому типу развития, видели евразийцы свою задачу.

Евразийское представление о будущей России

Евразийцы ставили перед собой важный социофилософский вопрос: какой может и должна быть будущая Россия? Евразийство стало не просто одной из теорий развития страны, но и способом ее изменения, укрепления ее исторических корней и культурных особенностей. Во многом это должно было быть достигнуто за счет изменения политического строя государства, проект которого разработали евразийцы. Будущую Россию они видели как федеративное государство с однопартийной системой, потому что многопартийность – следствие европеизации, которая не подходит к условиям Евразии; в экономике предполагалось обеспечить гармоничное сочетание коллективной и частной собственности на основе «общего дела», а главная идеологическая роль однозначно отдавалась православию [9].

Говоря о том, что евразийская культура порождает государство особого типа, определенное как идеократическое, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин в своих работах подчеркивали, что государство – это вторичная форма бытия культуры, что государство – «это и есть сама культура в ее единстве». Из этого следовало, что сфера государства – все сферы жизни общества. В «Основах политики» Л.П. Карсавин отмечает: «С точки зрения европейских представлений о государстве и европейской антитезы „государства” и „общества” это неизбежно будет воспринято как предельный „эта-

тизм”, как неслыханное засилье государства. На самом деле подобные обвинения нас нимало не затрагивают...» [6, с. 212]. При этом значима его мысль, что «государство в таком большом и многонациональном, культурном целом, как Евразия – Россия, может только или быть сильным или совсем не быть» [См.: 10].

Однако вопрос о государственном устройстве России на основе евразийской культуры возник из определения проблемы культурной самоидентификации народов евразийского пространства и осознания ими культурной уникальности своей страны.

Социофилософский и культурный аспекты евразийства

Важную роль культуры в развитии и становлении стран и наций выделял Н.С. Трубецкой в работе «Европа и человечество» [11]. Он писал, что ошибочными и бессмысленными являются сравнение между собой стран с разными культурными особенностями и восприятие как диких и нецивилизованных тех наций, чей нрав и жизненный уклад отличается от европейского. Трубецкой утверждал: нельзя сравнивать то, что изначально является абсолютно противоположным и уникальным. Эти отличия не могут быть чем-то плохим или хорошим, поскольку они абсолютно естественны. Благодаря им мы живем не в одной-единственной мировой стране, а в разных, что дает возможность развиваться и совершенствоваться.

Каждая культура представляет собой самостоятельную ценность и не может рассматриваться как низшая или высшая по отношению к другой культуре. Поэтому правильная постановка задачи заключается не в погоне за якобы передовыми народами, а в самопознании. Большое значение в этих особенных характеристиках имеют территория, на которой расположено государство, и его природные и климатические условия, диктующие необходимость развития и приспособления народа к ним, вследствие чего и рождаются традиционная культура и быт людей. Н.С. Трубецкой близко подошел к выработке евразийской идеологии, высказав основные положения этого течения [Там же].

Активно развивал концепцию культурно-исторических типов Петр Николаевич Савицкий, выпускник экономического отделения Петроградского политехнического института

им. Петра Великого. Именно Савицкий считается официальным лидером евразийского движения, ему принадлежит термин «евразийство». Евразию Савицкий рассматривал не только как географическое понятие, но и как объединение стран по культурно-идеологическому принципу, близких по духу и национальному настроению. В отличие от Н.Я. Данилевского, Савицкий уделял особое внимание такой социально-философской характеристике, как «ощущение» человека в пространстве, под которым подразумевал особый способ восприятия окружающей действительности: ощущение моря и ощущение континента, называя одно западноевропейским, другое – монгольским («На пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента» [7]). В понимании Савицкого русские в некоторой мере тоже монголы, ибо «в русских „землепроходцах“, в размахе русских завоеваний и освоении – тот же дух, то же ощущение континента» [См.: 3].

Однако П.Н. Савицкий стремился понять, в чем особенность культурно-исторического типа России. По его мнению, «Россия – часть особого „краинно-приморского“ мира, носительница углубленной культурной традиции. В ней сочетаются одновременно историческая „оседлая“ и „степная“ стихия». В этом он видел одно из важнейших обстоятельств новейшей русской истории. «Пережив в начальные века развития влияние степных народов как влияние внешнее, ныне народ российский сам как бы охватывает степь. Степное начало, привитое русской стихии как одно из составляющих ее начал со стороны, укрепляется и углубляется в своем значении, становится неотъемлемой ее принадлежностью; и наряду с „народом-земледельцем“, „народом-промышленником“ сохраняется или создается в пределах русского национального целого „народ-всадник“, хотя бы и практикующий трехполье» [8].

Преобладающую эмоциональную сторону в евразийском восприятии происходящего хорошо подметил Н.А. Бердяев. «Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на произошед-

шую катастрофу (Октябрьскую революцию. – *Н. С.*)», – писал он [1].

В настоящее время проблема сохранения этнической и культурной целостности Российского государства, историко-культурной самобытности евразийских народов становится одной из центральных проблем. В условиях преобразования экономических, политических, социокультурных аспектов жизни происходит рост значимости культурной идентификации общества, отдельных культурных групп, личности. По-новому ставится задача сохранения и развития национальной самобытности каждого народа. Активно возрастает интерес к защите традиционных духовных ценностей и нравственных норм, обычаев. Процессы глобализации оказывают значительное влияние на этническую идентификацию в условиях усиления культурного единства, однако развитие глобализации не сможет привести к стиранию этнических различий и этнических идентичностей.

Роль диалога культур и глобализации в развитии идей евразийства

Считается, что рост культурной самостоятельности народов благотворно влияет на расширение контактов между разными культурами и их сближение. В составе России исторически соединены множество народов, различающихся по языку, традициям и вероисповеданию. Разные этнические культуры и языки свободно сосуществуют, активно взаимодействуют и влияют друг на друга, что придает устойчивость и открытость общему культурно-цивилизационному потенциалу нашей страны. Полиэтническая среда является благоприятной средой для развития самосознания народа, формирования ориентаций на сохранение этнонациональных ценностей и порождает уважительное отношение к традициям и культурам других народов.

Эти идеи усиливали критику евразийцев по отношению к Европе, постепенно укрепляли их в мысли, что европейское понимание прогресса и универсальной культуры стало идеологическим оружием колониализма, оправдывавшим мировое господство «белой расы». Евразийцы отрицали само понятие национализма, поскольку считали, что националистские движения способны ослабить и, в самом плохом случае, разрушить Россию изнутри, поскольку многонациональная страна не может защищать

интересы только одной конкретной нации в ущерб другим, исторически проживающим на территории страны [4].

При этом ни одна культура не может существовать без собственного языка, ведь именно он лежит в основе создания уникальных и полных национального колорита фольклорных произведений. Каждый народ и каждая культура в рамках евразийства должна развивать и сохранять свой язык, продолжая свои традиции.

Исходя из вышеперечисленных особенностей евразийства, которые рассматривали и старались реализовать последователи этого идейного течения, можно заметить, что одним из его ключевых и основополагающих понятий является «диалог культур».

В.С. Библер, советский философ и основатель школы «Диалога культур», в работе «Культура. Диалог культур (опыт определения)» [2] писал, что, мысля, человек преодолевает инерцию «продолжения» и «наращивания» логических цепочек — от поколения к поколению — и возвращается к исходным началам мысли, тем началам, когда бытие воспринимается как возможное; мысль предполагается в своем первоначальном самообосновании. Сопряжение таких индивидуально-всеобщих начал (а не продолжений) мысли и бытия формирует реальную изначальную свободу общения и диалогов, насыщенных друг другу смыслов бытия — диалог культур.

Однако в более общем и полном понимании это явление предполагает взаимодействие национальных культур между собой. При этом данное взаимодействие может осуществляться как в социальной и образовательной сфере, так и в политико-экономической. Но важным при этом является тот факт, что чем активнее взаимодействуют между собой представители различных культур, тем наиболее выраженным становится процесс глобализации. Но для национальной самобытности это скорее несет негативные последствия, так как предполагает усреднение и интернализацию культур на основе потребительских, материальных и социальных ценностей.

Одним из ключевых принципов диалога культур является их открытость, готовность к интеграции и изучению представителями других наций. Но существование именно диалога, а не процесса культурного слияния, возможно

только в том случае, когда соблюдаются несколько условий:

- культуры равны между собой;
- они признаны как самостоятельные и уникальные (признаны их особенности и различия);
- существует уважение к нормам, традициям, ценностям других культур.

Соблюдение этих условий способно обеспечить эффективный диалог и привести к культурному многообразию, для которого необходима устойчивая система ценностей каждой культуры, высокий уровень толерантности для возможности их развития.

Это взаимодействие — жизненно необходимое условие для культур, так как его отсутствие ведет к культурной изоляции, а следовательно, к остановке в развитии, «загниванию» и, как итог, к гибели этой культуры.

Таким образом, диалог культур — это не только взаимодействие культур между собой и их взаимное обогащение, но и одно из условий их существования в целом. Однако из-за низкого уровня культурной толерантности и сложности в принятии одними странами и нациями отличий других диалог культур приводит не к осознанию собственной уникальности и ее сохранению, а к усилению процесса глобализации, ослаблению национальных и этнических культурных многообразий и к унификации ценностей. Поэтому можно говорить о том, что сегодня диалог культур, включающий в себя взаимодействие на различных уровнях (от этносов до государств и цивилизаций) как по социально-культурным, так и по политико-экономическим вопросам, является частью процесса глобализации. Но начинает появляться тенденция к возрождению культурных особенностей каждой отдельно взятой нации, особенно восточных стран, в связи с чем возможно развитие взаимодействия между ними на новом уровне взаимного культурного уважения и поддержки.

Евразийство, главной целью которого был поиск истинно верного пути развития России, не только транслирует культурно-исторические уникальные стороны страны, опираясь на территориальные и геополитические особенности, но и отражает важную социально-философскую характеристику российского народа — его менталитет, а также самовосприятие в пространстве — как определенно новой силы

и народности. Именно возрождающееся понимание особенной роли и положения нашей страны и соответственно ее народа на мировой арене является ключевым отличительным звеном евразийских идей как с политической, так и с культурной точки зрения. Евразийские идеи подчеркивают важность диалога культур, способного сохранить культурную и национальную идентичность России и евразийского пространства в целом даже в условиях развивающейся глобализации. При этом особенно важно, что культурные, исторические, географические и геополитические характеристики

являются одинаково значимыми при объяснении и доказательстве существования евразийского пространства с центром в России и необходимости смены вектора взаимодействия с американского и западноевропейского на восточный. Поэтому возможно, что соблюдение сформированных евразийцами принципов, основу которых составляют усиление национальной самостоятельности, патриотизм, знание истории и принятие себя как сильной нации, отличающейся от других, может стать серьезным шагом к укреплению страны и ее эффективному развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции // Собр. соч. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989. № 6.
3. Быстрыков В.Ю. Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920–1938): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Самара, 2003. 220 с.
4. Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое изд-во, 2010.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. URL: http://dugward.ru/library/danilevskiy_n_ua/danilevskiy_n_rossiya_i_evropa.html#evropa (дата обращения: 05.05.2015).
6. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М.: Наука, 1993.
7. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
8. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях: утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922.
9. Соколов С.М. Философия русского зарубежья: евразийство: моногр. Улан-Удэ, Изд-во ВСГТУ, 2003.
10. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/stepun_ros/ (дата обращения: 13.04.2015).
11. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
12. Урханова Р.А. Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX века: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. М., 1992. 26 с.

СИМАНОВА Наталья Владимировна — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: natashsimanova@yandex.ru

N. V. Simanova

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF EURASIANISM (sociocultural aspects)

This paper is devoted to the topical ideological direction of social philosophy — Eurasianism, which is represents the main vector of Russia's development in all spheres of social life, as the most priority and prospective direction. In this article the author discusses about the features of the origin and development of

the Eurasian ideas from the viewpoints of historical, cultural, civilizational and communicative approaches. Also the author pays attention to the role of the dialogue of cultures and globalization in the development of a social-philosophical ideological direction, indicating their positive and negative impact. The author identifies the specific grounds of a common Eurasian space, which include cultural, geographical, historical and political characteristics, as equivalent to the degree of its influence.

EURASIANISM AREAS; EURASIANISM COMMUNICATIONS; CULTURE; CULTURAL IDENTITY; GLOBALIZATION; IDEOLOGY OF EURASIANISM; DIALOGUE OF CULTURES; NATIONAL IDENTITY.

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. [The spiritual foundations of the Russian revolution]. *Collected works*. Of vol. 4. Paris, YMCA-Press, 1990. (In Russ.)
2. Bibler V.S. [Culture. The dialogue of cultures (experience definitions)]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 6. (In Russ.)
3. Bystryukov V.Yu. *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya deyatel'nost' Petra Nikolayevicha Savitskogo v gody emigratsii (1920–1938)*. Kand. dis. [Socio-political and scientific work of Peter Nikolaevich Savitsky in exile (1920–1938). Cand. diss.]. Samara, 2003. 220 p. (In Russ.)
4. Glebov S. *Yevraziystvo mezhdru imperiyey i modernom: istoriya v dokumentakh* [Eurasianism between Empire and modernity: a History in documents]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2010. (In Russ.)
5. Danilevskiy N.Ya. [Russia and Europe]. Available at: http://dugward.ru/library/danilevskiy_n_ya/danilevskiy_n_rossiya_i_evropa.html#evropa (accessed 05.05.2015).
6. Karsavin L.P. [Policy framework]. *Rossiya mezhdru Yevropoy i Aziyey: yevraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation]. Moscow, Nauka, 1993. (In Russ.)
7. Savitskiy P.N. *Kontinent Yevraziya* [The Continent Of Eurasia.]. Moscow, Agraf Publ., 1997. (In Russ.)
8. Savitskiy P.N. [The steppe and the sedentary life]. *Na putyakh: utverzhdeniye yevraziytsev* [In the ways of: Approval of Eurasians]. Moscow, Berlin, 1922. (In Russ.)
9. Sokolov S.M. *Filosofiya russkogo zarubezh'ya: yevraziystvo* [The philosophy of Russian abroad: Eurasianism]. Ulan-Ude, VSGTU Publ., 2003. (In Russ.)
10. Stepun F.A. [Russia between Europe and Asia]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/stepun_ros/ (accessed 13.04.2015).
11. Trubetskoy N.S. [Europe and humanity]. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995. (In Russ.)
12. Urkhanova R.A. *Yevraziystvo kak ideyno-filosofskoye techeniye v russkoy kul'ture XX veka*. Kand. dis. [Eurasianism as an ideological-philosophical current in Russian culture of the XX century. Cand. diss.]. Moscow, 1992. 26 p. (In Russ.)

SIMANOVA Natalya V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: natashsimanova@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.20
УДК 37.013.2, 37.022, 37.026

В.Н. Кругликов, П.М. Касьяник

РОЛЬ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены современные проблемы инженерного образования, требования, выдвигаемые ведущими компаниями по отношению к компетентности инженера в современных условиях, международные инициативы по совершенствованию подготовки инженерных кадров. Цель работы – выявление и оценка той роли, которая отводится активному обучению Международным обществом по инженерной педагогике в контексте Всемирной инициативы CDIO, а также в концепции глобального инженерного образования. На основе проведенного анализа авторами делается вывод о ведущей роли активного обучения в вопросах подготовки современного инженера, или инженера XXI века, и об острой необходимости организации психолого-педагогической подготовки профессорско-преподавательского и управленческого состава вузов в соответствии с теоретическими положениями инженерной педагогики.

КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ; ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНЖЕНЕР; ИНЖЕНЕРНАЯ ПЕДАГОГИКА; МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИНЖЕНЕРНОЙ ПЕДАГОГИКЕ (IGIP); ВСЕМИРНАЯ ИНИЦИАТИВА CDIO; АКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ.

Общемировой кризис профессионального образования, с которым столкнулись практически все развитые страны, побуждает мировое сообщество к поиску новых подходов в подготовке специалистов. Главная проблема в подготовке инженерных кадров сегодня – это приведение образовательных систем в соответствие с возрастающими требованиями перешедшей на путь инновационного развития экономики и нарастанием конкуренции, со стремительным развитием техники и технологий, информатизацией, компьютеризацией и поликультуризацией общества, ростом объемов научной информации. В условиях, когда все эти явления приобретают глобальный характер, соответственно возникает вопрос о необходимости подготовки инженера нового типа – глобального инженера. С этой целью в мире создаются специализированные между-

народные организации, разрабатываются концепции, стандарты

Одной из организаций, активно работающих в этом направлении, стал Глобальный инженерный совет деканов (Global Engineering Deans Council – GEDC), официально созданный по инициативе Международной федерации обществ по инженерному образованию (International Federation of Engineering Education Societies – IFEES) в 2008 году в Париже. Документ о создании GEDC получил название Парижской декларации, его подписали 20 деканов, представляющих университеты Австралии, Бразилии, Канады, Франции, Израиля, Мексики, Португалии, Катара, России, Сингапура, Южной Кореи, Швейцарии, Турции, Великобритании и США. Миссия GEDC – «выступать в качестве глобальной сети взаимодействия деканов инженерных фа-

культетов и объединять их усилия для повышения значимости инженерного образования, научных исследований и инженерного дела во всем мировом сообществе» [1].

Для того чтобы лучше понять потребности глобального инженерного рынка, Американское общество инженерного образования совместно с IFEES и GEDC решили определить образ идеального выпускника инженерного вуза. Такой выпускник должен уметь работать в глобальном мире, в разной обстановке и в контексте разных культур, при необходимости переезжая из одного региона в другой. Самыми важными качествами молодого специалиста были признаны коммуникационные способности, критическое мышление и желание учиться, важными качествами были названы умение работать в команде, умение мыслить самостоятельно и коллективно. Всё это – ключевые элементы успеха в современном мире. «Техническая компетентность в области математики, естественных наук и инженерных дисциплин» не вошла в пятерку самых значимых качеств для молодых специалистов в начале карьерного пути, хотя в отношении выпускника престижного вуза она, видимо, подразумевается как нечто само собой разумеющееся [Там же].

Таким образом, глобальный инженер или инженер XXI века должен:

- быть конкурентоспособным и востребованным;
- знать современные достижения науки и технологий, быть технически и технологически компетентным – владеть компетенциями мирового уровня;
- обладать как специализированными, так и меж- и мультидисциплинарными знаниями, умениями, навыками и компетенциями, обладать системным и глобальным мышлением;
- быть заинтересованным, мотивированным и увлеченным, готовым к обучению и самосовершенствованию на протяжении всей жизни;
- уметь работать в мультисреде (технологической, культурной, языковой и т. д.);
- быть инновационно и предпринимательно активным, обладать лидерскими качествами, быть быстрым, гибким и мобильным [2].

Представляют интерес варианты наборов компетенций, разработанных в крупных переломных современных компаниях, например таких, как «Боинг» (Boeing) и НАСА. Выделим

в них некоторые компетенции, помимо уже упомянутых.

Компания «Боинг»:

- представление о контексте инженерной деятельности (экономика и бизнес-практика, история, потребности общества и заказчика и др.);
- высокие этические стандарты;
- способность мыслить критически и творчески, самостоятельно и совместно;
- способность адаптироваться к быстрым или существенным изменениям;
- глубокое понимание важности командной работы.

Компания НАСА:

- способность к выделению общесистемных связей и закономерностей;
- приспособленность к работе в условиях неопределенности и недостаточности информации;
- специфическая убежденность в том, что следует надеяться на лучшее, но планировать худшее;
- уверенность в себе и решительность, но не высокомерие;
- наличие разнообразных технических навыков – способность применять обоснованные технические решения;
- готовность к изменениям;
- высокая коммуникабельность – способность слушать, писать и говорить;
- способность видеть целое даже при наличии множества мелких деталей [3, с. 49].

Если обратиться к существующей системе инженерного образования, то можно констатировать, что она ориентирована на формирование только малой части из перечисленных качеств выпускника вуза, а точнее, исключительно на обеспечение его специализированной преимущественно теоретической и проектно-конструкторской компетенций.

По мнению А.А. Вербицкого, «причину недостаточной эффективности традиционного обучения нужно искать в методологии, в основаниях подхода к организации учебной деятельности обучающегося. В традиционном обучении студент (школьник) находится в „ответной” позиции, являясь объектом педагогических манипуляций (а не субъектом целеполагания и целереализации) под „патронажем” преподавателя. Соответственно методика

обучения строится как отражение „холодной” логики науки, а не субъективной, внутренне мотивированной, пристрастной, иногда ошибающейся логики познавательной деятельности человека» [4]. Поэтому современная высшая школа учит принимать стандартные решения в различных условиях, но не учит думать, анализировать, разрабатывать идеи, принимать решения и ответственность за них, работать в условиях неопределенности, работать в команде и вести командную деятельность. Преподавательский состав не нацелен на воспитание у студентов критического мышления, формирование учебной мотивации, развитие коммуникативных навыков.

К этому следует добавить, что изменение ситуации весьма затруднено, поскольку преподаватели технических дисциплин в вузе не имеют психолого-педагогического образования, являясь самоучками, преподают так, как их предшественники, перенимая «вприглядку» их преимущественно интуитивный опыт, в связи с чем преподают, можно сказать, по старинке. Они практически не следят за развитием педагогической науки, не владеют современными педагогическими технологиями, часто не понимают, зачем что-то менять, и не хотят перемен.

Изменить сложившуюся ситуацию может развитие относительно нового научно-практического направления – инженерной педагогики. Идею о необходимости введения планомерной и системной педагогической подготовки инженеров, намеревающихся приступить к педагогической деятельности, озвучивали многие специалисты как в нашей стране, так и за рубежом, но сформулировал ее и представил научному сообществу А. Мелецинек. Он разработал основы инженерной педагогики, а в 1977 году была издана на немецком языке его книга «Инженерная педагогика» [5]. Инженерная педагогика раскрывает теорию и методику обучения техническим, технологическим знаниям, умениям, навыкам, формирования специфических способов инженерной деятельности.

Важнейшую роль в развитии идей инженерной педагогики играет Международное общество по инженерной педагогике (IGIP), основанное в 1972 году в Клагенфурте (Австрия). Инициатором его создания и бессменным президентом общества с 1972 по 2002 год являлся А. Мелецинек, профессор Клагенфуртского

университета, при котором находится штаб-квартира IGIP.

IGIP активно работает над созданием единого европейского образовательного пространства в рамках Болонского процесса. Сегодня инженерно-техническое образование во всех странах – участницах Болонского процесса перестраивается на основе компетентностного подхода. Происходят серьезные изменения в стратегии и тактике образовательного процесса, в его структуре и содержании, формируется единая система контроля качества академической и профессиональной подготовки бакалавров и магистров, развивается деятельность в области сертификации инженерно-технических образовательных программ [6]. В центрах инженерной педагогики IGIP ведется подготовка преподавателей международного уровня. Международный мониторинговый комитет IGIP осуществляет аккредитацию центров инженерной педагогики (ЦИП), утверждает программы обучения, требования к выпускникам, а также свидетельства, выдаваемые по результатам обучения в этих центрах [7].

Российский мониторинговый комитет IGIP (РМК – RMC) был образован в 1995 году. Его бессменным президентом является член-корреспондент РАН В.М. Приходько. Главная задача РМК IGIP – участие в формировании национальной политики в области инженерно-педагогического образования преподавателей технических вузов и проведение практических шагов по координации практической работы в этой области с международными требованиями. Начиная с 1997 года по инициативе РМК IGIP в ряде технических вузов страны были созданы принципиально новые центры подготовки и повышения квалификации преподавателей – ЦИП, решающие задачу научно спланированной и методически обоснованной для каждой категории слушателей (аспирантов, начинающих преподавателей и преподавателей со стажем) психолого-педагогической и профессиональной подготовки.

Основой подготовки инженеров нового типа стал проект «Всемирная инициатива CDIO», предполагающий реализацию инженерного образования по системе «задумка (идея, план) – проект – реализация – управление» (Conceive – Design – Implement – Operate). Программа была разработана в середине 1990-х годов в Массачу-

сетском технологическом институте с участием ученых, преподавателей и представителей промышленности. Инициатива CDIO исходит из принципа, что создание и развитие продуктов и систем на протяжении всего их жизненного цикла создают необходимый контекст инженерного образования. С 2002 года в проекте принимают участие ведущие инженерные школы и технические университеты (более 40 университетов в 20 странах мира) [3, с. 48].

Инициатива CDIO создает ряд ресурсов, которые могут быть адаптированы и реализованы отдельными программами. Один из таких ресурсов – стандарты CDIO, принятые в январе 2011 года. Стандарты были разработаны в помощь руководителям образовательных программ, выпускникам вузов, а также промышленным партнерам для того, чтобы сориентировать их относительно принципов, по которым будет осуществляться общественно-профессиональное признание и оценка программ CDIO и их выпускников [8].

Сегодня перед российскими вузами стоит задача реализации этих инициатив и постепенного перехода на подготовку инженеров по программе CDIO. Представляется, что решение этой задачи будет связано с преодолением целого ряда трудностей, связанных как с устоявшимися традициями, так и с недостаточным уровнем квалификации преподавательского состава. Об этом говорят публикации сторонников *активного обучения*, посвященные вопросам внедрения подходов и методов активного обучения в практику высшей школы [См.: 4, 9]. Можно сказать, что идеи сторонников ряда теорий активного обучения (к ним мы относим игровое, проблемное, программированное, контекстное, интерактивное и мотивационно-деятельностное обучение), не получившие по ряду причин широкого распространения в российской высшей школе, сегодня ощущают поддержку в виде инициатив международных сообществ инженерного образования, и в частности Всемирной инициативы CDIO.

Обращение к активному обучению в контексте рассматриваемых вопросов не случайно. В концепции всемирной инициативы и содержании стандартов CDIO активному обучению отводится ведущая роль. Более того, *Стандарт 8* непосредственно указывает на необходимость использования такого обучения в про-

цессе подготовки инженеров, хотя описание рекомендуемых подходов в нем представляется весьма ограниченным. Отечественная наука обладает значительно более глубокими и разносторонними разработками в этом направлении. Для подтверждения приведенного тезиса рассмотрим стандарты CDIO с этих позиций.

В целом в 12 стандартах CDIO прописаны: общая философия программы (*Стандарт 1*), разработка учебных планов (*Стандарты 2–4*), разработка практических заданий и проектирование помещений для занятий (*Стандарты 5, 6*), новые методы преподавания и обучения (*Стандарты 7, 8*), методы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава (*Стандарты 9, 10*), а также аудит и оценка программы и успеваемости студентов (*Стандарты 11, 12*). Обязательными являются 7 из 12 предложенных стандартов. Считается, что они отличают программы CDIO от других образовательных программ. Остальные 5 стандартов существенно способствуют успешной реализации программы CDIO, так как они устанавливались на основании лучшего практического опыта в инженерном образовании [8].

Все стандарты так или иначе затрагивают вопросы активного обучения. Многие из положений, приведенных в стандартах CDIO, можно найти в работах отечественных специалистов – сторонников активного обучения. Приведем несколько примеров.

Ведущий принцип программы CDIO определяет необходимость построения учебного процесса в соответствии с жизненным циклом продукта – от задумки, через проектирование, реализацию до утилизации. Этим создается необходимый контекст инженерного образования, позволяющий преподавать, усваивать и применять на практике технические знания и практические навыки. Приоритет отдается практической, активной самостоятельной деятельности студентов, основанной на работе над реальными проектами. Этот подход полностью соответствует теоретическим положениям активного обучения. В частности, теоретической основой реализации предлагаемого подхода может служить теория *контекстного обучения* [10], в рамках которой разработаны подходы к использованию профессионального контекста в учебном процессе, показано, как оно должно осуществляться с целью перехода от учеб-

ных задач к квазипрофессиональным и далее к профессиональным задачам. В рамках мотивационно-деятельностного подхода [11] разработаны принципиальные подходы к организации учебного процесса активного типа, предложены подходы к использованию различных методов обучения в зависимости от стоящих дидактических задач, даны подробные рекомендации по созданию и применению отдельных методов активного обучения.

В *Стандартах 2, 3, 7* ключевым требованием выступает формирование учебного плана, включающего в себя задания, работая над которыми, студент помимо дисциплинарных знаний сможет приобрести личностные, межличностные компетенции, а также умение создавать продукты и системы. Причем обучение всем компетенциям должно вестись параллельно. Реализация этого требования, видимо, встретит серьезные трудности у преподавателей инженерных дисциплин, поскольку они должны будут изменить привычный стандарт обучения и организовать занятия, в процессе которых не столько передаются знания и умения, сколько формируются личностные и межличностные компетенции, развиваются критическое мышление, творчество и инициатива, коммуникативные навыки. А это значит, что в ходе занятий должны быть организованы различные виды групповой и индивидуальной учебной и квазипрофессиональной деятельности, т. е. занятия должны быть построены с использованием интерактивных методов обучения и на принципах активного обучения – только так можно достичь указанных целей. В связи с этим необходимо, чтобы преподаватель изменил свою позицию, перейдя от авторитарной позиции «изложения истин», которые требуется запомнить обучающемуся, на позицию консультанта и модератора образовательной деятельности. Для этого он должен владеть методами активного обучения и соответствующими компетенциями, должен уметь организовывать и вести дискуссии, дебаты, учебные конференции, доклады и обсуждения, деловые и дидактические игры. В рамках мотивационно-деятельностного подхода показано, что традиционные практические и лабораторные работы также должны быть организованы иначе – с предоставлением студентам свободы постановки задач и выбора способов проведения экспериментов [12]. Этот

подход совпадает с предлагаемой стандартом программой *построения экспериментального исследования*, которая включает:

- формулировку экспериментального концепта и стратегии,
- обсуждение предостережений при проведении экспериментов с участием людей,
- планирование проведения эксперимента,
- разработку протокола испытаний и экспериментальных процедур,
- снятие результатов экспериментальных измерений,
- анализ и обобщение экспериментальных данных,
- сопоставление экспериментальных данных с доступными моделями [8].

Указанные требования к организации занятий следует дополнить несколькими позициями, которые сформулированы в компетенциях глобального инженера, а именно:

- способность мыслить критически и творчески, самостоятельно и совместно;
- способность адаптироваться к быстрым или существенным изменениям;
- готовность к работе в условиях неопределенности и недостаточности информации;
- высокие этические стандарты;
- глубокое понимание важности командной работы.

Формирование у студентов указанных компетенций в рамках традиционного обучения не осуществляется либо весьма затруднено, а по некоторым позициям невозможно, в то время как методы активного обучения в силу заложенных в них принципов нацелены на формирование указанных компетенций. Кроме того, в теоретических положениях теорий активного обучения показано, какую роль играют те или иные подходы к активизации учебной деятельности в вопросах формирования компетенций обучающихся. В частности, показано, что только в условиях активной, самостоятельной, творческой учебной деятельности происходит формирование эмоционально-личностного восприятия профессиональной деятельности, без чего невозможно формирование ни учебной, ни профессиональной мотивации, а следовательно, невозможно успешное формирование профессиональных компетенций [11].

Стандарт 4 предполагает, что обучение студента должно начинаться с вводного кур-

са, который призван вызывать интерес со стороны студентов к инженерному делу, а также подкреплять их мотивацию заниматься инженерным делом, уделяя особое внимание применению полученных дисциплинарных знаний на практике. В отечественной практике организация вводных курсов осуществлялась в разных вузах для разных специальностей, но не получила распространения, поскольку не вписывалась в классическую концепцию обучения, предполагающую обучение по готовым образцам и по схеме «от простого к сложному». В то же время практика реализации вводных курсов, построенных на основе активного обучения и принципов диалогового общения, контекстного подхода, исследовательского подхода, проблемности и др., показала, что вводный курс позволяет решать задачи повышения уровня учебной мотивации (за счет использования методов активного обучения, выполняющих в этом случае роль мотивационных игр и занятий) и интереса первокурсников к инженерному делу, способствует формированию адекватного и эмоционально-личностного отношения к профессиональной деятельности. В связи с этим вводный курс может и должен рассматриваться как мотивационный. Следует отметить, что практика проведения курса еще раз показала несовершенство существующей системы инженерного образования в вузе, в частности подхода «от простого к сложному» в современных условиях. Оказалось, что уровень подготовки многих студентов первого курса позволяет им успешно решать многие из задач, которые, по мнению преподавателей, могут быть предъявлены только на старших курсах, а стартовый уровень их знаний нередко превышает объем информации, предлагаемый на начальных лекциях по дисциплинам [13].

Требования *Стандарта 5* на включение в учебный план не менее двух учебно-практических заданий по проектированию и созданию изделий представляется наиболее легко выполнимым для российской высшей школы. По существу, всё инженерное образование у нас в стране построено на проектировании. Из учебных программ видно, что мы готовим не менеджеров производства, не управленцев, а теоретиков, конструкторов и проектировщиков, что бы при этом ни было написано в названии специальности. В редких случаях мы готовим

эксплуатационников. Это подтверждают данные исследований, проведенных по программе Минобрнауки России «Новые лидеры высшего образования» [См.: 14]. В рамках инженерной подготовки преимущественно осуществляется подготовка выпускников, которые потом работают не по специальности, а также эксплуатационников, работников вузов и рабочих, в то время как востребованы управленцы, конструкторы, технологи, изобретатели. Проблема заключается в том, что стандарт требует научить студента изобретать, придумывать, предлагать, т. е. научить его творить. Наша высшая школа этому не учит, она учит только применять известные, зачастую устаревшие решения и изделия в новых условиях. Сторонники активного обучения ориентируются на положение, сформулированное еще С.Л. Рубинштейном: мышление рождается в проблемной ситуации [15]. Поэтому в основу обучения закладываются приемы и методы, формирующие проблемные ситуации для студентов и ориентированные на развитие творчества, инициативы, критического мышления учащихся. Для этого используются такие формы активного обучения, как мозговой штурм, игровое конструирование или проектирование, различные виды деловых игр, организационно-деятельностные игры, а также дискуссии, дебаты и т. п. На решение нестандартных задач, неоднозначных проблем практически полностью направлена теория *проблемного обучения* [16, 17].

Стандарт 6, приводя требования к учебным аудиториям и лабораториям, предполагает достижение высокого уровня удовлетворенности учебными помещениями со стороны профессорско-преподавательского состава, сотрудников университета и студентов. При этом в учебных аудиториях создается оптимальная атмосфера как для индивидуального, так и для социального обучения. Стандарт вновь обращает внимание на формирование личностных качеств студентов одновременно с развитием инженерных компетенций и на комфортные условия учебной деятельности в первую очередь для студентов, во вторую – для преподавателей. Реализация этого требования явным образом противоречит реалиям современного российского инженерного вуза и тенденциям его реформирования. В условиях увеличения нагрузки на преподавателей, когда они прово-

дят занятия в потоках по 100 и более студентов, реализация каких-либо форм обучения, направленных на развитие личностных компетенций, коммуникативных навыков студентов, невозможна. Единственно возможная форма обучения при этом — классическая лекция, т. е. наименее эффективная форма обучения, роль которой в контексте информационной революции и концепции инженерного образования продолжает снижаться.

Следует отметить, что в рамках активного обучения (проблемного, контекстного, интерактивного, мотивационно-деятельностного) лекция как возможная форма обучения не отвергается, но предлагается ее активизация за счет введения в содержание лекции проблемных вопросов, а в ход лекции — элементов дискуссий, экспериментов и опытов, преобразования структуры лекции и перевода ее в форму лекции-пресс-конференции, лекции-консультации и др. Кроме того, предлагается изменить место и роль лекции в учебном процессе. В условиях глобальной компьютеризации лекция как источник информации перестала исполнять свою роль, ее современное назначение — ориентация студентов в море научной информации, донесение новейших достижений, разъяснение сложных вопросов, консультирование. Лекция должна превратиться в дискуссионный клуб, а для этого необходимо, чтобы студенты были готовы к участию в процессе обсуждения, и главное требование при этом — наличие вопросов, которые появляются у студентов после практик, лабораторных работ, других видов квазипрофессиональной деятельности. Поэтому лекция уместна не в начале курса, где она может носить только установочный характер, а в ходе проектной деятельности студентов и в заключительной части курса обучения [18].

Требования к учебным аудиториям, в которых планируется проведение занятий с использованием методов активного обучения, определяются тем, какая форма обучения используется. Дискуссии и дебаты могут проводиться в традиционных лекционных аудиториях, но численность обучающихся при этом должна быть ограничена (10–30 человек), в противном случае эффективность занятия пропорционально снижается. Деловые и дидактические игры, тренинги требуют, чтобы в аудитории было много пространства для пере-

мещений, коммуникации, поэтому в аудитории должна быть возможность передвижки столов и стульев [11, 18].

Аудитории должны быть оборудованы техническими средствами, в том числе интерактивными, позволяющими осуществлять дистанционное обучение. Активное обучение сегодня развивается и используется всё шире, но в основном оно ориентируется на использование традиционных форм обучения. Такой подход значительно снижает эффективность образовательного процесса. Сохранение его на достаточно высоком уровне возможно только при условии вдумчивого использования принципов, выработанных в рамках теории *программированного обучения* [19] и с использованием принципов активного обучения.

Реализация указанных требований к учебным помещениям вызывает серьезные затруднения. В рамках существующей организации учебного процесса и имеющейся материальной базы без кардинальных изменений она практически невозможна.

Итак, можно сказать, что переход на стандарты инженерного образования требует организации психолого-педагогической подготовки профессорско-преподавательского состава (*Стандарты 9 и 10*), в первую очередь в контексте концепций инженерной педагогики. Хотя, по мнению сторонников активного обучения, такая подготовка необходима всему преподавательскому составу инженерных вузов вне зависимости от перехода на стандарты CDIO. Она нужна и организаторам образовательного процесса. Необходимым и обязательным элементом этой подготовки должно стать освоение преподавателями инженерных дисциплин теорий, форм и методов активного обучения, а организаторы образовательного процесса должны осознать связь применяемых дидактических средств и методов с подходами и способами организации учебного процесса.

Согласно положению *Стандарта 1*, предлагаемый подход к образованию принимают в том случае, когда профессорско-преподавательский состав учебного заведения единогласно решает открыть новые программы CDIO или же перевести на CDIO уже существующие программы, а также в тех случаях, когда лица, ответственные за реализацию самих образовательных программ, полностью согласны с

этим принципом и готовы его развивать. Данное положение представляется чрезвычайно важным, поскольку, как видно из сказанного выше, переход на программы в соответствии с требованиями CDIO, а также в целом на широкое использование активных (интерактивных) методов обучения требует серьезных скоординированных действий, изменений не только в деятельности преподавательского состава вуза, но в первую очередь в организации учебного

процесса. Необходима серьезная модернизация материальной базы вузов. Требуется также налаживание постоянных деловых контактов с промышленностью для организации указанного в стандартах обучения будущих инженеров на реальном производстве. Осуществление всех этих задач только за счет ресурсов вуза представляется невозможным, в связи с чем задача приобретает общенациональный или как минимум региональный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ашмави А.К.** Глобальный инженерный совет деканов: преобразуя инженерное образование в эпоху перемен // Высшее образование в России. 2013. № 2. С. 50–57.
2. Weck O. de, Willcox K. Trends in Multidisciplinary Engineering Education: 2006 and Beyond // 11th AIAA/ISSMO Multidisciplinary Analysis and Optimization Conference. MIT. 2006. Sept. 7.
3. **Современное** инженерное образование : учеб. пособие / А.И. Боровков [и др.]. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012.
4. **Вербицкий А.А.** Преподаватель – главный субъект реформы образования // Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 13–20.
5. **Мелецник А.** Инженерная педагогика. Практика передачи технических знаний. М., 1998.
6. **Симпозиум IGIP:** некоторые итоги // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 25–28.
7. **Приходько В., Соловьёв А.** Подготовка преподавателей технических дисциплин в соответствии с международными требованиями // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 43–49.
8. **Международный семинар** по вопросам инноваций и реформированию инженерного образования «Всемирная инициатива CDIO»: матер. для участников семинара / пер. С.В. Шикалова; под ред. Н.М. Золотарёвой и А.Ю. Умарова. М.: МИСиС, 2011.
9. **Кругликов В.Н.** Интерактивное обучение в высшей школе: проблемы и перспективы // Науч.-техн. вед. СПбПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2013. № 184. С. 66–72.
10. **Вербицкий А.А.** Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991.
11. **Кругликов В.Н.** Активное обучение в техническом вузе (теоретико-методологический аспект): дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2000.
12. **Касьяник П.М., Кругликов В.Н.** Интерактивное обучение: формы, методы, приемы: метод. пособ. для преподавателей. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.
13. **Кругликов В.Н.** Формирование мотивации познавательной деятельности в контекстном обучении: дис. ... канд. пед. наук. М., 1996.
14. **Современные технологии** проектно-ориентированного образования: презентация. URL: <http://www.asi.ru> (дата обращения: 08.01.2015).
15. **Рубинштейн С.Л.** О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 148 с.
16. **Кудрявцев В.Т.** Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы // Новое в жизни, науке, технике. Педагогика и психология. 1991. № 4.
17. **Оконь В.** Основы проблемного обучения. М., 1975.
18. **Кругликов В.Н., Платонов Е.В., Шаронов Ю.А.** Деловые игры и другие методы активизации познавательной деятельности. СПб., П-2, 2006.
19. **Талызина Н.Ф.** Теоретические проблемы программированного обучения. М.: Изд-во МГУ, 1969.

КРУГЛИКОВ Виктор Николаевич — доктор педагогических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kruvik@mail.ru

КАСЬЯНИК Павел Моисеевич — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: pkasyanik@spbstu.ru

V.N. Kruglikov, P.M. Kasyanik

THE ROLE OF ACTIVE LEARNING IN THE CONCEPT OF GLOBAL ENGINEERING EDUCATION (STANDARDS CDIO)

This paper presents the contemporary issues and trends in engineering education as well as professional requirements of the leading industrial companies in relation to competences of the “global engineer” in modern world and international initiatives in developing of engineering education. Objective of the study was to evaluate the role of interactive collaborating training in the activities of the International Society on Engineering Pedagogics in the context of the World initiative of CDIO, and also in the concept of global engineering education. Conclusion is made about the leading role of interactive training in education of the modern engineer or “engineer of XXI century” and about necessity of the organized pedagogical and psychological education of teachers as well as of administrative staff of the technical university according to modern requirements of Engineering pedagogics.

THE CONCEPT OF GLOBAL ENGINEERING EDUCATION; THE GLOBAL ENGINEER; ENGINEERING PEDAGOGICS; THE INTERNATIONAL SOCIETY ON ENGINEERING PEDAGOGICS (IGIP); THE WORLD INITIATIVE OF CDIO; ACTIVE AND INTERACTIVETRAINING.

REFERENCES

1. Ashmavi A.K. Global'nyy inzhenernyy sovet dekanov: preobrazuya inzhenernoye obrazovaniye v epokhu peremen. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2013, no. 2, pp. 50–57. (In Russ.)
2. Weck O. de, Willcox K. Trends in Multidisciplinary Engineering Education: 2006 and Beyond. 11th AIAA/ISSMO Multidisciplinary Analysis and Optimization Conference. MIT. 2006. Sept. 7.
3. Borovkov A.I. et al. Sovremennoye inzhenernoye obrazovaniye. St. Petersburg, Politekhn. Univ. Publ., 2012. (In Russ.)
4. Verbitskiy A.A. Prepodavatel' – glavnyy subyekt reformy obrazovaniya. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2014, no. 4, pp. 13–20. (In Russ.)
5. Meletsinek A. Inzhenernaya pedagogika. Praktika peredachi tekhnicheskikh znaniy. Moscow, 1998. (In Russ.)
6. Simpozium IGIP: nekotorye itogi. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2008, no. 10, pp. 25–28. (In Russ.)
7. Prikhodko V., Solovyev A. Podgotovka prepodavateley tekhnicheskikh distsiplin v sootvetstviy s mezhdunarodnymi trebovaniyami. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2008, no. 10, pp. 43–49. (In Russ.)
8. Mezhdunarodnyy seminar po voprosam innovatsiy i reformirovaniyu inzhenernogo obrazovaniya “Vsemirnaya initsiativa CDIO”. Moscow, MISiS Publ., 2011. (In Russ.)
9. Kruglikov V.N. Interaktivnoye obucheniye v vyshey shkole: problemy i perspektivy. *St. Petersburg State Polytechnical Univ. J. Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 184, pp. 66–72. (In Russ.)
10. Verbitskiy A.A. Aktivnoye obucheniye v vyshey shkole: kontekstnyy podkhod. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. (In Russ.)
11. Kruglikov V.N. Aktivnoye obucheniye v tekhnicheskoy vuzе (teoretiko-metodologicheskiy aspekt). Doct. diss. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)
12. Kasyanik P.M., Kruglikov V.N. Interaktivnoye obucheniye: formy metody, priyemy : metod. posob. dlya prepodavateley. St. Petersburg, Politekhn. Univ. Publ., 2011. (In Russ.)
13. Kruglikov V.N. Formirovaniye motivatsii poznavatel'noy deyatel'nosti v kontekstnom obuchenii. Cand. diss. Moscow, 1996. (In Russ.)
14. Prezentatsiya: Sovremennyye tekhnologii proyektno-orientirovannogo obrazovaniya. Available at: <http://www.asi.ru>. (accessed 08.01.2015).
15. Rubinshteyn S.L. O myshlenii i putyakh yego issledovaniya. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 148 p. (In Russ.)
16. Kudryavtsev V.T. Problemnoye obucheniye: istoiki, sushchnost', perspektivy. *Novoye v zhizni, nauke, tekhnike. Pedagogika i psikhologiya*, 1991, no. 4. (In Russ.)
17. Okon V. Osnovy problemnogo obucheniya. Moscow, 1975. (In Russ.)
18. Kruglikov V.N., Platonov Ye.V., Sharanov Yu.A. Delovyye igry i drugiye metody aktivizatsii poznavatel'noy deyatel'nosti. St. Petersburg, P-2 Publ., 2006. (In Russ.)
19. Talyzina N.F. Teoreticheskiye problemy programmirovannogo obucheniya. Moscow, MGU Publ., 1969. (In Russ.)

KRUGLIKOV Viktor N. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kruvik@mail.ru

KASYANIK Pavel M. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: pkasyanik@spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2015

Н.Д. Гуськова, М.В. Пакшина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ПАРАМЕТРОВ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВУЗА РОССИЙСКИМИ И ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Формирование организационной культуры во многом определяется национально-культурными особенностями. Их изучение свидетельствует о существенных различиях в восприятии параметров организационной культуры. Основные культурные различия проявляются также в вопросах коллективизма и индивидуализма, в отношении к неопределенности, дистанции власти и др. Непротиворечивость организационных ценностей свидетельствует о высоком уровне организационной культуры. Наиболее желаемым ее состоянием является совпадение корпоративных ценностей и ценностей индивида. В статье предпринята попытка исследования поверхностного организационного и внутреннего уровня организационной культуры вуза. Проведен сравнительный анализ восприятия параметров организационной культуры Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва российскими и иностранными студентами и определены направления ее развития. В процессе исследования были использованы методы анкетирования российских и иностранных студентов, методика Хофстеде, проведен сравнительный анализ результатов опроса. Установлено, что формирование организационной культуры происходит под влиянием национальной, которая, в свою очередь, развивается под воздействием организационных культур. Выявлена четкая тенденция к индивидуализму среди российских студентов, иностранные студенты более склонны к коллективизму. Показатели «Избегание неопределенности», «Дистанция власти» и «Мужественность/женственность» находятся на среднем уровне. Проведенный анализ свидетельствует о том, что организационная культура в студенческой среде МГУ им. Н.П. Огарёва находится на среднем уровне.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА; ВУЗ; НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ; ТРАДИЦИИ; ЦЕННОСТИ; МЕТОДЫ; ИНСТРУМЕНТЫ.

В настоящее время организационная культура пронизывает все виды деятельности и все взаимоотношения внутри фирмы, делая ее коллектив сплоченным и эффективным. Она формирует внешний образ организации, ее имидж и репутацию, определяет характер взаимодействия с клиентами и партнерами. Организационная культура способствует концентрации усилий на приоритетных стратегических направлениях, определяемых в соответствии с основным предназначением компании – ее миссией. Сильная организационная культура способна создать то «социально-экономическое поле», которое обеспечит конкурентные преимущества, высокую эффективность, успешность организации и приверженность ей сотрудников.

Значимость изучения организационной культуры высших учебных заведений обусловлена ее влиянием на нормы поведения и ценности людей, оказывающих влияние на формирование и развитие организационной культуры как в самих вузах, так и в организациях других сфер деятельности.

Следует отметить, что отечественные ученые сравнительно недавно занялись разработкой концепции организационной культуры высшего учебного заведения, выделением и исследованием ее уровней и элементов, изучением технологии ее использования в управлении вузом. Несмотря на достаточную разработанность этих проблем в сфере производства, бизнеса, предпринимательства, невозможно перенести существующие модели и концепции

оржкультуры на систему образования в силу несовпадения структуры вузов и других сфер деятельности организаций, учитывая широкие функции университетов, их ярко выраженную социальную направленность и огромное влияние на развитие современного общества. Необходимо отметить, что вопрос влияния национально-культурных особенностей на развитие организационной культуры университетов также слабо изучен в отечественной литературе.

Параметры, определяющие различия в национальных культурах и оказывающие влияние на поведение индивида. Человечество характеризуется множеством разных национальностей, этнических групп, стремлений, ценностей, религиозных, географических и других отличительных черт. И окружающий мир оно воспринимает через наши различия – через определенные краски и оттенки нашей культуры [6, 12]. На поведение индивидов оказывают влияние факторы, которые можно отобразить в виде треугольника (рис. 1).

Под культурой в долгосрочном периоде будем понимать образ жизни и восприятие мира того или иного народа, которые зависят от норм, правил поведения, усвоенных личностью, ценностей и традиций, разделяемых ею. Характер индивида определяется его личностными параметрами (холерик, сангвиник, меланхолик и т. д.). Влияние ситуации на поведение индивида определяется ее комфортностью, дискомфортностью, временем нахождения в этой ситуации, ее стрессовостью и пр. В нашем исследовании мы будем учитывать влияние на поведение людей и развитие организационной культуры только фактора, который находится

Рис. 1. Факторы, влияющие на поведение индивида

на вершине треугольника, а именно культуры [8, с. 36–39; 11, с. 9–28; 14, с. 19–34].

Ценности личности и черты ее характера неизбежно несут на себе отпечаток ценностей и характера, свойственных большинству представителей той или иной национальной культуры [10]. Эти два фактора больше, чем любые другие, отличают одну национальную культуру от другой, так как именно они в первую очередь оказывают влияние как на поведение работников, так и на методы, стиль управления.

Однако, учитывая разную значимость внутренних составляющих этих факторов и их большое количество, что затрудняет использование их для управления поведением глобальной организации, ученые пытаются сформулировать обобщенные критерии различных национальных культур [2, с. 308; 3, с. 12–13; 5, с. 102–152].

Ответ на вопрос об особенностях национальных культур дают различные исследования, среди которых наиболее популярны модели Г. Хофстеде [15], Г. Лэйна и Дж. Дистефано, Оучи (модель организации типа «Z») [1], классификация Льюиса [4].

Г. Хофстеде провел исследования в 40 странах. В результате анализа ученый пришел к выводу, что единственное, чем можно объяснить систематические и стойкие различия в поведении национальных групп работников в рамках одного мультинационального коллектива, так это той национальной средой, в которой выросли люди до того, как они попали в компанию. По разработанной ученым методике все различия были сведены в четыре группы [15]:

1. *Избегание неопределенности* можно считать степенью, с которой люди данной страны оказывают предпочтение структурированным ситуациям. Таковыми являются ситуации с ясными и четкими правилами поведения, которые могут быть формализованы, а могут поддерживаться традициями. В странах с высокой степенью стремления избежать неопределенности люди склонны к проявлению волнения и беспокойства, к лихорадочности в работе, или «авральности».

2. *Мужественность/женственность*. Согласно Хофстеде, сильное мужское начало в национальной культуре означает настойчивость, самоуверенность, доминирование независимости и честолюбие. В то же время сильное

женское начало свидетельствует о склонности людей к взаимозависимости, эмоциональности, состраданию к человеку.

3. *Индивидуализм/коллективизм.* Этот параметр характеризует ориентацию норм и ценностей национальной культуры либо на индивидуальные, либо на групповые интересы. Высокая степень индивидуализма предполагает, что человек в условиях свободных связей в обществе сам заботится о себе и своих близких в семье и несет ответственность за свои действия. В коллективистских обществах людям с детства прививают уважение к группам, к которым они принадлежат, обычно к семье, роду, клану или организации. Члены группы ожидают, что группа защитит их и будет нести за них ответственность, если они попадут в беду [2, с. 308–309].

4. *Дистанция власти.* По данному признаку характеризуется уровень демократизации стиля управления. При этом низкая степень дистанцирования характеризуется относительным равенством в обществе, а высокая – неравенством [9, с. 60].

Кроме того, выделяют еще одну переменную – долгосрочность ориентации (внимание сосредоточено на будущем), которая проявляется в стремлении к сбережению и накоплению, упорстве и настойчивости в достижении целей. Краткосрочная ориентация (на прошлое и настоящее) проявляется в уважении традиций.

С учетом выявленных Хофстеде культурных различий формируются группы стран с близкими по значению показателями. Россию сложно отнести к одной национальной группе по критерию национальных особенностей культуры. Причинами такого рода неоднородности являются: большое количество национальностей, особенности географического положения, большая площадь страны.

По результатам исследований по Хофстеде россияне являются умеренными коллективистами, склонными к работе в структурах с жесткими правилами и подчинением, не любящими рисковать и действовать в условиях неопределенности, считающими отношения между людьми важнее личных успехов и неспособными к долгосрочному планированию.

М.Г. Руднев в работе «Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран» отмечает, что для среднего россиянина характерна более выраженная

потребность в защите со стороны сильного государства; слабее выражены ценности новизны, творчества, свободы и самостоятельности; менее свойственны склонность к риску, стремление к веселью и удовольствию. У него сильнее выражено стремление к богатству и власти, личному успеху и социальному признанию. Ориентация на личное самоутверждение оставляет в сознании человека меньше места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, а также о тех, кто его непосредственно окружает [Там же. С. 29].

Различия между индивидуальными представителями разных культур бывают меньшими, чем между представителями одной культуры. Их объединяют убеждения или характер. Личностные качества и идеология позволяют объединить представителей разного культурного происхождения.

Убеждения и ценности необязательно ограничиваются национально-культурным происхождением [10]. Они редко существуют изолированно и обычно «вплетены в ковер» под названием «идеология». Под идеологией подразумевается систематизированный ряд убеждений и ценностей. Идеология – это взгляд на мир, опирающийся на систему целей и средств. Где яснее определены цели и средства, там мы видим более идеологизированную систему убеждений; где они расплывчаты, там система убеждений менее идеологизирована.

Разумеется, между культурами есть системные различия, но они существуют и внутри культур. Даже при работе в одной стране можно наблюдать различия в социальном положении, образовании, вероисповедании, политических взглядах, этнической принадлежности, внешности и одаренности людей. Люди отличаются друг от друга и личностными параметрами, поэтому каждый индивид неповторим.

Национальная культура определяет основные небиологические различия между людьми. Но если сконцентрировать свое внимание только на этом, то это окажется далеко не лучшим способом понимания межнациональных различий. Особенности идеологии и личностных качеств обычно более четко определяют структуру небольшой рабочей группы, чем их общая национальная культура.

По мнению Р.Д. Льюиса [4], представители нескольких сотен национальных и региональ-

ных культур мира могут быть условно разделены на три группы:

- 1) моноактивные, ориентированные на задачу, четко планирующие свою деятельность;
- 2) полиактивные, ориентированные на людей, словоохотливые и общительные;
- 3) реактивные, интровертные, ориентированные на сохранение уважения.

В компаниях с моноактивной культурой принято систематически планировать будущее в мельчайших подробностях и деталях. Вся работа в организации осуществляется строго по планам и расписанию, проекты разбиваются на этапы. Люди опираются строго на факты, прописывают все процедуры, каждый отдел выполняет установленный круг функций.

Образ жизни полиактивных фирм существенно отличается от моноактивных: планирование в них осуществляется только в общих чертах; работа выполняется в любое время суток; график непредсказуем, есть вероятность наложения проектов друг на друга. Сотрудники могут заниматься делами всех подразделений, используют в работе связи, ищут протекции.

Компании с реактивным типом культуры – это фирмы с так называемым японским подходом. В реактивной культуре деятельность организуется в зависимости от меняющейся обстановки и является реакцией на эти изменения.

Большинство зарубежных компаний представлены моноактивным типом культуры (Германия, США, Норвегия, Дания, Швеция и т. д.). Исходя из того, что Россия относится к полиактивной культуре, наладить отношения со своими иностранными коллегами достаточно сложно. По данным исследователей, русским легче сотрудничать с итальянцами, испанцами, французами, восточными славянами, со всеми теми, кто относится к полиактивной культуре. В общении с народами реактивных культур не должно возникать больших трудностей как у представителей моноактивных, так и полиактивных культур [4, с. 203–205].

Но классификация Р.Д. Льюиса не исчерпывает всей полноты существа индивида. Недостаточно делить культуры на моноактивные, полиактивные и реактивные, когда в разных ситуациях, в разных транснациональных компаниях одни и те же люди могут реализовывать нормы, правила поведения, исповедовать ценности разных культур [10].

В качестве основной проблемы, возникающей при взаимодействии организационной и национальной культур, следует отметить непонимание важности ее учета в деятельности организации. Многие российские организации не уделяют данному фактору никакого внимания, в результате происходят конфликты как в рабочем коллективе, так и в организации в целом.

Очевидно, что помимо интеграции с другими деловыми культурами российская культура должна сохранять самостоятельность и оригинальность. Важно понимать, что, прежде чем что-то развивать и изменять в сложившейся системе, необходимо проанализировать национальные особенности и понять, чем отличается российский менталитет от менталитета тех народов, с которыми мы взаимодействуем и у которых перенимаем опыт. Кроме того, следует различать культуру русских и культуру россиян, включающую свыше 100 национальных культур, с присущими только им особенностями. Несмотря на то что в настоящее время организационная культура в России находится на стадии развития, многие российские менеджеры считают организационную культуру, учитывающую национальные особенности россиян, успешной и продуктивной.

Методы и инструменты, используемые для характеристики организационной культуры.

Для целостного описания организационной культуры используются самые разные методы – интервью, анкетные опросы, анализ документов и исторических данных, полевое наблюдение (наблюдение за непосредственной жизнью организации в течение длительного времени). Технология оценки организационной культуры включает в себя исследование поверхностного, организационного и внутреннего уровней. Первое впечатление, которое складывается в момент знакомства с той или иной организацией, формируется на основе восприятия внешнего вида ее помещений и поведения сотрудников. Дизайн помещений, степень использования фирменного стиля, символики, стиль одежды сотрудников, профессиональный сленг и т. п. – первые видимые проявления организационной культуры для постороннего посетителя.

Изучение поверхностного уровня организационной культуры Мордовского государст-

венного университета им. Н.П. Огарёва целесообразно начать с таких внешних культурных артефактов, как символы вуза. За время работы вуза была разработана и утверждена официальная символика. Главная ее составляющая – фирменный знак университета (логотип). Это стилизованное изображение буквенного сочетания «МГУ» [7]. Логотип известен тысячам людей, специалистам, обучавшимся в Мордовском государственном университете, и студентам – соотечественникам и лицам из ближнего и дальнего зарубежья.

Флаг – атрибут многих университетов в России. В МГУ им. Н.П. Огарёва также разработан макет флага [13].

Официальные символы активно пропагандируются руководством университета. Во всех его корпусах есть стенды, на которых располагается основная информация о вузе и отдельных факультетах: история, миссия, направления развития и т. д. Также на некоторых стендах наглядно отражены результаты деятельности сотрудников и студентов вуза, политика в области качества, система менеджмента качества и др. Часто фирменный знак университета можно увидеть на информационных письмах, программах конференций и семинаров, проводимых в университете и др.

Таким образом, официальная символика, являющаяся видимым, наблюдаемым символом вуза, помогает идентифицировать сотрудников и студентов с университетом. Проведенное исследование позволило установить, что предметы с символикой МГУ им. Н.П. Огарёва имеют только 53 % респондентов. Кружку с символикой университета хотели бы иметь большинство опрошенных – 43 %, блокнот – 28 %, ручку – 19 %, календарь – 7 %. Другое отметили 3 % респондентов (среди вариантов рассматривались футболка, книги, ежедневник).

Поскольку ценности организации декларируются и фиксируются в целевых установках, в документах, определяющих основные принципы ее деятельности, представлялось целесообразным узнать, знакомы ли студенты с миссией университета. На вопрос «Знаете ли Вы миссию университета?» 42 % опрошенных ответили, что знают, 19 % – смутно представляют и 39 % респондентов не знают ее.

Традиции, ритуалы, церемонии являются частью символического блока культуры. Они

отражают сильные, значимые стороны культуры университета и ее важнейшие ориентиры, передают социокультурный опыт и духовные ценности из поколения в поколение. В МГУ им. Н.П. Огарёва сложились определенные традиции, которые стали визитной карточкой университета. Например, фестиваль «Студенческая весна», конкурсы «Лучшая комната общежития», «Мисс университета «Сударушка», а также посвящение студентов в первокурсники, день рождения университета и др. Особое внимание уделяется проведению праздников, участию в посвященных им мероприятиях, имеющих более масштабное значение. Это День Победы, 1 Мая, 1000-летие единения мордовского народа с народами российского государства и др. Также важное значение имеют мероприятия, направленные на поддержание здорового образа жизни студентов и сотрудников университета: спартакиада «Здоровье», «Кросс наций», «Лыжня России» и др. Наиболее важные, по мнению студентов, мероприятия – «Студенческая весна», «Лучшая академическая группа», «Сударушка», «Сокол Ясный», различные форумы, научные конференции. Студенты медицинского университета также отмечают День Гиппократы.

Результаты сравнительного анализа восприятия параметров организационной культуры вуза российскими и зарубежными студентами. Современные процессы глобализации и ускоряющиеся темпы технического развития касаются не только коммерческих и деловых структур, но и образовательных систем. В настоящее время страны – участницы Болонского процесса видят одной из наиважнейших компонент развития высшего образования движение к сопоставимости национальных систем высшего образования для поддержки академической мобильности и совместных образовательных программ, которые, в свою очередь, являются важным инструментом для повышения качества образовательных программ и исследований. На Всемирной конференции по вопросам высшего образования ЮНЕСКО 2009 года отмечалось, что академическая мобильность, и в том числе кросс-границное получение образовательных услуг, является фактором повышения качества и эффективности высшего образования. В этом свете вопросы интеграции отечественных вузов

в международную систему высшего образования весьма актуальны.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва активно развивает международную сферу деятельности, включая привлечение для обучения иностранных студентов. Ежегодный годовой контингент обучающихся иностранных граждан превышает 800 человек. В настоящее время в МГУ им. Н.П. Огарёва обучаются граждане из более чем 20 стран дальнего и ближнего зарубежья: Бангладеш, Венгрии, Ганы, Египта, Индии, Италии, Йемена, Нигерии, Норвегии, Пакистана, Сирии, Судана, США, Танзании, Финляндии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Шри-Ланки, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Киргизии, Молдавии, Туркменистана, Узбекистана, с Украины. В связи с этим актуальной задачей для университета является исследование влияния национально-культурных особенностей на его организационную культуру.

Исследование организационной культуры в МГУ им. Н.П. Огарёва, а также определение влияния на нее национально-культурных особенностей проводилось в несколько этапов: на первом этапе осуществлялась подготовка к исследованию, разрабатывались его программа и инструментарий; на втором этапе было проведено поверхностное исследование университета, изучение документов; на третьем – анкетирование студентов и преподавательского состава; на четвертом этапе осуществлялась статистическая обработка первичных данных; на пятом, заключительном, этапе проводился анализ и интерпретация полученных результатов, формировались выводы и подводились итоги исследования.

Объем выборки при анкетировании студентов составил 250 человек; 8 % из них – это студенты из Ирака, Киргизии, Пакистана, Узбекистана, Туркменистана, Йемена, Судана (медицинский институт).

В качестве вопросника использовалась анкета для диагностики организационной культуры среди студентов (1-я часть – исследованы общие составляющие культуры, 2-я часть – проведена по методике Хофстеде).

Анкетирование проводилось среди студентов разных курсов и специальностей по нескольким аспектам развития организационной культуры в студенческой среде. Вопросы

задавались в закрытой и открытой форме для последующего их обобщения и статистической обработки.

В первом блоке анкеты выяснялось знание студентов организационной культуры университета. Так, на вопрос «Что для Вас организационная культура?» почти 40 % респондентов ответили, что это наличие знаков университета (символики), около трети опрошенных считают, что это комплекс традиций и обрядов (рис. 2).

При этом большинство опрошенных студентов (52 %) считают, что студенчество нуждается в организующем и объединяющем управлении организационной культурой, а 28 % придерживаются мнения, что студентам нужен не контроль, а лишь «направляющая рука» (рис. 3).

Что же касается качества образовательного процесса, то, несмотря на создание и развитие различных методик обучения, квалифицированный профессионально-преподавательский состав вуза, следование государственному стандарту высшего профессионального образования, только 46,8 % респондентов полностью удовлетворены качеством образования, 34 % частично удовлетворены, 19,2 % не удовлетворены.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для Вас организационная культура?»

При проведении анкетирования среди опрашиваемых студентов наметилась определенная тенденция к индивидуализму. На вопрос «Как Вы предпочитаете выполнять задания?» большинство студентов (72,8 %) ответили, что индивидуально, 27,2 % – в группе. Причем 75 % иностранных студентов медицинского института за выполнение заданий индивидуально, 25 % – в группе. Лишь 12,8 % респондентов постоянно берут инициативу в свои руки, 57,2 % – периодически, 20 % – довольно редко, 10 % – никогда.

Конфликт – особое взаимодействие индивидов, групп, объединений, которое возникает при их несовместимых взглядах, позициях и интересах. Многие воспринимают конфликт как факт человеческого существования. Опрошенные студенты отметили, что наиболее часто в университете встречается конфликт между личностью и группой – 41,6 %, межличностный конфликт отметили 30,8 % респондентов. По мнению студентов, наименее редко встречаются межгрупповые конфликты (рис. 4).

Следует заметить, что 45 % иностранных студентов отметили, что чаще бывают конф-

ликты между личностью и группой, и в то же время 45 % таких студентов считают, что конфликты отсутствуют (т. е. этот показатель почти в 2 раза превышает аналогичный показатель у российских студентов).

Помимо вопросов на знание миссии университета, символики, проводимых в университете мероприятий, студентам также задавались вопросы, направленные на определение степени удовлетворенности интерьером университета (дизайном, комфортностью) и дресс-кодом. В результате анкетирования были получены следующие данные: 50 % респондентов считают, что университету требуются некоторые изменения в интерьере, 26 % отметили привлекательность интерьера, а 24 % считают его непривлекательным. Что же касается дресс-кода, то 56,8 % респондентов против него, 30,4 % считают, что необходима официальная одежда, и 12,8 % выступили за специальную форму. Большинство иностранных студентов (45 %) высказались за специальную форму, 40 % считают, что в форме нет необходимости, 15 % – за официальную форму.

При ответе на вопрос «Чем может гордиться университет?» многие студенты отме-

Рис. 3. Распределение ответов опрошенных студентов на вопрос «Нуждается ли студенчество в организующем и объединяющем управлении организационной культурой?»

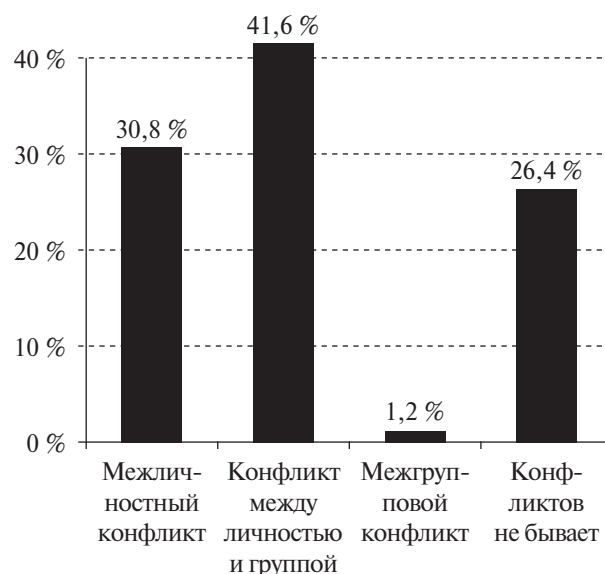

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой тип конфликта чаще всего встречается в университете?»

тили статус национально-исследовательского университета. Также в качестве ответов были представлены следующие варианты: новым главным корпусом, активным студенчеством, качеством образования. Отвечая на вопрос «Кем может гордиться университет?», студенты в основном отмечали спортсменов (Е. Лашманову, В. Катунь и др.), ректора университета С.М. Вдовина, а также Н.П. Огарёва, имя которого носит вуз.

Во втором блоке анкеты студентам предстояло ответить на пять групп вопросов, которые характеризуют параметры культуры по Хофстеде. Полученные ответы оценивались по 5-балльной шкале, и по общей сумме баллов делался расчет среднего значения параметра. На основе средней величины по каждому измерению вычислялся свой индекс или показатель: из средней величины вычиталась цифра 3, полученный результат умножался на 25 (или 20 – в случае с измерением «мужественность/женственность»), и к нему прибавлялась цифра 50. Таким образом, индексу придавалось измерение по шкале от 0 до 100 баллов. Вычисление показателя организационной культуры осуществляется по формуле

$$I = (a - 3) \cdot 25 + 50, \quad (1)$$

где I – индекс (показатель) организационной культуры;

a – средний балл по 5-балльной шкале.

По данной формуле были рассчитаны все индексы измерений организационной культуры:

- избегание неопределенности,
- индивидуализм/коллективизм,
- дистанция власти,
- патернализм,
- женственность/мужественность.

Для определения уровня параметра «Избегание неопределенности» в студенческой среде респондентам было предложено выразить свое мнение относительно следующих утверждений:

- студентам необходима детализация по выполняемой работе,
- студентам необходимо точно следовать Уставу университета,
- в процессе учебы важно соблюдать правила и предписания,
- для выполнения заданий необходима стандартизация процедур.

Среднее значение параметра «Избегание неопределенности» (ИН) среди российских студентов МГУ им. Н.П. Огарёва составило 3,25 балла, среди иностранных студентов – 3,74 балла. Расчет индекса данного параметра производился по формуле (1):

$$\begin{aligned} \text{ИН}_{\text{рос.}} &= (3,25 - 3) \cdot 25 + 50 = 56,25 \text{ балла} \\ \text{ИН}_{\text{инстр.}} &= (3,74 - 3) \cdot 25 + 50 = 68,5 \text{ балла} \end{aligned}$$

Полученные результаты свидетельствуют о том, что показатель «Избегание неопределенности» у иностранных студентов, учащихся в МГУ им. Н.П. Огарёва, на 12,25 балла выше, чем у российских, т. е. иностранным студентам более необходима детализация по выполняемой работе, для них более важно соблюдение правил и предписаний, а также следование Уставу университета. Показатель национальной культуры России, полученный в результате исследования А.И. Наумова, составил 68 баллов [4]. Его значение приближено к аналогичному показателю для иностранных студентов и менее для российских, хотя высокое «избегание неопределенности» характерно и для них.

Для определения значения параметра «Коллективизм/индивидуализм» респондентам было предложено выразить свое мнение относительно следующих утверждений:

- для выполнения задания важны благополучие и успех группы,
- студенту важно признание его членами группы,
- в целях успеха группы возможно ущемление индивидуальных интересов,
- интересы группы преобладают над интересами ее членов.

Высокий показатель данного параметра характеризует склонность студентов к коллективизму, общественные цели и благосостояние ставятся выше личных, низкий его показатель означает склонность к индивидуализму, большее значение придается достижению личных целей.

По результатам исследования получены следующие индексы для параметра «Коллективизм/индивидуализм» (КИ) среди иностранных и российских студентов:

$$\begin{aligned} \text{КИ}_{\text{рос.}} &= (2,9 - 3) \cdot 25 + 50 = 47,5 \text{ балла} \\ \text{КИ}_{\text{инстр.}} &= (3,8 - 3) \cdot 25 + 50 = 70 \text{ баллов} \end{aligned}$$

Из полученных результатов следует, что разница между индексами КИ российских и иностранных студентов довольно велика. Несмотря на то что Россия считается страной, склонной к коллективизму, проведенное исследование показало, что в настоящее время это утверждение не отражает реального положения дел. Изменение условий в России привело к тому, что уровень коллективизма имеет тенденцию к снижению. Большинство иностранных студентов ставят интересы группы выше своих. Студенты считают социально менее приемлемым преследовать собственные цели, не заботясь о других. Коллективистские общества более эмоционально зависимы от организации (в нашем случае – университета), которая, в свою очередь, несет ответственность за своих студентов.

Для определения значения параметра «Дистанция власти» респондентам было предложено выразить свое мнение относительно следующих утверждений:

- руководство всегда должно принимать решения без участия сотрудников,
- в управлении университетом необходимо использовать власть и авторитет,
- руководство может игнорировать мнение сотрудников и студентов,
- руководство должно избегать личных контактов с сотрудниками,
- сотрудники должны быть согласны с решением руководства,
- руководство не стремится передавать часть своих обязанностей сотрудникам.

В результате исследования получены следующие индексы для параметра «Дистанция власти» (ДВ):

$$\begin{aligned} \text{ДВ}_{\text{рос.}} &= (2,75 - 3) \cdot 25 + 50 = 43,75 \text{ балла} \\ \text{ДВ}_{\text{иностр.}} &= (3,03 - 3) \cdot 25 + 50 = 52 \text{ балла} \end{aligned}$$

В связи с этим следует отметить, что значение параметра «Дистанция власти», по мнению студентов, находится на среднем уровне, т. е. приветствуется демократический стиль управления. Согласно результатам исследования, проведенного А.И. Наумовым применительно к российским респондентам, величина данного параметра составила 40 баллов.

Следующим параметром, на основе которого осуществлялась диагностика организационной культуры, является «Патернализм/долгосрочная (краткосрочная) ориентация». Для

расчета данного параметра студентам предлагалось изложить свое отношение к следующим утверждениям:

- университет должен оказывать помощь в решении личных проблем,
- университет должен обеспечить медицинское обслуживание.

В результате анкетирования были получены следующие значения параметра «Патернализм» (П):

$$\begin{aligned} \text{П}_{\text{рос.}} &= (3,8 - 3) \cdot 25 + 50 = 70 \text{ баллов} \\ \text{П}_{\text{иностр.}} &= (3,75 - 3) \cdot 25 + 50 = 68,75 \text{ балла} \end{aligned}$$

Значения данных показателей свидетельствуют, что студенты хотят, чтобы их «опекали», особенно в сфере медицинского обслуживания. Большинство студентов (93 %) убеждены в том, что университет должен обеспечить медицинское обслуживание.

Для определения значения параметра «Мужественность/женственность» (МЖ) респондентам было предложено выразить свое мнение относительно следующих утверждений:

- заседания, проводимые мужчинами, более эффективны;
- профессиональная карьера важнее для мужчин;
- у мужчин – логика, у женщин – интуиция;
- мужчина – лучший организатор, чем женщина;
- мужчина-руководитель предпочтительнее, чем женщина-руководитель.

$$\begin{aligned} \text{МЖ}_{\text{рос.}} &= (2,68 - 3) \cdot 20 + 50 = 43,6 \text{ балла} \\ \text{МЖ}_{\text{иностр.}} &= (3,1 - 3) \cdot 20 + 50 = 52 \text{ балла} \end{aligned}$$

По А.И. Наумову, значение данного показателя для России составило 55 баллов [4]. Из полученных данных следует, что значение показателя для параметра «Мужественность/женственность» у иностранных студентов близко к значению показателя, полученному Наумовым. Таким образом, можно говорить о преобладании «мужественности» в культуре. Среди российских студентов прослеживается склонность к «женственности», но это также зависит от отдельных людей, так как мнения по данному вопросу разделились. Наибольший средний балл по 5-балльной шкале был 4,2 балла, а наименьший – 1,6 балла.

Обобщенные результаты исследования организационной культуры представлены в таблице.

Показатели параметров организационной культуры, полученные в результате анкетирования студентов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, баллы

Студенты	Параметры организационной культуры				
	Избегание неопределенности	Коллективизм/индивидуализм	Дистанция власти	Патернализм	Мужественность/женственность
Российские	56,25	47,5	43,75	70	43,6
Иностранные	68,5	70	52	68,75	52

В процессе исследования была также проведена сравнительная оценка полученных данных с результатами исследования А.И. Наумова по национальной культуре России (рис. 5).

Из рис. 5 видно, что национальная культура влияет на организационную. Хотя индексы параметров среди студентов МГУ им. Н.П. Огарёва немного выше, соотношение остается примерно одинаковым. Значения параметров культуры иностранных студентов существенно отличаются от параметров национальной культуры России по таким критериям, как «Коллективизм/индивидуализм» и «Дистанция власти». В то же время по критериям «Избегание неопределенности» и «Мужественность/женственности» значения параметров довольно близки.

Проведенный анализ параметров организационной культуры в студенческой среде МГУ им. Н.П. Огарёва позволил сделать следующие выводы:

1. Наличие конфликтов между личностью и группой отметили 41,6 % студентов. Это может отрицательно сказываться не только на организации учебного процесса, но и на морально-психологическом настрое студентов. Преподавателям и администрации университета необходимо обращать внимание на возникающие проблемы общения между студентами и помогать разрешать их.

2. Половина опрошенных студентов считают, что интерьер университета нуждается в некотором изменении. В основном «за изменения» голосуют студенты, обучающиеся в старых или реконструируемых зданиях. Что касается единой одежды, то, по мнению большинства респондентов, в университете не должно быть определенного дресс-кода. В то же время иностранные студенты, обучающиеся в медицинском институте, ратуют за специальную форму для них.

3. В результате исследования, проведенного по методике Хофстеде, была выявлена четкая тенденция к индивидуализму среди российских студентов. Иностранные студенты более склонны к коллективизму. Показатели параметров «Избегание неопределенности», «Дистанция власти» и «Мужественность/женственность» находятся на среднем уровне. У иностранных студентов более выражено стремление к избеганию неопределенности, более высокий уровень дистанции власти и склонность к мужественности.

4. Формирование организационной культуры происходит под влиянием национальной культуры, а последняя, в свою очередь, формируется и изменяется под воздействием организационных культур.

Всё это свидетельствует о том, что организационная культура в студенческой среде МГУ им. Н.П. Огарёва находится на среднем уровне. Чтобы увеличить конкурентные преимущества университета, необходимо управлять основными параметрами организационной культуры.

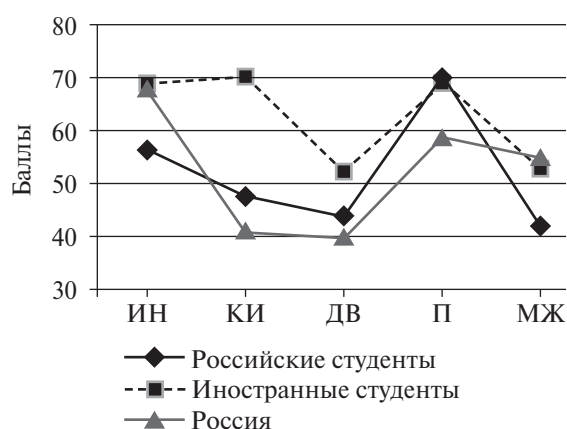

Рис. 5. Сравнительные значения параметров организационной культуры МГУ им. Н.П. Огарёва в контексте общероссийской национальной культуры

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экономистъ, 2006. 670 с.
2. Глушаков В.Н. Организационное поведение: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Вузовский учебник, 2012. 352 с.
3. Гуськова Н.Д., Ерастова А.В., Малясова М.М. Организационная культура и эффективность деятельности промышленного предприятия: моногр. Саранск, Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 128 с.
4. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999. 440 с.
5. Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента: как вести бизнес с представителями других стран и культур: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дело, 2012. 256 с.
6. Неретина Е.А., Ерастова А.В. Управление процессами формирования и развития организационной культуры: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 124 с.
7. Электронный ресурс. Официальный сайт МГУ им. Н.П. Огарёва. URL: <http://www.mrsu.ru>.
8. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учеб.-метод. пособие. М.: Юнити-Дана, 2006. 223 с.
9. Руднев М.Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран: автореф. дис. ... канд. социол. наук. URL: <http://www.isras.ru/>.
10. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 2-е изд., испр. М.: Флинта : Наука, 2004. 320 с.
11. Симонова Л.М., Стровский Л.Е. Кросскультурные взаимодействия в международном предпринимательстве: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2003. 189 с.
12. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании. М.: Управление персоналом, 2003. 456 с.
13. У МГУ им. Н.П. Огарёва появится новый флаг // Известия Мордовии. URL: <http://izvmor.ru/news/view/18747>.
14. Холден Н.Дж. Кросскультурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента: учеб. пособие [пер. с англ.]. М.: Юнити-Дана, 2005. 384 с.
15. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1984. 328 p.

ГУСЬКОВА Надежда Дмитриевна — доктор экономических наук, заведующий кафедрой Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Россия, 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
e-mail: econauka@yandex.ru

ПАКШИНА Мария Владимировна — магистр Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Россия, 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
e-mail: sweet22.10@mail.ru

N.D. Guskova, M.V. Pakshina

COMPARATIVE ANALYSIS OF PERCEPTION THE PARAMETERS OF ORGANIZATIONAL CULTURE OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION BY RUSSIAN AND FOREIGN STUDENTS

Formation of organizational culture in many respects is defined by national and cultural features. Essentiality of cultural distinctions in perception to parameters of organizational culture is proved by their examination in features of relation to the right time or to interaction between members of group in the different countries, etc. The main cultural distinctions could be shown in questions of collectivism and

individualism, and also in relations to uncertainty, to a power distance, etc. Consistency of organizational values is evidence to the high level of organizational culture. The most wished state of organizational culture is the situation when corporate and individual's values coincides, holding strong position in motivation of individual behavior. The article researches the superficial and internal levels of organizational culture on the example of higher education institution. Besides that in the article the comparative analysis of perception the parameters of organizational culture in Ogarev Mordovia State University (OMSU) by Russian and foreign students is carried out and the directions of its development are defined. The research methods used in the article are questioning of Russian and foreign students, Hofstede's technique, the comparative analysis of questioning results. All these allowed to prove that formation of organizational culture is influenced by national which in its turn develops under the influence of organizational cultures. Also the straight tendency to individualism among the Russian students was revealed. Foreign students are more inclined to collectivism. The indicators "uncertainty avoidance", "a distance of the power" and "masculinity/femininity" are at the average level. The analytical results confirm that the level of organizational culture in the student's environment of omsu is at the average level.

ORGANIZATIONAL CULTURE; HIGHER EDUCATION INSTITUTION; NATIONAL AND CULTURAL FEATURES; TRADITIONS; VALUES; METHODS; TOOLS.

REFERENCES

1. Vichanskiy O.S. *Menedzhment* [Management]. Moscow, Economist Publ., 2006. 670 p. (In Russ.)
2. Glumakov V.N. *Organizatsionnoe povedenie* [Organizational behavior]. Moscow, University book Publ., 2012. 352 p. (In Russ.)
3. Guskova N.D., Erastova A.V., Malyasova M.M. *Organisatsionnaya kul'tura i effektivnost' deyatel'nosti promishlennogo predpriyatiya* [Organizational culture and effectiveness of industrial enterprise]. Saransk, Ogarev Mordovia State University Publ., 2014. 128 p. (In Russ.)
4. Liuis R.D. *Delovye kul'turi v megdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Business cultures in international business. From conflict to understanding]. Moscow, Delo Publ., 1999, 440 p. (In Russ.)
5. Myasoyedov S.P. *Osnovy krosskul'turnogo menedzhmenta: kak vesti biznes s predstaviteliyami drugikh stran i kul'tur* [Basies of crosscultural management: how to do business with representatives of other countries and cultures]. Moscow, Delo Publ., 2012. 256 p. (In Russ.)
6. Neretina E.A., Erastova A.V. *Upravlenie protsessami formirovaniya i razvitiya organizatsionnoy kul'turi* [The management of organizational culture forming and development processes]. Saransk, Ogarev Mordovia State University Publ., 2004. 124 p. (In Russ.)
7. Electronic resource. [Official website of Mordovia Ogarev State University]. Available at: <http://www.mrsu.ru> (accessed 01.06.2015).
8. Roth Yu., Kopteltseva G. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Teoriya i trening* [Cross-cultural communication. Theory and training]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2006. 223 p. (In Russ.)
9. Rudnev M.G. *Bazovye tsennosti naseleniya: sravnenie rossiyan s zhitelyami drugikh evropeyskikh stran*. Available at: <http://www.isras.ru/>.
10. Sergeeva A.V. *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: stereotypes of behavior, tradition, mentality]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 320 p. (In Russ.)
11. Simonova L.M., Strovsky L.E. *Krosskul'turnye vzaimodeystviya v mezhdunarodnom predprinimatel'stve* [Cross-cultural interaction in the international business]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2003. 189 p. (In Russ.)
12. Solomanidina T.O. *Organizatsionnaya kul'tura kompanii* [Company organizational culture]. Moscow, Personnel management Publ., 2003. 456 p. (In Russ.)
13. [Ogarev Mordovia State University has new website]. *Izvestiya Mordovii*. Available at: <http://izvmor.ru/news/view/18747> (accessed 01.06.2015).
14. Holden N.D. *Krosskul'turnyy menedzhment. Kontseptsiya kognitivnogo menedzhmenta*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2005. 384 p. (In Russ.)
15. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values*. Beverly Hills, CA, Sage Publications, 1984. 328 p.

GUSKOVA Nadezhda D. – *Ogarev Mordovia State University.*

Bolshevistskaya ul., 68, Saransk, Respublika Mordoviya, 430000, Russia

e-mail: econauka@yandex.ru

PAKSHINA Mariya V. – *Ogarev Mordovia State University.*

Bolshevistskaya ul., 68, Saransk, Respublika Mordoviya, 430000, Russia

e-mail: sweet22.10@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.227.22
УДК 341:327.364

И.М. Рогов

ДЕННИС НОЭЛЬ ПРИТТ – БОРЕЦ ЗА МИР (К истории борьбы первых антифашистов)

Деннис Ноэль Притт (1887–1972) известен не только как талантливый юрист, выступавший в защиту деятелей рабочего и национально-освободительных движений, но и как политик и историк, борец за мир между народами, непримиримый противник фашизма. История борьбы первых антифашистов, включая период Великой Отечественной войны, остается актуальной.

ДЕМОКРАТИЯ; КОЛОНИАЛИЗМ; ФАШИЗМ; МИЛИТАРИЗМ; НАРОД; МИР.

60 лет тому назад, 3 июня 1955 года, в Кремле английскому юристу, президенту Международной ассоциации юристов-демократов, члену Всемирного совета мира Деннису Ноэлю Притту (1887–1972) вручали Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». Еще не рассеялась угроза атомной войны, а он говорил: «Я твердо верю, что мы спасем мир от гибели. И тогда всё, что есть прекрасного в моей родной Англии... не превратится в потенциальную атомную мишень» [1]. Задолго до этого, в 1933 году, Д. Притт во главе группы демократически настроенных западных юристов нанес первый ошутимый удар по нарождающемуся в Германии фашизму.

Почти два года, с 1964 по 1966 год, я работал, общался и дружил с Приттом в университете Ганы. Несколько

слов о том, как я попал в Африку и что делал выдающийся английский юрист в небольшой западноафриканской стране. 6 марта 1957 года была провозглашена независимость Золотого Берега. Новое государство стало называться

Ганой. Но только 1 июля 1960 года Гана стала республикой, ее президентом был избран лидер борцов за освобождение колонии Кваме Нкрума. Это была одна из первых освободившихся от колониальной зависимости стран Африки.

В 1959 году между СССР и Ганой были установлены дипломатические отношения. Через год Гана подписала соглашение с нашей страной об экономическом и культурном сотрудничестве. Во исполнение одного из положений соглашения в 1963 году в столичный Легонский

D. N. Pratt

Деннис Ноэль Притт

университет Ганы приехал юрист из МГУ, а еще через год — автор этих строк с женой для чтения курса лекций по социальной философии.

После разгрома Народной партии Конвента, незадолго до освобождения колонии Золотой Берег, англичане в наказание сослали лидера освободительного движения Кваме Нкрума в Лондон. Нкрума оказался в столице Великобритании без средств и связей. Его передвижение было ограничено чертой Большого Лондона. И в это трудное время ему оказали поддержку две влиятельные английские демократически настроенные семьи — семья юриста Д. Притта и профессор-африканист Т. Ходжкин с женой биохимиком Д. Кроуфут-Ходжкин. Естественно, когда Кваме Нкрума был избран президентом Ганы и по английской традиции стал главой столичного университета, он пригласил своих друзей-ученых в свою страну, в Легонский университет. Д. Притт принял приглашение и стал специальным профессором права, как бы отдельно от юридической кафедры. Его жена Молли «работала дома»¹. Томас Ходжкин стал приглашенным профессором Института африканистики. Дороти Кроуфут-Ходжкин² не могла покинуть свою лабораторию в Англии и каждые два-три месяца прилетала в Гану к мужу.

Познакомили нас с семьей Приттов их друзья Жоан и Рон Беллами. Рон был лектором на кафедре экономики университета, а опытный филолог Жоан была направлена в Гану английской компартией в помощь редактору антиколониальной газеты «Red Star».

Несмотря на почти сорокалетнюю разницу в возрасте, мы очень сблизились с Деннисом

¹ Молли Притт с августа 1941 года работала заместителем председателя Объединенного комитета помощи Советскому Союзу. Позднее был создан Британский комитет «Фонда помощи России» под руководством жены У. Черчилля, Клементины Черчилль. В фонде активно работала М. Притт. В 1945 году Президиум Верховного Совета СССР наградил К. Черчилль орденом Трудового Красного Знамени, а М. Притт — медалью «За трудовую доблесть». Так что в самое трудное для Англии время Молли не только «работала дома».

² Дороти Кроуфут-Ходжкин (Dorothy Crowfoot-Hodgkin) (1910–1994) — английский биохимик, Нобелевский лауреат по химии (1964), член Лондонского королевского общества, иностранный член АН СССР и ряда других академий.

и Молли Притт. Деннис, скромный и тактичный, был чрезвычайно расположен к нам. Но таким он был только с друзьями. Как мы узнали позднее, с политическими оппонентами Деннис был непримирим. Что касается Молли, то в одну из первых встреч она пригласила мою жену Киру в гости (первый семестр мы жили в Аккре, это примерно в 10 километрах от университетского кампуса). «Я не работаю, — сказала она, — будем болтать, вам это полезно для изучения языка, а мне интересно». Так начались наши встречи. Когда я привозил жену к Молли, а Деннис был дома, он, как правило, не отпускал меня, много расспрашивал и рассказывал, а рассказать было что.

Чтобы понять политическую позицию Д. Притта ко времени нашей встречи, надо обратиться к эволюции его политических и экономических взглядов, что он сам четко описал в первой части своей «Автобиографии»³, изданной в Англии в трех книгах. Первая часть ее называется «Путь справа налево» [2].

Родился Деннис Притт в семье консерваторов, рано включился в политическую жизнь партии тори и, возможно, добился бы успеха на этом поприще. Способности у него были незаурядные, большая работоспособность, владение тремя языками. В 1909 году Притт сдает экзамены на право заниматься адвокатской деятельностью. Ему всего 22 года, и он вырабатывает свой взгляд на долг адвоката, редкий для его английских коллег. Притт отказывается вести дела предпринимателей против рабочих, лендлордов, против рабочих-арендаторов. От консерваторов Притт переходит к либералам, хотя его пребывание там было недолгим. Массовое рабочее движение, охватившее Англию перед Первой мировой войной, ужасы и страдания самой войны, разоблачающие пороки буржуазного общества пьесы Бернарда Шоу, наконец, труды Маркса — всё это окончательно рассеяло у него иллюзии буржуазного либерализма. В 1919 году Притт вступает в лейбористскую партию и активно в ней работает. В 1935 году его избирают членом исполкома партии. В годы Второй мировой войны он начинает серьезное изучение марксизма.

³ См. мою рецензию на эту книгу: Советское государство и право. 1965. № 5.

Первое активное выступление Д. Притта против фашизма связано с поджогом здания рейхстага. Он писал: «По своим последствиям поджог рейхстага, совершенный вечером 27 февраля 1933 года, явился, возможно, в определенном плане наиболее важным событием, происшедшим с 1917 по 1939 год» [3, с. 49]. Организованный нацистами Лейпцигский процесс над обвиняемыми в поджоге четырьмя коммунистами — Георгием Димитровым, Э. Торглером, Б. Поповым, В. Таневым — и провокатором ван дер Люббе известен многим читателям. Защитить четырех невиновных людей значило защитить перед лицом общественного мнения Коммунистическую партию Германии, других коммунистов и показать всему миру, кто и почему поджег здание рейхстага. Послать защитников в Германию оказалось невозможно. Тогда группа прогрессивных юристов из Голландии, Франции, США, Великобритании, Швеции, Бельгии и Дании решили создать в Лондоне Комиссию по расследованию дела о поджоге рейхстага. Председателем этой комиссии был избран Д.Н. Притт. 18 сентября 1933 года, за два дня до начала Лейпцигского суда, комиссия опубликовала свое заключение, в котором доказывала полную невиновность четырех обвиняемых. Радио Лондона, Москвы, Нью-Йорка и Парижа транслировало материалы комиссии. Заключение было отправлено и в Лейпциг, где официально назначенные адвокаты использовали новые материалы в своих речах, а судьи не могли не учитывать наличие этих документов. Под давлением мирового общественного мнения, в формировании которого немалую роль сыграла комиссия, все четыре коммуниста были оправданы.

В 1930-е годы Притт продолжает выступать на политических процессах в Англии. Так, он защищает Гарри Поллита и Тома Манна от преследования за организацию голодных походов безработных с требованием хлеба и работы. Накануне Второй мировой войны Притт открыто и смело выступает против мюнхенской политики. В 1940 году его исключают из лейбористской партии за антивоенную деятельность и поддержку СССР. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, вспоминал Притт, английские военнослужащие стали проявлять большой интерес к России. И он часто посещает воинские части. Он мог почти офи-

циально это делать, так как сохранил мандат депутата парламента. Естественно, что лейбористская партия потребовала от Притта сдать депутатский мандат. Но по английским традициям депутат может обратиться к избирателям, что он и сделал, разослав в своем округе 15 тыс. писем. И волей избирателей сохранил место в парламенте.

Д. Притт активно выступает за открытие второго фронта. После окончания войны он продолжает бороться за мир, так как мир, любил повторять он, очень хрупкий сосуд. Притт защищает деятелей мира и прогресса в Кении и Египте, Британской Гвиане и Гонконге, на Цейлоне и в Северной Родезии. В 1954 году Д.Н. Притту была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». В июне следующего года в Москве Притт принял эту высокую награду [1].

В 1960 году Д. Притт решил оставить юридическую практику. В том же году он сложил с себя полномочия президента Международной ассоциации юристов-демократов и прекратил работу в еще десяти организациях, и поэтому охотно принял предложение президента Республики Ганы. Притт читал студентам курс международного права, консультировал преподавателей-юристов. Как специальный профессор, не закрепленный за кафедрой права, он мог по желанию многократно летать в Англию за счет университета. Деннис много писал. Так, в 1966 году вышла в свет последняя, третья, часть «Автобиографии» — «Защита обвиняет». В очередной раз Притт вместе с

Профессор Д.Н. Притт (в центре), слева — его жена Молли, справа — И.М. Рогов. Легонский университет, Гана. 1965 год

супругой покинул Гану 18 февраля 1966 года. Хорошо это помню, так как в этот день он подарил мне свою книгу. Военно-полицейский переворот в Гане произошел в ночь с 23 на 24 февраля 1966 года. Естественно, что Притт в нее не вернулся.

Помню, Денниса очень волновали события в Западной Германии и в некоторых других странах. Фашизм, говорил он, возрождается. Это его очень беспокоило. Притт делал тогда наброски брошюры «Неофашизм: угроза войны», которая была опубликована уже в Англии.

После Ганы мы регулярно переписывались с Д. Приттом и его супругой. Последнее письмо, присланное в Ленинград, написано Молли Притт от руки. Обычно письма печатались на машинке, а подпись и дата ставились от руки. Молли писала, что благодарит за нашу новогоднюю открытку, что они с Деннисом пять недель были в Кении. Поднимались на высоту 2 тыс. метров. Много напоминало им Гану. Только что вернулись в Британию, очень устали. Деннис закончил раздел книги серии «Закон и общество» — «Марксистский взгляд на английский закон». Письмо начато в Найроби 10 января, дата исправлена на 20 января 1972 года. Послано из Англии с кенийскими марками. Получено в Ленинграде 15 февраля

1972 года. А 23 мая того же года Денниса Нозля Притта не стало.

Чему меня научило довольно долгое общение с этим мудрым человеком? Большинство советских людей моего поколения ненавидели фашизм еще до войны, это была как бы часть нашего патриотизма. Но для многих из нас это отношение было несколько абстрактным. Первая серьезная конкретизация связана с событиями в республиканской Испании. Особенно, когда в российские порты прибыли первые пароходы с испанскими детьми, потерявшими своих родителей. А в интернациональных бригадах в это же время сражались и умирали и советские люди, хотя о последнем официальная печать молчала. Вторая мировая война углубила и конкретизировала отношение многих современников к фашизму. Деннис Притт учил не только ненавидеть фашизм, поверженный в войне и осужденный на Нюрнбергском процессе, но уметь видеть его в новых одеждах, бороться с ним. Фашизм пустил глубокие корни, метастазы его опасны. Его идеи всегда пахнут кровавыми конфликтами, крайним национализмом и грядущей войной. В настоящее время полезно и поучительно вспоминать историю борьбы первых антифашистов, особенно из союзных стран периода Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Правда**. 1955. 4 июня.
2. **Pritt D.N.** The Autobiography. Pt. 1. From Right to Left. Lawrence and Wishart. L., 1961.
3. **Притт Д.Н.** Автобиография [пер. с англ.]. М.: Прогресс, 1968.

РОГОВ Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: krogova@mail.spbstu.ru

I.M. Rogov

NOEL DENNIS PRITT FIGHTER FOR PEACE (A history of the struggle of the first anti-fascists)

Dennis Noel Pritt (1887–1972) was known not only as a talented lawyer, who came out in defense of peace and national-liberation movements, but as a politician and historian as well. He was a true supporter of peace among all peoples and an irreconcilable antifascist. Dennis Noel Pritt began his fight with fascists at the Leipzig process connected with the Reichstag arson. The story of the first anti-fascist struggle, including the period of the Great Patriotic War is actual our days.

DEMOCRACY; COLONIALISM; FASCISM; MILITARISM; PEOPLE; PEACE.

REFERENCES

1. Pravda, 1955, Jun. 4. (In Russ.)
2. Pritt D.N. The Autobiography. Pt. 1. From Right to Left. Lawrence and Wishart. London, 1961.
3. Pritt D.N. Avtobiografiya. Moscow, Progress Publ., 1968. (In Russ.)

ROGOV Igor M. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: krogova@mail.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

*С.В. Кулик, Н.В. Офицерова***МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЛТА-1945:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕ»**

В статье представлен обзор докладов Международной конференции «Ялта-1945: прошлое, настоящее, будущее», состоявшейся 4 и 5 февраля 2015 года в Ялте. Подчеркивается важность соблюдения ялтинских решений для современного мира.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ; ЯЛТА; 1945; ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

4 и 5 февраля 2015 года в Ливадийском дворце в Ялте прошла Международная конференция, посвященная 70-летию Ялтинской (Крымской) конференции стран антигитлеровской коалиции. Более 130 ее участников, представлявших 23 страны, заслушали 25 докладов и приняли участие в оживленной дискуссии. Практически все докладчики проводили исторические параллели с современностью.

С приветствием к участникам конференции обратились полпред Президента РФ в Республике Крым О. Белавинцев, зачитавший приветствие Президента РФ, в котором В.В. Путин выразил надежду, что, несмотря на развернувшуюся кампанию по пересмотру итогов Великой Отечественной войны, роли СССР в великой Победе, политики смогут использовать позитивный опыт устройства многополярного мира, а также организаторы мероприятия.

Председатель правления Фонда развития гражданского общества К. Костин в своем выступлении обратил внимание на серьезные изменения послеялтинского мирового устройства и призвал политиков выработать новые методы разрешения проблем, искать точки соприкосновения без переписывания и фальсификации истории.

Руководитель Фонда исторической перспективы доктор исторических наук Н.А. Нарочницкая отметила, что в Ялте утвердились принципы «особости и инаковости», а не стандарты западной демократии, сославшись при этом на Устав ООН.

Руководитель Международной ассоциации фондов мира, чемпион мира по шахматам

А.Е. Карпов говорил о победе как о состоянии после беды.

Кроме того, с приветствиями в адрес участников конференции обратились глава Республики Крым С. Аксенов и глава Госсовета Республики Крым В. Константинов, которые отметили право народов уничтожить следы нацизма и фашизма, право народа Крыма на свободное самоопределение.

Председатель Государственной думы РФ С.Е. Нарышкин, находившийся в Крыму с рабочим визитом и принявший участие в работе конференции, отметил, что республиканская идея «Ялта — величайшая несправедливость XX века» ведет к тупику в международных отношениях. Он подчеркнул, что усилия западных политиков еще больше разрушают общеевропейскую систему доверия. В современном мире происходит вытеснение норм международного права, морали, памяти поколений двойными стандартами.

Н.А. Нарочницкая в своем докладе «Геополитические итоги Ялтинской конференции и их роль в истории XX века» обратила внимание на Устав ООН, первая глава которого утверждает суверенное равенство государств, а не идеалы западной демократии, что сейчас забывается и попирается. На Ялтинской конференции была признана преемственность геополитических интересов Российской империи и СССР. Современная ситуация в мире зачастую напоминает последние годы перед Второй мировой войной.

Заместитель директора Историко-документального департамента МИД России А.Ю. Руд-

ницкий рассмотрел вопросы дипломатической подготовки Ялтинской конференции, обратив внимание на негативное отношение У. Черчилля к перестановкам советского дипломатического корпуса в Великобритании.

Профессор Кентского университета Р. Саква в своем докладе остановился на двух исторических событиях: Ялте-1945, где СССР закрепил свой статус великой державы, и Мальте-1989, где он его потерял. Мечты М.С. Горбачева о «Большой Европе» привели к договоренности с Дж. Бушем-старшим, который пообещал не расширять НАТО на Восток. Как выполняется это обещание, мы видим на протяжении 20 лет. Этот тезис был оспорен многими участниками конференции, как в кулуарах, так и с трибуны. Приводились следующие аргументы: Англия и Франция, потеряв колонии, не утратили статуса великой державы; Франция, потерпев поражение в начале Второй мировой войны, также не лишилась его.

Французский историк-славист Ф.К. Кокен («Коллеж де Франс») обратил внимание участников конференции на одну из причин эволюции советского режима – гибель огромного числа молодежи во время Великой Отечественной войны.

Председатель комитета Государственной думы по образованию, декан факультета государственного управления МГУ В.А. Никонов рассмотрел политику компромиссов на Ялтинской конференции, которой придерживался каждый из «большой тройки», что и позволило им реализовать свои интересы. Так, И.В. Сталин добился признания решающей роли СССР в Победе и закрепления ее результатов, репараций, пересмотра ряда результатов Русско-японской войны совместно с У. Черчиллем. Вместе с Ф. Рузвельтом он настоял на принятии решения о применении «права вето» в Совете Безопасности ООН. Главной конструкцией международной системы безопасности стала ООН, но она, как и Хельсинкские соглашения, уже не отражает современного миропорядка. Нужны новые форматы работы, наиболее привлекательными из которых, по мнению В.А. Никонова, являются дипломатические действия «двадцатки».

Интересные вопросы были подняты Ж.-П. Аррионом. Он обратил внимание на то, что учеников французских школ в старших классах не учат, а «идеологизируют, просвещают».

В возрасте 12–18 лет французские школьники в принципе не могут прочитать в учебнике о СССР и РФ, так как этой информации там нет.

А. Смех, заведующий библиотекой университета города Лодзь, рассказал о неудачной попытке общественной организации SUOZUN (Польша) осудить преступления ОУН – УПА в Европейском суде по правам человека, несмотря на приведенные ею страшные цифры и факты (убийство 250 тыс. поляков, издевательства над младенцами, женщинами и стариками).

Директор Института Европы РАН А.А. Громыко охарактеризовал значимость ялтинских решений в современном мире.

Руководитель высшей школы телевидения МГУ В. Третьяков отметил слабую активность российских историков в борьбе с фальсификацией отечественной истории.

Дж. Локленд, профессор университетов Кембриджа и Сорбонны, остановился на идеологии и геополитике двух холодных войн, причиной которых стали отказ от политического плюрализма и признание в США решений Ялтинской конференции как «высшей несправедливости». Отметил он и такие причины присоединения Крыма к РФ, как следование исторической памяти и стремление обезопасить Черноморский флот от включения в военные силы НАТО.

Французский эксперт по международному праву А. Тампль рассмотрел проблемы национального государства в современном мире, весьма отличном от «мира Ялты», который продержался до 1993 года. Глобальные проблемы современности, космополитизм, постоянное подчинение США, аморальность современной политики, разница мнений парламентариев и народа (например, в Греции, Франции и других европейских государствах) требуют пересмотра мирового и европейского устройства.

А.Б. Гонсалес, профессор университета Комплутенсе (Мадрид), отметил разницу между идеями «Большой Европы» и современной ситуацией. Западная Европа в настоящем – «внутренний дворик» США, которые ведут «гнусные войны», зачастую «чужими руками», в целях контроля над мировыми энергоресурсами.

Таким образом, все докладчики подчеркивали необходимость возвращения к главенствующей роли ООН, полноценному международному диалогу и отказа от однополярной модели мира.

Конференция завершилась церемонией открытия памятника лидерам стран антигитлеровской коалиции – участникам Ялтинской конференции 1945 года и принятием резолюции, в которой подчеркнута необходимость напоминания политикам о содействии возвра-

щению международного диалога и сотрудничества, а также необходимость осудить возрождение фашизма в любой форме, содействовать распространению достоверной информации о Второй мировой войне, сотрудничестве стран антигитлеровской коалиции.

КУЛИК Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kulik54@mail.ru

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: oficernv@mail.ru

S.V. Kulik, N.V. Ofitserova

INTERNATIONAL CONFERENCE “YALTA-1945: PAST, PRESENT, FUTURE”

The article presents a review of the reports of the International conference “Yalta-1945: past, present, future”, highlights the importance of adhering to the Yalta decisions for the modern world.

INTERNATIONAL CONFERENCE; YALTA; 1945; WORLD WAR II.

KULIK Sergey V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kulik54@mail.ru

OFITSEROVA Natalya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: oficernv@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 3 (227) 2015

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 29.10.2015. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,62. Уч.-изд. л. 23,62. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru